

О. И. Завьялова



БОЛЬШОЙ МИР КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

КУРС ЛЕКЦИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

О. И. Завьялова

БОЛЬШОЙ МИР КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Издание второе

**ВОСТОЧНАЯ
КНИГА**

Москва • 2014

УДК 811.581
ББК 81.2Кит
3-13

Завьялова О. И.

3-13 Большой мир китайского языка / О. И. Завьялова. — 2-е изд — М.: Восточная книга, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-7873-0790-0

Китайский язык и древнейшая иероглифическая письменность — главные носители цивилизации Срединного государства, насчитывающей несколько тысячелетий. Новое расширенное издание книги О. И. Завьяловой состоит из разделов-лекций, которые адресованы разным читателям — как тем, кто уже в той или иной степени овладел самым распространенным языком планеты, так и тем, кто еще только задумывается о целесообразности его изучения. После выхода первого издания в 2010 году эти лекции стали весьма популярными в различных учебных заведениях с преподаванием китайского языка.

Материалы книги сопровождают подчас уникальные фотографии на лингвистические темы. Они сделаны в разных районах Китая автором, доктором филологических наук О. И. Завьяловой, которой принадлежат многочисленные исследования о китайском языке, опубликованные в России, Китае, Японии и других странах.

УДК 811.581
ББК 81.2Кит

© О. И. Завьялова, 2014
© ООО «Восточная книга», 2014

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ	
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	13
Языковая политика и языковой контроль	14
Государственная поддержка языкознания	19
Филологические экзамены как фундамент новой кадровой политики	21
Переосмысление языковых реформ середины XX века	25
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В КИТАЕ И МИРЕ	31
Самый распространенный язык планеты	32
Официальный вариант китайского языка: история и названия	37
Полвека продвижения <i>путунхуа</i> в КНР	43
Диалекты начинают отступать	47
Языковая ситуация на Тайване	52
Китайский язык в Гонконге и Макао	55
«Мягкая сила»: распространение китайской культуры и <i>путунхуа</i> за пределами Китая.....	61
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	65
«ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ» КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКА	
ВЭНЬЯНЬ	83
Древнекитайский язык — <i>вэньян</i> — <i>байхуа</i>	86
Особенности <i>вэньяня</i> : словарь и грамматика.....	92
<i>Вэньян</i> в современном Китае	95

КИТАЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ	99
Ханьские языки или диалекты китайского языка? ...	101
Современная китайская диалектология	105
Лингвистические атласы и новейшая классификация диалектов	112
Лингвогеографическое изучение ареала <i>гуаньхуа</i> ...	122
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	
С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ	133
Буддийские термины первого тысячелетия	136
Европейские и японские слова в новое время	140
Эпоха открытости и Интернета	144
Местные заимствования и смешанные языки	150
Китаеязычные мусульмане <i>хуэйцзу</i> : сино-исламские языковые контакты	154
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	
ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	163
Истоки китайских иероглифов	165
Два музея письменности в городе Аньян	174
Структура и классификация современных знаков ...	177
Идеи отмены или упрощения иероглифов	184
Официальные варианты китайской письменности в XXI веке	187
Диалектные знаки	190
Китайские иероглифы за пределами китаеязычного мира	192
Иероглифы и компьютеры	197
СПИСКИ ИЕРОГЛИФОВ — СТУПЕНИ	
ГРАМОТНОСТИ	201
Древние иероглифические своды	203
«Цянь цзы вэнь», «Сань цзы цзин» и «Бай цзя син» в современном Китае	205
Новые и новейшие списки для печатных и электронных изданий	210

СЛОВАРИ — КОМПАС В МОРЕ ИЕРОГЛИФОВ	217
Структура древнекитайских словарей: «Эр я», «Фан янь», «Шо вэнь»	218
Средневековые словари рифм: «поворачивание и разрезание» слога	226
Системы расположения и поиска иероглифов в современных печатных и электронных словарях	232
Словари слов и словари иероглифов	240
АЛФАВИТЫ ДЛЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	249
Первый официальный алфавит — письмо Пагба-ламы	251
Китайский язык арабскими буквами	255
Официальные алфавиты в Китайской Республике и на Тайване	259
«Ханьюй пиньинь фанъань» — глобальная латинизированная система записи китайских слов	265
Алфавиты для китайского языка в России и СССР ...	271
КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ	277
Первые шаги в изучении китайского языка	278
Лингвистические итоги XIX века	281
Расцвет теоретических исследований в советский период	283
Отечественные работы по истории китайского языкознания	292
Исследования китайского языка в современной России	295
ЛИТЕРАТУРА	298
SUMMARY	319

Contents

Preface	9
Language, script and the revival of cultural traditions in today's China	13
Language policy and language government control	14
State support of linguistics in the period of 'reform and opening-up'	19
Language tests as a basis of a new policy of human resources development	21
A new concept of language reforms	25
The Chinese language in and outside China	31
The most widely spoken language of the planet.....	32
The history and the names of the official Chinese language.....	37
Fifty years of promoting <i>pǔtōnghuà</i> in mainland China.....	43
Chinese dialects losing ground	47
The language situation in Taiwan	52
Chinese in Hong Kong and Macao	55
Soft power: official spread of the Chinese language and culture worldwide	61
Traditional and modern Chinese linguistics	65
A new lease of life of the classical language <i>wényán</i>	83
From Old Chinese to <i>wényán</i> and <i>báihuà</i>	86
The lexicon and grammar of <i>wényán</i>	92
<i>Wényán</i> in present-day China	95

Chinese dialects	99
Han languages or Chinese dialects?	101
Modern Chinese dialectology	105
Language atlases and the latest classification of Chinese dialects	112
The language geography of the <i>guānhuà</i> area	122
 Chinese in contact with other languages	133
Buddhist terms of the first millennium	136
Borrowings from European languages and from Japanese in the 19th to early 20th centuries	140
The Chinese language in the period of ‘opening-up’ and the Internet	144
Local loanwords and pidgin languages	150
The Chinese-speaking Muslims <i>huízú</i> and Sino-Islamic language contacts	154
 The past, present and future of the Chinese script	163
Origins of Chinese characters	165
Two museums of Chinese script in Ānyáng	174
The structure and classification of modern graphs	177
Attempts at eliminating characters in China’s history ..	184
Modern official variations of the Chinese script	187
Dialect characters in present-day usage	190
Chinese characters outside the Chinese-speaking world	192
Chinese characters and computers	197
 Lists of characters adapted to children and compiled for official use	201
Ancient rhymed lists of characters	203
The <i>Qiān Zì Wén</i> , <i>Sān Zì Jīng</i> and <i>Bǎi Jiā Xìng</i> in traditional and present-day China	205
The latest official lists of characters for printed and computer texts	216

Chinese dictionaries as a compass in the ocean of characters	217
The structure of ancient dictionaries: the <i>Shuō Wén Jiě Zì</i> , the <i>Ēr Yǎ</i> , and the <i>Fāng Yán</i>	218
Middle Chinese rhyme dictionaries: the ‘turning and cutting’ of the syllable.....	226
The arrangement of characters in modern printed and computer dictionaries.....	232
Character and word dictionaries in present-day China.....	240
Alphabets for the Chinese language	249
The first official alphabet — the ‘Phags-pa script	251
The Chinese language in Arabic letters	255
Official alphabets before 1949 and in present-day Taiwan	259
<i>Hànyǔ pīnyīn</i> — a global Latinized writing system for Chinese.....	265
Chinese alphabets in Russia and the Soviet Union.....	271
Chinese linguistics in Russia	277
First steps in studying Chinese	278
Linguistic achievements of the 19th century	281
Flourishing of theoretic research in Soviet times	283
Publications on the history of the Chinese linguistics ...	292
Chinese in today’s Russia	295
Bibliography	298
Summary	319

Предисловие

Пытаясь понять «секреты» впечатляющих достижений современного Китая, думающие люди во всем мире читают переводы трудов древних философов и стратегов, средневековые китайские романы и выступления сегодняшних политических лидеров. Растет интерес к Китаю, китайской культуре и китайскому языку в России. Удовлетворить этот интерес призвана предлагаемая книга. Она рассчитана на разных читателей — на тех, кто уже в той или иной степени овладел самым распространенным языком планеты, и на тех, кто еще только задумывается о его изучении. В книге содержатся сведения по истории китайского языка и письменности, данные о языковой политике в разных частях большого китайского мира, информация о контактах китайского языка с другими языками и его месте в глобальном лингвистическом пространстве. В отдельной главе идет речь о китайских диалектах — их новейшей классификации и географическом распространении.

Политические и экономические перемены последних десятилетий устранили преграды на пути обмена духовными ценностями между континентальным Китаем и другими частями большого китайского мира — Гонконгом и Макао, Тайванем, традиционными китайскими общинами в государствах Юго-Восточной Азии и сообществами, воз-

никшими недавно в самых разных частях света. Важную роль в консолидации китайского языка играют Интернет и другие информационные технологии. В результате один из самых распространенных языков мира уверенно вошел в XXI век, одновременно обеспечивая неразрывную связь китайцев с культурным наследием предыдущих тысячелетий и объединяя переживающую подъем китайскую нацию.

Нужно ли в условиях информационного общества, набирающей темпы урбанизации и растущей мобильности населения охранять и даже спасать от полного исчезновения китайские диалекты? Почему с 2001 года в стране действует Закон об общегосударственном языке и письменности, но нет таких же региональных законодательных актов? Можно ли повсеместно использовать диалекты, которые служат носителями столь ценимых ныне в Китае локальных культур и основой этнической самоидентификации жителей разных районов, не только в радио-, кино- и телепередачах и передачах на региональные темы, но также в других программах, в том числе в новостных? Эти вопросы китайские лингвисты поднимают на конференциях, чиновники затрагивают в официальных выступлениях, блогеры обсуждают в Сети. Лингвистические темы все чаще освещаются китайскими СМИ. Неотъемлемой частью жизни крупных городов, прежде всего в высокоразвитых восточных регионах, становится задача сохранения диалектов — с чисто лингвистической точки зрения отдельных синитических (ханьских) языков, веками связанных единой государственностью и письменным языком. Как на юге, так и на севере Китая энтузиасты преподают местные говоры соотечественникам из других регионов, диалекты изучают иностранцы, среди которых все больше россиян.

Публикации книги предшествовали многолетние исследования автора, посвященные китайскому языку, диа-

лектологии, языковой политике в КНР. В основе издания лежит не только анализ трудов российских, китайских и западных лингвистов и данных, почерпнутых из китайских СМИ, но также впечатления от поездок в разные районы Китая. Среди собранных там материалов немалое место занимают авторские фотографии на лингвистические темы.

В рамках протокольных мероприятий Года китайского языка в России книга О. И. Завьяловой была вручена директором Института Дальнего Востока РАН академиком М. Л. Титаренко китайским руководителям. В том же 2010 году состоялась презентация первого издания книги на Московской международной книжной выставке-ярмарке на ВВЦ.



ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

За тридцатилетний период «реформ и открытости», начавшийся в 1978 году, языковая политика и языковая наука стали частью всеобъемлющих преобразований экономики, социальной сферы и культуры, превратившись в одну из важных составляющих усилий по улучшению имиджа Китая за рубежом. Язык занимает в современном Китае чрезвычайно высокое место в системе духовных ценностей. Вместе с древнейшей иероглифической письменностью он воспринимается как носитель китайской цивилизации и гарантия сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Традиционное конфуцианское уважение к языку и учености считается неизменным условием национального возрождения. «Изысканный язык 雅言 *я янь* — это носитель китайской цивилизации, классические сочинения должны войти в жизнь каждого человека» — под этим лозунгом в 2007 году возрожден обычай декламировать канонические тексты, которые древние китайцы стремились писать на «изысканном языке» [Ван Дэнфэн 2008; Чжунго юйянь 2008. Т. 1, с. 026–027]. Драгоценным нематериальным культурным наследием сочтены также другие письменные памятники, варианты иероглифов и устные формы китайского языка. Все они подлежат изучению и сохранению, в том числе на

электронных носителях и, если речь идет о современных диалектах, в звуковой форме [Чжунго юйянь 2008. Т. 1, с. 002–003; Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 171–186].

Языковая политика и языковой контроль

Внимание к языковым проблемам было издавна характерно для китайского государства. Первая реформа иероглифической письменности приходится на 213 год до н. э., когда объединивший Китай император Цинь Шихуан искоренил местные иероглифы, употреблявшиеся в побежденных им царствах. Тем самым были «унифицированы письмена в книгах» — 书同文 *шу тун вэнь*. Одновременно по указу Цинь Шихуана были составлены три иероглифических списка. Один из них, «Цанцзе пянь» («仓颉篇»), названный по имени мифического создателя китайской письменности Цанцзе, был выбран в качестве нормативного. Позже по указам других императоров составлялись словари иероглифов и рифм, которые служили пособиями при подготовке к многоуровневым официальным экзаменам 科举 *кэцзюй*.

До начала XX в. к сфере государственного контроля относились официальный письменный язык 文言 *вэньянь*, который воспроизводил грамматические и лексические особенности древнекитайских текстов, и иероглифическая письменность. Любые устные формы языка — как столичные, использовавшиеся при дворе, так и диалектные — развивались и взаимодействовали стихийно, хотя Китай — это страна диалектов, которые по своим различиям сопоставимы с отдельными индоевропейскими языками. Даже очень образованные китайцы читали и до сих пор часто читают одни и те же иероглифические тексты по-разному — в зависимости от того, на каком диалекте

говорит человек. Те носители диалектов, которые не понимают друг друга на слух, традиционно объясняются при помощи иероглифов, «выписывая» их пальцем на ладони или в воздухе. Тем не менее изучение диалектов традиционно не относилось к сфере государственных дел, хотя обычай собирать диалектизмы сложился еще в глубокой древности и нашел свое отражение в различных памятниках. В их числе старейший диалектный словарь «Фан янь» («方言», «Местные слова»), составление которого традиция приписывает сановнику, философу и филологу Ян Сюю (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.).

С приходом XX в. сторонники модернизации потребовали не только отменить архаичные на их взгляд экзамены *кэцзюй*, но также обновить «письмена в книгах». Под этим обновлением они подразумевали смену официального письменного языка — переход с архаичного *вэньяня* на современный письменный язык, который сложился в Средние века и к концу XIX в. стал называться «белым» или «понятным» — 白话 *байхуа* (подробнее о средневековом *байхуа* и средневековой литературе на *байхуа* см., например [Зограф 2005а; Зограф 2005б; Воскресенский 2006; Гуревич 2008]). Одновременно была поставлена задача расширить рамки того лингвистического пространства, которое контролирует государство, и впервые в истории Китая сделать «одинаковыми звуки в языке» — 语同音 *юй тун инь*, иначе говоря, распространить в многодиалектной стране основанную на едином произношении устную форму официального языка. Именно эту устную форму в 1909 году было официально предложено назвать «государственным языком» (国语 *гоюй* — от соответствующего японского термина *кокуго*). Позже под «государственным» стали подразумевать официальный китайский язык в целом — как с его письменной (*байхуа*), так и с устной составляющей, основанной на пекинском произношении. После образования КНР *гоюй* был переименован в «обще-

понятный язык» 普通话 *путунхуа* и с началом лингвистических реформ той поры распространялся в диалектных районах в качестве «общего языка китайской нации».

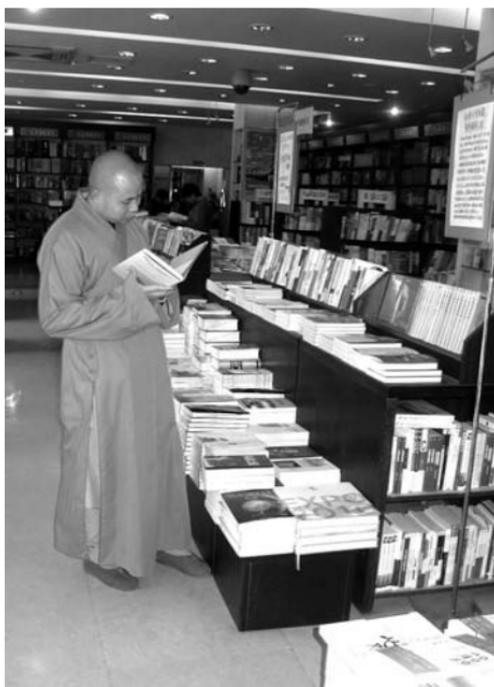
В современном Китае языковыми проблемами занимается ряд государственных организаций, прежде всего специальные структуры Министерства образования КНР и Государственный комитет по работе в области языка и письменности (国家语言文字工作委员会 *Гоцзя юйянь вэньцзы гунцзо вэйюаньхуэй*). Все эти организации работают в тесном контакте друг с другом, а также с научными и образовательными учреждениями, включая подведомственный Министерству образования Институт прикладного языкознания. Ежегодно выпускаются двухтомники о языковой ситуации и языковой политике в континентальном Китае и других китаеязычных регионах (первый выпуск посвящен 2005 году [Чжунго юйянь 2006]). За период «реформ и открытости» были опубликованы десятки официальных документов, определяющих языковые нормы, в том числе иероглифические стандарты, которые связаны с информационными технологиями [Гоцзя юйянь 1996; Чжунго юйянь 2006. Т. 1, с. 442–430]. Рубеж второго и третьего тысячелетий символически ознаменован введением с 1 января 2001 года первого в истории страны закона о языке и письменности (中华人民共和国国家通用语言文字法 *Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзы фа* — Закон КНР об общегосударственном языке и письменности).

Важнейшее направление языковой политики в КНР — контроль средств массовой информации [Ли Юймин 2005, с. 219–225]. В 2004 году Управлением языковой информации Министерства образования совместно с рядом высших учебных заведений создан Государственный центр мониторинга и изучения лингвистических ресурсов. Три из пяти отделов этого центра занимаются языком СМИ, остальные два ведают учебными материалами и языком



*Подобные сцены
в книжных магазинах
можно увидеть
по всему Китаю*

зарубежных китайцев. Китайское деление СМИ на группы при этом не совпадает с западным, где печатные издания противопоставлены электронным — радио, телевидению и Интернету. В основе китайской классификации лежит собственно лингвистический, принципи-





Учебники каллиграфии

ально важный для китайского языка признак — использование письменного или устного языка. Первая группа СМИ, которой занимается Центр, — печатные, иначе говоря, иероглифические издания. Радио и телевидение выделены в «устную» группу, к ней же по признаку устного вещания («звучания») относят не только кино, но и театр. Специальный отдел занимается языком СМИ в Интернете и языком Интернета вообще с его разными составляющими, в том числе с иероглифической и отчасти фонетической, в случае, например, пользования латинизированными системами набора иероглифов и поиска информации. Число пользователей Интернета при этом на сентябрь 2009 года составило в Китае 360 млн человек¹. В ведении Центра находится также создание баз данных, в которых собраны тексты на китайском языке. Результаты статистического анализа языка и письменности китайских СМИ — как печатных, так и электронных — публикуются в виде второго тома названного выше ежегодного издания, посвященного языковой ситуации в стране.

¹ russian.news.cn/economic/2009-11/03/c_1378126.htm.

Государственная поддержка языкознания

Последние три десятилетия стали в КНР эпохой не только активной языковой политики государства, но также расцвета щедро финансируемой современной лингвистической науки. В стране ежегодно издаются сотни монографий, сборников, статей, охватывающих широкий спектр направлений — от изучения протоиероглифической письменности до машинного перевода и компьютерной лингвистики. В 1980 году в связи с возобновлением исследований, прерванных «культурной революцией», было основано Китайское лингвистическое общество (中国语言学会 *Чжунго юйянь сюэхуэй*). Появились другие объединения лингвистов разных специальностей, в университетах и научных центрах регулярно проводятся заседания и конференции с участием десятков докладчиков. В них участвуют коллеги из «четырех регионов по разные стороны пролива» — континентального Китая, Гонконга (Сянган), Макао (Аомэня) и Тайваня, весьма отличающихся друг от друга в лингвистическом плане, а также японские и западные языковеды. Китайские ученые стремятся использовать западные теории, методы, термины и привлекают их наряду с традиционными, которые выработаны в Китае на протяжении более чем двух тысячелетий существования уникального китайского языкознания [Сюй Цзялу 1999; Эршии 2004].

Финансируемые из бюджетных источников специальные лингвистические журналы исчисляются в КНР десятками. Среди них такие уникальные издания, как «Древнекитайский язык» («古汉语研究», «Гуханьюй яньцзю») и «Диалекты» («方言», «Фанъянь»), «Словарные исследования» («辞书研究», «Цышу яньцзю») и «Культура китайских иероглифов» («汉字文化», «Ханьцзы вэньхуа»), «Обработка информации на китайском языке» («中文信息», «Чжунвэнь синьси») и «Языковое строительство»



Современные имитации древних книг
на бамбуковых планках

(«语文建设», «Юйвэнь цзяньшэ»). В 1978 году Институтом языкознания Академии общественных наук Китая (АОН КНР) возобновлен выпуск журнала «Чжунго юйвэнь» («中国语文», «Китайский язык», до «культурной революции» выходил в 1952–1966 годах). Проблемам общего и китайского языкознания посвящено еще одно периодическое издание этого же института — журнал «Дандай юйяньсюэ»



(«当代语言学», «Современное языкознание»), выходящий с 1998 года, но ранее издававшийся под другими названиями, в том числе в 1961–1966 годах — «Юйяньсюэ цзыляо» («语言学资料», «Материалы по языкознанию»).

Переиздаются труды выдающихся китайских лингвистов XX в., посвященные различным проблемам языкознания. С 1999 по 2004 год издательством «Шаньту иньшугуань» (основано в 1897 году) выпущены сборники статей Ли Цзиньси (1890–1978), Ван Ли (1900–1986), Син Гунваня (1914–2004), Юй Миня (1916–1995), Чжу Дэси (1920–1992), Ли Синькуя (1935–1997), У Цзунцзи (род. в 1909 году). Столетие современного китайского языкознания, начало которому было положено в 1898 году выходом в свет первой китайской грамматики «Ма ши вэнь тун» («马氏文通», «Объяснение правил письменного языка господина Ма») Ма Цзяньжуна (1844–1900), было отмечено юбилейными мероприятиями и рядом публикаций в разных изданиях (см., например, сборник [Ма ши вэнь тун 2000]). Пожалуй, никогда прежде не выпускалось, в том числе специализированными лексикографическими издательствами, так много словарей — ориентированных на нормы современного официального языка *путунхуа*, двуязычных, диалектных, охватывающих разные периоды в истории китайского языка.

Филологические экзамены как фундамент новой кадровой политики

Важнейший для китайской государственности, культуры и менталитета институт многоуровневых экзаменов *кэцзюй* зародился уже в период династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и был окончательно оформлен при династии Суй (581–618) [Боревская 2005]. Каждый этап экзаменов давал право тем, кто его успешно сдал,

замещать государственные должности определенного уровня. *Кэцзюй* просуществовали тринадцать веков с небольшим перерывом в период монгольской династии Юань (1271–1368), когда гонения на китайскую культуру и китайский язык повлияли на многие составляющие языковой ситуации в стране [Зограф 1984]. Успех на экзаменах, в которых формально могли принимать участие простолюдины, зависел от знания наизусть, понимания и умения записать нормативными иероглифами классические тексты. В период династии Сун (960–1279) эти тексты были оформлены неоконфуцианцами в виде собрания тринадцати канонов — «Ши сань цзин» («十三经»). Уже при династии Тан (618–907) составной частью *кэцзюй* стало стихосложение, при этом фонетика, отраженная в особых официальных поэтических справочниках — словарях и таблицах рифм, — носила искусственный наддиалектный характер.

В 1905 году, в самом конце правления последней в Китае династии Цин (1644–1911), экзамены были официально отменены как не соответствующие своим архаичным содержанием задачам модернизации страны. Тем не менее уже в 1928 году правительством Китайской Республики по инициативе скончавшегося к тому времени Сунь Ятсена была предпринята попытка учредить специальный орган, ведающий экзаменами для государственных служащих, — Экзаменационный юань (考试院 *Каоши юань*). В 1947 году, после окончания японской оккупации, этот орган был возрожден и до сих пор существует на Тайване, где регулярно проводятся модернизированные экзамены для поступающих на государственную службу¹.

В КНР официальный экзамен для служащих был введен в 1995 году, уже в период политики «реформ и открытости». Наряду с профессиональными аспектами он

¹ www.xam.gov.tw, <http://intro.exam.gov.tw/his-index.htm>.



*Образцы каллиграфии Мао Цзэдуна
увековечены в камне*

включает лингвистическую составляющую. Соискатели должны владеть не только стандартной иероглифической письменностью (что, впрочем, естественно для людей с высшим образованием), но также пекинским произношением, которого часто не знают даже образованные жители диалектных районов. Организацией экзаменов ведает Управление по делам государственной службы (国家公务

员局 Гоцзя гун'юань цзюй)¹. В 2005 году столетие отмены традиционных кэцзюй было отмечено в КНР серией публикаций, в которых подчеркивалось значение для китайского общества этого института выявления наиболее одаренных людей.

В последние десятилетия наряду с общим экзаменом для государственных служащих в КНР создается также особая система собственно языковых тестов. В 1994 году введен тест на уровень знания официального языка *путунхуа* (сокращенно PSC от 普通话水平测试 *Pǔtōnghuà shuǐpíng cèshì*). Решение о введении теста было принято Государственным комитетом по работе в области языка и письменности, Государственным комитетом по образованию (с 1998 года — Министерство образования) и Министерством по делам радиовещания, кино и телевидения. Из сотрудников этих же трех организаций был сформирован специальный межведомственный комитет (国家普通话水平测试委员会 Гоцзя путунхуа шуйпин цэши вэйюаньхуэй), который занимается проблемами, связанными с разработкой программ и созданием экзаменационных центров. Утверждены три уровня владения *путунхуа*, с двумя подуровнями в каждом. В перспективе тест на уровень знания *путунхуа* должен стать обязательным для тех, кто работает или хочет работать на государственной службе. Начиная с 2008 года в дополнение к тесту на уровень знания *путунхуа* экспериментально введен аналогичный тест, проверяющий уровень знания иероглифической письменности («汉字应用水平测试», «Ханьцзы инъюн шуйпин цэши»). В конце 2011 года желающие самого разного возраста уже могли сдать единый экзамен, который включал вопросы как по языку, так и по письменности².

¹ www.scs.gov.cn/Desktop.aspx?PATH=/gjgwjyjsy.

² www.moe.edu.cn/edoas/website18/84/info1226454686425484.htm.

Переосмысление языковых реформ середины XX века

Первый период активной языковой политики в КНР пришелся на 1950-е и 1960-е годы. В 1955 году состоялись две научные конференции, определившие задачи языковой политики на ближайшее будущее. Активное участие в обсуждении приняли советские ученые, использовавшие обширный опыт языкового строительства в СССР и создания «нового» латинизированного письма (*Latinhua Sin Wenz* 拉丁化新文字) для китайского языка в 1930-х годах. В 1954 году в КНР был создан Комитет по реформе китайской письменности (в 1985 году в связи с изменением приоритетов языковой политики он был переименован в Государственный комитет по работе в области языка и письменности). С началом периода «реформ и открытости» достижения ученых-языковедов первых лет существования КНР получили высокую официальную оценку. Юбилеи лингвистических событий полувековой давности были отмечены серией торжественных мероприятий и публикаций; см., например [Чжунго юйянь 2007. Т. 1, с. 037–042]. Тем не менее как по своему содержанию, так и по методам современная языковая политика заметно отличается от той, которая проводилась в середине прошлого столетия [Ли Юймин 2005].

Важнейшая составляющая преобразований 1950–1960-х годов, активно обсуждаемая в современных лингвистических кругах, — введение упрощенных вариантов написания для части иероглифов в континентальном Китае. В ходе реформы не учитывалась ни практика употребления иероглифов в странах с иными языками (Япония, Корея), ни проблема языкового единства собственно китаезычных регионов, ни задача сохранения в неизменном виде иероглифической письменности в качестве важнейшего носителя китайской цивилизации на протяжении

тысячелетий [Цзи Чанхун 2004]. Как следствие проведенной в КНР реформы в текстах на современном китайском языке используются следующие неодинаковые наборы иероглифов.

Первый набор — условно назовем его континентальным — включает оставшиеся неизменными традиционные знаки в сочетании с новыми упрощенными. Он употребляется в континентальном Китае и Сингапуре, в документах ООН на китайском языке, получает все большее распространение среди китайских эмигрантов в разных странах мира. Второй набор (только традиционные знаки без упрощений, введенных в КНР) пока официально со-



Надписи в разных стилях соседствуют друг с другом при входе в храм

храняется на Тайване. Третий (те же традиционные знаки, но в сочетании с диалектными кантонскими иероглифами) используется в Гонконге и Макао. И, наконец, континентальный набор в сочетании с диалектными иероглифами имеет хождение в Гуанчжоу (Кантоне), где издаются кантонские словари и учебники как для иностранцев, так и для китайцев — выходцев из других районов. Сохраняются в употреблении также особые иероглифы для прочих китайских диалектов, некоторые из них с пометкой «диалектный» даже включены в современные нормативные словари. Особая область нестандартного, даже хаотического употребления иероглифов в сочетании с алфавитным письмом — тайваньская литература на диалектах Миньнань (южнофуцзяньских).

В публикациях современных китайских лингвистов уже прозвучали некоторые сожаления о введении упрощенных начертаний иероглифов, разрушивших складывавшуюся на протяжении тысячелетий систему китайской письменности [Цзи Чанхун 2004, с. 121–122]. В рамках возрождения традиционной культуры дискуссия и электронный опрос общественного мнения по поводу отмены упрощений стали возможными даже на сайте Государственного комитета по работе в области языка и письменности. С одной стороны, обогащение современной лексики в условиях глобализации и научно-технического прогресса, насыщение ее элементами классического языка *вэньянь* все равно приводит к неизбежному увеличению числа иероглифов, которые реально употребляются в печатных и электронных изданиях. С другой — в информационную эру на первый план вышла не столько проблема упрощения написания иероглифов и сокращения их числа, сколько задача унификации набора, структуры и чтения знаков, позволяющая решать современные задачи, которые связаны с компьютерными технологиями. Ср. материалы серии «Исследования по проблемам стандарти-



Бумагу и шелк с написанными иероглифами не выбрасывали — их сжигали в специальных печах. Минские могилы Шисаньлин в окрестностях Пекина

зации иероглифов» [Итицзы 2004; Ханьцзы гуйфань 2004; Ханьцзы цзысин 2004; Цзяньхуацзы 2004]. Тем не менее система с упрощениями уже на протяжении полувека употребляется миллиардным населением континентального Китая, и поэтому официальная точка зрения пока остается в КНР неизменной — упрощенные варианты и впредь будут употребляться в текстах на современном китайском языке. Одновременно в

КНР поставлена задача вести дальнейшую работу по стандартизации письменности и составлять своды иероглифов разного объема и назначения с учетом новых языковых реалий, но без отмены упрощений.

Стандартизация иероглифической письменности — это только одна важная составляющая языковой политики. По-прежнему актуальной остается вторая задача, о которой много говорили и писали в первые годы существования КНР, — распространение в диалектных районах устной формы официального языка *путунхуа*, который должен был постепенно вытеснить диалекты. По данным первого общекитайского обследования, проведенного в

2004 году, лишь 53% населения КНР могут объясняться на *путунхуа*, 18% говорят на нем дома, 42% используют в школе и на работе [Тун Лэцюань 2006]. *Путунхуа* и диалекты, считают современные китайские лингвисты, обречены на долгое сосуществование и не должны противопоставляться друг другу. Все чаще диалекты воспринимаются в КНР как особые разновидности китайского языка, которые имеют самостоятельную культурную и научную ценность вне связи с решением проблем распространения единого устного средства общения [Ван Пин 2006; Чжунго юйянь 2008. Т. 1, с. 002–003; Ши Жунцзе 2010].

Пожалуй, наиболее значимым официальным документом полувековой давности считается одобренный в 1958 году V сессией Всекитайского собрания народных представителей первого созыва «Проект китайского алфавита» («汉语拼音方案», «Ханьюй пиньинь фанъань») [Гоцзя юйянь 1996, с. 1–5]. Разработка этого документа и превращение *ханьюй пиньинь* во внутрикитайскую и общемировую нормативную систему записи китайских слов латинскими буквами считается сейчас едва ли не главным достижением реформ полувековой давности, получившим высокую официальную оценку на юбилейных мероприятиях в 2008 году.

Произошедший в годы «реформ и открытости» пересмотр многих идеологических позиций первых лет существования КНР неизбежно отразился и на языковой политике государства. Поощрение фундаментальных и прикладных исследований в области языка, естественный и умело стимулируемый интерес общества к богатейшему литературному и языковому наследию уже дают положительные результаты. Растет интеллектуальный уровень населения, крепнет уверенность в своих силах входящих в активную жизнь поколений граждан КНР, которым предстоит обеспечить конкурентоспособность своей страны в наступившем столетии.



КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В КИТАЕ И МИРЕ

В начале третьего тысячелетия огромный китайский мир переживает период подъема. Экономические успехи в 1970–1980-е годы прозванных «маленькими драконами» Тайваня, Сингапура, Гонконга и Макао и затем обозначившийся уже в 1990-е феноменальный рывок КНР напомнили миру о существовании «Большого Китая». Это цивилизационное пространство до сих пор в той или иной степени разобщено политически, но связано общими духовными традициями, земляческими и кровными узами, вековыми и новыми торговыми маршрутами и не в последнюю очередь общим письменным языком и иероглифической письменностью. Центробежные тенденции периода ослабления Китая, грозившие не только колонизацией все новых частей страны иностранными державами, но и ее распадом, сменились центростремительными процессами в самых разных областях экономической и общественной жизни. Не стала исключением и языковая ситуация. Стимулирование властями КНР фундаментальных лингвистических исследований и прикладных программ в сочетании с законодательным обеспечением языковой политики все больше закрепляют за Пекином роль нормотворческого лидера в обширном китайском мире.

На протяжении двадцатого столетия не только в благополучные, но даже в переломные моменты языковые проблемы оставались в поле зрения китайских властей. После образования КНР в 1949 году и переезда сторонников Чан Кайши на Тайвань там были продолжены усилия по распространению устного языка, основанного на пекинском произношении. Вместе с правительством Чан Кайши на Тайвань переехала часть интеллектуальной элиты, включая филологов, которые проводили языковые реформы в Китайской Республике на протяжении первой половины двадцатого столетия. По сути дела, такая же политика, направленная на распространение единого официального языка в масштабах всей страны, проводилась властями КНР, которые опирались на ученых, оставшихся в континентальном Китае. Тем не менее языковая ситуация как в этих двух, так и в других регионах, входящих в огромный китаезычный ареал Азии, пока остается различной.

Самый распространенный язык планеты

В начале XXI в. китайский язык как совокупность далеко отстоящих друг от друга диалектов является родным для 1300 млн человек — примерно для одной пятой человечества. За китайским языком следуют испанский и английский, но каждый из них используют в качестве родного всего лишь около 300 млн носителей. В континентальном Китае основное общее название китайского языка, включая его официальный и диалектные варианты, — 汉语 *ханьюй*, или язык ханьцев (汉族 *ханьцзу*), жителей древней империи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Другие названия — устаревшее и свойственное скорее разговорной речи 中国话 *чжунгохуа*, буквально «речи Срединного государства», и 中文 *чжунвэнь*, «письмена Срединного [государства]». Применительно к языку всех

тех китайцев, которые живут в разных странах мира, — как более ранних переселенцев 华侨 *хуацяо*, так и недавних эмигрантов 华人 *хуажэнь* — вместо термина *ханьчжун* обычно употребляется термин 华语 *хуаюй*, для письменного языка — 华文 *хуавэнь* (*хуа* — «китайский»; 华夏 *Хуася* — одно из древних названий Китая). Эмигрантов не первого поколения, утративших родной язык, называют 华夷 *хуаи* «китайцы по крови», «этнические китайцы».

Подавляющее большинство китайцев-ханьцев живут в континентальном Китае, где они составляют 91,6% населения и насчитывают, по данным на конец 2009 года, примерно 1220 млн человек¹. Китайский язык стал родным также для двух групп, считающихся малыми народами КНР. Первая группа — мусульмане 回 *хуэй*, или 回族 *хуэйцзу*. Они имеют разное происхождение, расселились по всей стране и говорят на различных китайских диалектах — как правило, тех же, что и окружающее ханьское население. Второе китаезычное нацменьшинство — маньчжуры. До последнего времени они считались полностью утратившими свой родной язык, но недавно в провинции Хэйлунцзян обнаружена деревня, где 100 жителей до сих пор понимают маньчжурскую речь на слух и 50 стариков могут объясняться как на китайском, так и на маньчжурском языке. На маньчжурском диалекте говорит также небольшая группа сибинцев, проживающих в Синьцзяне [Чжунго юйянь 2006. Т. 1, с. 286; Gorelova 2002]. Общая численность *хуэй* — 9,8 млн, численность тех, кто до сих пор считает себя маньчжурами, — 10,7 млн (данные переписи населения 2000 года, см., например [Баженова 2010, с. 112–114]).

¹ По официальным данным на конец 2009 года, население Китая насчитывает 1 334 740 000 человек. Доля китайцев-ханьцев приводится по данным переписи населения 2000 года. См.: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjs/2008/indexeh.htm>; http://www.stats.gov.cn/tjgb/ndtjgb/qgndtjgb/t20100225_402622945.htm.





*Большой мир китайского языка объединен иероглифической
письменностью*

Значительное число китайцев живет на Тайване, в Гонконге и Макао, которые вместе с континентальным Китаем в последнее время стали объединять названием «четыре региона по обе стороны пролива» — 两岸四地 *лян ань сы ди*. Выражение «по обе стороны пролива» — 海峡两岸 *хай ся лян ань*, *cross-strait* — применительно к континентальному Китаю и Тайваню было впервые предложено Чжоу Эньлаем и Генри Киссинджером при подготовке «Шанхайского коммюнике» в 1971 году. В Гонконге, по оценке на конец 2009 года, насчитывается 6,65 млн китайцев (95% населения)¹, в Макао — 411 тыс. (97% населения, данные переписи 2001 года [Хуан И 2007, с. 88]), на Тайване — 22,6 млн (98% жителей, оценка 2009 года)².

За пределами «четырех регионов» китайцы издавна живут во многих странах Юго-Восточной Азии. Самые крупные общины сложились здесь в Индонезии, Таиланде и Малайзии. Они насчитывают соответственно 7,3; 7,2 и 6,1 млн человек, примерно 3%, 1% и 2,5% населения этих стран [Чжунго юйянь 2006. Т. 1, с. 399]. В Сингапуре китайцы составляют подавляющее большинство — 77% населения, или 3,8 млн³. В последнее время сообщества китайских эмигрантов появились в десятках стран мира в разных частях света. Число старых и новых эмигрантов за пределами «четырех регионов по обе стороны пролива» составляет по очень приблизительной оценке 35 млн человек [Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 367].

¹ Численность населения Гонконга в конце 2009 года — 7,2 млн. См.: http://www.censtatd.gov.hk/hong_kong_statistics/statistics_by_subject/index.jsp?subjectID=1&charsetID=1&displayMode=T.

² <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/ch02.html>.

³ Численность населения Сингапура в 2009 году — 4,988 млн. См.: <http://www.singstat.gov.sg/stats/keyind.html#popnarea>.

Официальный вариант китайского языка: история и названия

Официальный китайский язык основан на пекинском произношении и вобрал не только пекинские, но также многие лексические и некоторые грамматические составляющие северных диалектов в целом. Он определен в качестве одного из шести официальных и рабочих языков ООН. В КНР этот язык называется «общеупотребительным» — 普通话 *путунхуа*. На Тайване до сих пор сохраняется термин 国语 *гоюй* «государственный язык», предложенный в 1909 году в последний период правления династии Цин (1644–1911) и позднее употреблявшийся в Китайской Республике. Как и многие другие китайские неологизмы рубежа XIX и XX вв., слово *гоюй* было заимствовано из японского языка (*кокуго*). В свою очередь в японском оно сконструировано из ранее заимствованных китайских корней — *го* «государство» (японское произношение *коку*) и *юй* язык (по-японски *го*). В Сингапуре вместо термина *путунхуа* используется термин 华语 *хуаюй*. Здесь китайский язык является официальным наряду с малайским, английским и тамильским языками. Недавно — очевидно в рамках культурного сближения с континентальным Китаем и китаезычным миром в целом — слово *хуаюй* вместо слова *гоюй* появилось в школьных материалах на Тайване [Чжунго юйянь 2011, с. 324–326].

Предшественником того официального языка, который носит сейчас название *путунхуа* (*гоюй*, *хуаюй*), был устный, в то время не имевший официального статуса наддиалектный язык, который с XII–XIII вв. использовали при общении друг с другом образованные люди — выходцы из разных диалектных районов. Образованными в традиционном Китае были прежде всего чиновники (官 *гуань*). Они часто перемещались по стране в зависимости от места своего назначения, поэтому общепонятный язык



Важнейшее ежегодное издание — «Доклад о языковой ситуации в Китае»

стали называть «языком чиновников» — 官话 *гуаньхуа*. При дворе был принят тот вариант *гуаньхуа*, на котором говорили просвещенные пекинцы. Чиновники — выходцы из диалектных районов часто объяснялись на ломаном, или «синем», *гуаньхуа* (蓝青官话 *ланьцин гуаньхуа*). Хуже всех знали общий устный язык чиновники из провинций Гуандун и Фуцзянь, где распространены наиболее далекие от пекинского диалекты южных групп.

Термин *гуаньхуа* впервые зафиксирован в письменных памятниках, относящихся к эпохе Мин (1368–1644) [Чжан Юйлай 2007]. Начало формирования этой устной формы китайского языка скорее всего относится к еще более раннему периоду правления в Китае не китайских династий — киданьской Ляо (916–1125) и чжурчжэньской Цзинь (1115–1234) на севере страны и монгольской Юань (1271–1368), в конце концов захватившей весь Китай. При Ляо и Цзинь было несколько столичных городов, один из которых располагался на месте современного Пекина. При династии Юань Пекин (Даду) в 1267 году впервые стал столицей всего Китая и с незначительными перерывами остается ею вплоть до настоящего времени; подробнее об этих и других столичных городах Китая см., например [Доронин 2001]. Определенное влияние на *гуаньхуа* оказало перемещение столицы в Нанкин (应天府 Интяньфу) в начале правления следующей династии Мин и позже при той же династии обратно в Пекин. Как следствие, в Пекин

переселилось много образованных людей из Нанкина, диалект которого входит в южный ареал распространения современных северных диалектов. В результате в пекинском диалекте образовался слой так называемых «литературных» чтений (文读 *вэньду*), привнесенных из нанкинского диалекта и диалектов бассейна Янцзы в целом. Этот слой еще отсутствует в памятнике «Чжунъюань инь юнь» («中原音韵», «Рифмы Центральной равнины»), относящемся к монгольской эпохе, но имеется в современном пекинском диалекте и *путунхуа* [Завьялова 1996, с. 133–135; Чжан Чжумэй 2007, с. 184–203]. Возможно, уже в эпоху Мин под *гуаньхуа* подразумевался не только его чисто пекинский (или пекинско-нанкинский) вариант, но также и другие разновидности северных диалектов [Линь Тао 2000, с. 1–6]. Применительно к современному китайскому языку термин *гуаньхуа* используется только как название этих диалектов.

В 1728 году цинский император Шицзун, правивший под девизом Юнчжэн, приказал впервые в истории Китая ввести в провинциях Гуандун и Фуцзянь преподавание «правильного произношения» (正音 *чжэньинь*). В провинции Фуцзянь были учреждены просуществовавшие почти десять лет Академии правильного произношения (正音书院 *Чжэньинь шуюань*) и подготовлены соответ-



Брошюра из популярной лингвистической серии описывает различия между пекинским диалектом и официальным языком путунхуа

ствующие пособия. Местные чиновники допускались к сдаче государственных экзаменов только после того, как они могли продемонстрировать определенное знание *гуаньхуа*, прежде всего — пекинского чтения иероглифов. В 1907 году Министерство образования разработало программу преподавания *гуаньхуа* в школе. В 1909 году член Совещательной палаты при цинском императорском правительстве Цян Цзянь официально предложил переименовать *гуаньхуа* в *гоюй* [Софронов 1979].

Сразу после образования Китайской Республики в 1911 году под *гоюем* по-прежнему подразумевался устный язык государственных и учебных заведений. Мероприятия в рамках «движения за *гоюй*» (国语运动 *гоюй юньдун*), параллельного общественному движению за переход с письменного языка *вэньянь* на письменный *байхуа* (白话文运动 *байхуавэнь юньдун*), осуществлялись на государственном уровне. Уже в 1913 году для *гоюя* была разработана система нормативных чтений иероглифов (国定读音 *годин дуинь* или 国音 *гоинь*), которая — в продолжение традиций средневековых фонетических справочников — сначала была искусственной и отражала некоторые особенности не только пекинского, но и других диалектов, в частности наличие так называемого «входящего» тона 入声 *жушэн*.

В 1918 году была опубликована официальная алфавитная система — 注音字母 *чжуинь цзыму* («алфавит для указания произношения»), разработанная на основе традиционной иероглифической графики (подробнее об алфавитных системах, созданных для китайского языка, см. ниже). В 1919 году система *чжуинь цзыму* была использована при составлении фонетического словаря «Гоинь цзыдянь» («国音字典», «Иероглифический словарь произношения государственного языка»). В 1923 году нормативным чтением иероглифов стало чисто пекинское. В 1928 году был опубликован «романизированный

алфавит для государственного языка» — 国语罗马字 *гоюй ломацзы*, ставший первой официальной китайской алфавитной системой на латинской основе. В 1930 году был разработан новый вариант *чжуинь цзыму*, который был ориентирован на пекинское произношение и получил название 注音符号 *чжуинь фухао* («знаки для записи звуков»). В 1932 году пекинский произносительный стандарт нашел отражение также в «Гоинь чаньюн цзы хуэй» («*国音常用字汇*», «Свод чтения частоупотребительных иероглифов в государственном языке»). В 1937–1945 годах была осуществлена публикация первого полного словаря слов современного китайского языка — восьмитомного «Гоюй цыдянь» («*国语辞典*», «Словарь государственного языка»), который в отличие от традиционных иероглифических справочников включал не только отдельные иероглифы, но также и слова современного языка, в том числе двусложные и многосложные, которые обычно записываются иероглифами по числу слогов. Стандартное пекинское чтение иероглифов в «Гоюй цыдянь» было указано с помощью *чжуинь цзыму* и *гоюй ломацзы* [Софронов 1979; Norman 1988, 253–265; Софронов 2007, с. 327–335].

Слово *путунхуа* появилось не позже конца XIX в. Известно, что его употребляли торговцы, которые перемещались по стране и испытывали потребность в общепонятном языке [Чжоу Югуан 1989, с. 376]. На рубеже двух веков об «общеупотребительном языке» писали также некоторые китайские интеллектуалы. В 1902 году один из них, У Жулунь (1840–1903), сообщал, что в Японии «общеупотребительным языком» (普通语 *путунъюй*) стал токийский диалект. В 1906 году термин *путунхуа* в значении «язык, употребляющийся во всех провинциях» появился в работе Чжу Вэньсюна (1883–1961), посвященной разработке алфавитного письма для диалектов провинции Цзянсу [Ли Юймин 2005, с. 333–334]. Позже об «общеупотребительном языке» *путунхуа*, противопоставляя его

официальному «государственному языку», говорили китайские левые литераторы и политики — стоявший у истоков литературы на современном варианте «разговорного» языка *байхуа* Лу Синь (1881–1936) и один из создателей КПК Цюй Цюбо (1899–1935). В 1955 году термин *путунхуа* официально ввели в КНР вместо термина *гоюй*.

Отечественные синологи, начиная с членов Российской православной миссии, живших в Пекине, изучали тот вариант устного китайского языка, на котором говорили образованные пекинцы. По сути дела, именно официальному языку *путунхуа* была посвящена большая часть работ, написанных в нашей стране позднее, в советский период. В результате термин «китайский язык» в российской синологической традиции имеет два основных значения. Первое — та самая официальная форма китайского языка, которая в современном китаезычном ареале Азии именуется *путунхуа* (*гоюй*, *хуаюй*). Второе значение — китайский язык в целом, включая его региональные и исторические формы, иначе говоря, *ханьюй*: и по-китайски, и по-русски можно сказать 汉语方言 *ханьюй фанъ-янь* — «диалекты китайского языка». Термин *путунхуа* в текстах на русском языке до сих пор употребляется достаточно редко.

В англоязычной литературе наряду с термином *Chinese* (*Chinese language*), соответствующим русскому «китайский язык», в качестве названия официального китайского языка *гоюй* — *путунхуа* — *хуаюй* используются термины «мандаринский китайский» (*Mandarin, Mandarin Chinese* «язык чиновников-мандаринов») и «стандартный мандаринский» (*Standard Mandarin* «стандартный язык чиновников»), которые являются переводом термина *гуаньхуа* в его историческом значении. Во времена активного проникновения европейских купцов и миссионеров в страны Южных морей слово *Mandarin* вошло в англий-

ский язык из португальского. В португальский оно, в свою очередь, попало из малайского языка и в конечном итоге восходит к санскритскому слову *mantrin* «советник». Терминологическое выделение «мандаринского китайского» в западной синологической традиции было обусловлено тем, что европейские миссионеры — в отличие от членов Российской православной миссии — активно работали не только на севере, но и прежде всего на юге Китая. «Отец западной синологии» итальянский иезуит Маттео Риччи (1552–1610) сначала прибыл в португальскую колонию Макао, затем переместился в соседнюю провинцию Гуандун и лишь много позже попал в Пекин. Риччи и другие миссионеры, в частности Альваро Семедо (1585–1658), приехавший в Нанкин в 1616 году, знали о существовании как далеко отстоящих от пекинского южных диалектов китайского языка, так и его северной формы — мандаринской, или *гуаньхуа* (*Quonhoa*) [Чжан Юйлай 2007, с. 16–18]. Отсюда и необходимость уже в ранней западной синологии терминологически выделять особый «мандаринский» вариант китайского языка, отличающийся от южных диалектов, которые активно изучали западные миссионеры и на которые они переводили христианские тексты (см., например [Chappell 2005]). В отечественной синологической традиции слово «мандаринский» употреблялось редко. Один из примеров — «Опыт мандаринской грамматики» П. П. Шмидта, опубликованный в 1902 году.

Полвека продвижения *путунхуа* в КНР

Термин *путунхуа* («общеупотребительный язык») вместо термина *гоуй* официально ввели в 1955 году на двух лингвистических конференциях в Пекине. Они были посвящены реформе иероглифической письменности и проблеме нормализации китайского языка, под которой

подразумевалось также распространение *путунхуа* в диалектных районах. Указание Госсовета КНР о распространении *путунхуа*, опубликованное в 1956 году, гласило: «Основа для единства китайского языка уже существует. Это *путунхуа*, фонетической нормой которого является пекинское произношение, диалектной основой — северные диалекты (北方话 *бэйфанхуа*). Грамматические стандарты *путунхуа* отражены в образцовых произведениях, написанных на современном варианте письменного языка *байхуа*».

Инициированная в 1950-х годах кампания по распространению *путунхуа* была приостановлена с началом «культурной революции» и возобновлена государством с началом периода «реформ и открытости» — по сути дела, не только в Китае, но также впервые в других странах мира. *Путунхуа* преподают как иностранцам в качестве важнейшей составляющей «мягкой силы», широко используемой КНР за рубежом, так и китайским эмигрантам [Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 367–399]. Задача распространения устной формы *путунхуа* в диалектных районах считается настолько важной, что в 1982 году упоминание о ней было включено в новую Конституцию КНР, чья статья 19 гласит: «Государство распространяет повсеместно употребляющийся *путунхуа*». В первые годы существования КНР *путунхуа* определяли как «общий язык китайской нации» (汉民族的共同语 *хань миньцзу дэ гунтунъюй*), в Конституции и Законе КНР о языке и письменности 2001 года он назван языком, «употребляющимся повсеместно в государстве», или «общегосударственным» (国家通用 *гоцзя тунъюн*). В 1986 году была принята очередная программа распространения *путунхуа*, которая предусматривала его превращение в общекитайский язык устного общения и образования к началу наступившего тысячелетия. Закон 2001 года юридически закрепил положения программы — *путунхуа* был провозглашен базовым

устным языком государственных и образовательных учреждений, публичных выступлений, электронных СМИ и сферы обслуживания.

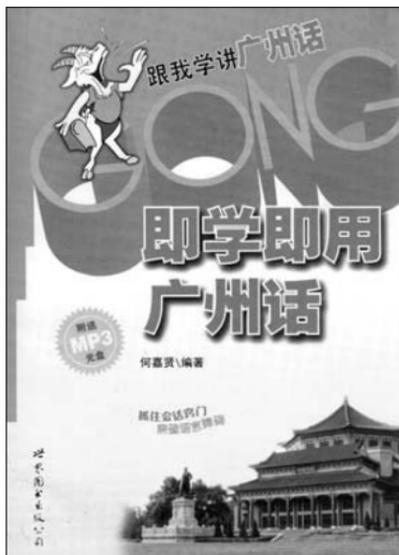
На протяжении двадцатого столетия было издано несколько нормативных словарей официального языка.

В фонетических словарях не только определен список слогов пекинского диалекта (числом немногим более четырехсот без учета тоновых различий), но также указано правильное чтение каждого отдельного иероглифа. Нормативным фонетическим словарем в КНР считается «Синьхуа цзыдянь» («新华字典», «Словарь иероглифов Нового Китая»), первое издание которого появилось в 1953-м, юбилейное десятое в известном издательстве «Шаньфу иньшугуань» («商务印书馆», *Commercial Press*) — в 2004-м, последнее, содержащее около 13 000 гнездовых иероглифов, — в 2011 году.

Лексика *путунхуа* зафиксирована в нормативном «Словаре современного китайского языка» («现代汉语词典», «Сяньдай ханьюй цыдянь»), впервые изданном тем же «Шаньфу иньшугуань» в 1978 году. В переработанном пятом издании 2005 года словарь содержал более 65 тыс. словарных статей. В шестое издание, появившееся в 2012 году, добавлено 4000 новых статей с учетом быстрых изменений, которые начались в китайском языке в период «реформ и открытости».

Наряду со словарями в последние годы готовятся также списки слов. Проект нормативного списка («现代汉语常用词表», «Сяньдай ханьюй чанъюн цы бяо»), включающего 56 008 частоупотребительных слов современного китайского языка, был обнародован в 2008 году.

Наиболее характерные признаки *путунхуа*, отличающие его от диалектов, были учтены в программных материалах для введенного в 1994 году теста на уровень знания *путунхуа*. Эти материалы содержали 17 055 слов, перечень произведений для чтения вслух (60 наименова-



Учебниками кантонского диалекта, изданными в Гуанчжоу, пользуются иностранцы и китайцы из других регионов

ний), 30 разговорных тем, а также «Сравнительную таблицу лексики *путунхуа* и диалектов» и «Типичные расхождения *путунхуа* и диалектов в области грамматики». На основе программных материалов на региональном уровне готовятся экзаменационные листы для проверки знаний по фонетике, лексике и грамматике *путунхуа* [Путунхуа 2005].

Сравнительное исследование лексики *путунхуа* показывает, что она прежде всего совпадает с диалектами группы *гуаньхуа* (от 76 до 84% на уровне зна-

менательных морфем). Лексические совпадения с диалектами северно-центральных групп — Сян, Гань, Ваньнань, У (включая шанхайский диалект) — менее значительны и варьируют от 60 до 70%. В диалектах групп, распространенных главным образом в провинции Гуандун (Юэ, включая кантонский, на котором, в частности, говорят в Гонконге, и *хакка*), совпадения составляют от 50 до 60%. И, наконец, в самых древних и далеко отстоящих от *путунхуа* диалектах Минь, одна из разновидностей которых доминирует на Тайване, с *путунхуа* совпадает менее 50% слов [Астрахан 1985].

Изучение грамматики официального языка современными методами китайские лингвисты начали только в последние годы Второй мировой войны и в начале послевоенного периода. Они были хорошо знакомы с за-

падным языкознанием своего времени, но в отличие от предшественников первой половины XX в. не использовали европейские грамматики в качестве образцов и стремились обнаружить специфические особенности самого китайского языка. Большое внимание популяризации грамматических знаний уделялось в 1950-е годы, когда появились издания, рассчитанные как на специалистов, так и на более или менее широкий круг читателей. По отдельным ключевым вопросам были проведены дискуссии: о частях речи в 1954 году и о подлежащем и дополнении в 1955–1956 годах [Яхонтов 1957, с. 7–9].

В последние десятилетия стало ясно, что грамматические различия между *путунхуа* и диалектами, в том числе северными, а также между разными диалектными группами гораздо более существенны, чем это предполагалось в 1950–1960-е годы; см., например, грамматические карты, опубликованные в третьем томе уникального новейшего атласа диалектов китайского языка [Ханьюй фаньянь 2008]. Тем не менее грамматика по-прежнему занимает сравнительно скромное место в современных школьных программах, а нормы *путунхуа* с учетом грамматических особенностей диалектов до сих пор остаются наименее разработанными.

Диалекты начинают отступать

Успехам современной кампании по распространению *путунхуа* объективно способствуют не только целенаправленные усилия государства, но также многочисленные «звучащие» СМИ, в том числе в Интернете. Свою роль играет использование ориентированного на пекинское произношение алфавита *ханьюй пиньинь* при наборе и поиске иероглифов на компьютерах, мобиль-

ных телефонах и других электронных устройствах. По данным опроса, проведенного в 2004 году, *путунхуа* уже тогда владели 53% жителей страны, хотя эта цифра значительно варьирует в зависимости от региона, возраста и уровня образования. Для городского населения она равна 66%, в развитых восточных районах тех, кто выучил *путунхуа*, больше, чем на западе страны. Максимальное число (70%) владеющих официальным языком зафиксировано среди молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. Следует, правда, учесть, что среди тех, кто считается знающими *путунхуа*, лишь чуть более 20% говорят правильно и без акцента, около 36% изъясняются свободно, но с не очень хорошим произношением. Около 15% китайцев по-прежнему говорят на *путунхуа* с сильным акцентом, 29% владеют им лишь на начальном уровне [Тун Лэцюань 2006]. Повсеместно можно услышать, как люди даже в крупных городах употребляют местные разновидности *путунхуа*. Когда-то их называли «синим языком чиновников» (藍青官话 *ланьцин гуаньхуа*), а сейчас именуют пиджин-путунхуа (洋泾浜普通话 *янцзинбан путунхуа*) или пиджинизированным китайским языком (洋泾浜汉语 *янцзинбан ханьюй*), используя термин 洋泾浜 *янцзинбан*, некогда возникший в Шанхае для английско-шанхайского пиджина [Ши Жуцзе 2010].

Китайскими диалектами продолжает пользоваться большая часть населения страны, но ситуация стремительно меняется в самых разных регионах, прежде всего (но не только) в динамично развивающихся восточных. Так, в Шанхае уже к 2006 году *путунхуа* владели 70% жителей разного возраста и уровня образования, он стал базовым языком партийных и правительственных учреждений, школ, общественных мест. В то же время употребление шанхайского диалекта, который относится к группе У, насчитывающей, по последним данным, до 80 млн носителей, и является *lingua franca* для соответ-

ствующего региона, ограничено только неофициальными ситуациями. В 1992 году местные органы образования запретили разговаривать на шанхайском диалекте школьникам. Учителей штрафовали, если обнаруживалось, что их ученики говорили не на *путунхуа*, причем не только в стенах школы. В результате опросы последних лет показали, что лишь в 45% семей коренных шанхайцев родной диалект является основным средством общения дома, *путунхуа* в сочетании с шанхайским диалектом употребляют 40% семей, 15% полностью перешли на *путунхуа* в той или иной форме. Под давлением защитников шанхайского диалекта власти в 2011 году впервые разрешили его употребление детьми за пределами школы, но только в одной из шанхайских школ введено преподавание родного диалекта по учебнику, специально написанному известным лингвистом Цянь Найжуном [Чжунго юйянь 2007. Т. 1, с. 007, 198–210]¹. Заметно меняются под воздействием *путунхуа* также диалекты группы У в целом. Если процесс будет продолжаться, они окажутся, как считают китайские эксперты, первыми в списке крупных диалектных групп, находящихся под угрозой исчезновения; см., например, о процессах в относящемся к группе У важнейшем диалекте Сучжоу в статье [Ши Жужэ 2005].

Параллельно с взаимодействием *путунхуа* и диалектов идет также взаимодействие между самими территориальными разновидностями китайского языка разного уровня. Малочисленные китайские диалекты — как, впрочем, малочисленные языки и диалекты во всем мире — либо исчезают, либо меняются в результате контактов с более распространенными или более престиж-

¹ См. также материалы: <http://www.globaltimes.cn/DesktopModules/DnnForge%20-%20NewsArticles/Print.aspx?tabid=99&tabmoduleid=94&articleId=732895&moduleId=405&PortalID=0>.

ными разновидностями языка. В том же Шанхае городской диалект поглощает диалекты пригородов [Ю Жунцзе 2010]. Уникальный диалект города Ханчжоу, куда в период династии Южная Сун (1127–1279) была перенесена столица из Бяньцзина (汴京, современный Кайфэн в провинции Хэнань), сейчас быстро меняется под влиянием численно доминирующих прочих диалектов группы У и теряет свои некогда привнесенные с севера элементы [Сюй Юэ 2010].

Усилению дискуссии о судьбе китайских диалектов и их статусе способствовали два события, которые осущест­влялись как иностранными, так и китайскими средствами массовой информации [Чжунго юйянь 2011, с. 6, 122–123]. Летом 2010 года жители Гуанчжоу, обеспокоенные слухами о намерениях властей сократить или даже упразднить диалектное вещание на местном телевидении, которое было введено после возвращения КНР Гонконга и Макао, вышли в центр города с лозунгами в защиту своего диалекта. В Европе он традиционно называется кантонским (Cantonese) и относится к далеко отстоящей от пекинского южной группе диалектов Юэ. Она насчитывает около 60 млн носителей и распространена на территории провинции Гуандун, в Гуанси-Чжуанском АР, а также в Гонконге, Макао и среди китайских эмигрантов за рубежом [Сюн Чжэнхуэй 2008а]. Против упразднения диалектного вещания на кантонских телеканалах высказались 80% из 30 тыс. человек, которые приняли участие в опросе на сайте Гуанчжоуского комитета НПКС. Поддержали выступления гуанчжоусцев также жители Гонконга. В начале того же года негодование коренных шанхайцев, ратующих за сохранение своего диалекта, вызвала публикация в газете «Синьминь ваньбао» («新民晚报»). В ней утверждалось, что в деловом районе Пудун и особенно в его финансовом центре Луцзяцзуй все говорят на *путунхуа*, поскольку разговор на шанхай-

ском диалекте «не может свидетельствовать о культуре говорящего»¹.

О необходимости охраны китайских диалектов в новых условиях неоднократно писали на протяжении последних лет и продолжают писать китайские лингвисты [Ван Пин 2006; Ши Жунцзе 2010]. Изменение языкового ландшафта Китая и китаеязычного мира в целом неизбежно, но власти лишь недавно начали поддерживать языковые составляющие локальных культур, выделять особые лингвокультурные заповедные пространства и распространять соответствующие знания. Охрана диалектов, по сути дела, стала частью местного законодательства и местных программ по охране нематериального культурного наследия [Чжунго юйянь 2010. Т. 1, с. 004–005; Чжунго юйянь 2011. Т. 1, с. 008]. Приветствуется создание региональных музеев, посвященных языку, в провинции Цзянси уже создан музей этнической группы *хакка*. Официально поощряется — также впервые в истории последнего столетия — диглоссия, включая одновременное владение диалектами и *путунхуа*, хотя в реальности, как об этом пишет знаток диалектов группы У профессор Ши Жунцзе, диглоссия означает сочетание ломаного *путунхуа* и ломаного диалекта [Ши Жунцзе

¹ Гуанчжоу сяньци дьяньшитай путунхуа хэ Юэюй бобао шичан чжи чжэн (В Гуанчжоу разворачивается борьба вокруг продолжительности теле вещания на *путунхуа* и кантонском диалекте). — http://news.xinhuanet.com/society/2010-07/09/c_13391352.htm; Гуанчжоу 2000 жэнь шанцзе цзихуэй «чэн Юэюй» (В Гуанчжоу 2000 человек выходят на улицу, чтобы поддержать кантонский диалект). — <http://www.zaobao.com.sg/wencui/2010/07/hongkong1007261.shtml> (дата публикации: 26.07.2010); Cantonese to continue at Guangzhou TV station. — http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2010-07/21/c_13407383.htm. О событиях и дискуссии 2010 г. в Гуанчжоу и Шанхае см. также [Чжунго юйянь 2011. Т. 1, с. 6, 122–123].

2010]. *Путунхуа* и региональные диалекты никогда не противопоставлялись друг другу», — подчеркивал Ли Юймин, заместитель руководителя Комитета по работе в области языка и письменности, директор Департамента языковой информации Министерства образования КНР, успокаивая обеспокоенных судьбой своего диалекта жителей Гуанчжоу¹.

Особое значение в условиях новой языковой политики приобретает китайская диалектология, о которой подробнее пойдет речь ниже, в главе, посвященной классификации, распространению и статусу китайских диалектов. Китайские лингвисты ставят своей задачей собрать и сохранить для потомков информацию о разных территориальных разновидностях своего языка — как о распространенных, с десятками миллионов носителей, так и о редких, малочисленных.

Языковая ситуация на Тайване

Несколько иная, отчасти парадоксальная ситуация с распространением устной формы официального языка сложилась на Тайване. До 1949 года на Тайване были распространены два основных китайских диалекта. Первый относится к группе Миньнань — южнофуцзяньской. Вторым диалект, привнесенный переселенцами из провинции Гуандун, — к группе *хакка* [Цю Чжицзюнь 1994]. В настоящее время уроженцы континентального Китая и их потомки составляют примерно 5% населения, носители диалектов Миньнань — 70%, носители *хакка* — 20%. Примерно 2% приходится на аборигенов Тайваня, говорящих

¹ Минобразования КНР: общегосударственный китайский язык *путунхуа* не противоречит диалектам. — http://russian.news.cn/culture/2011-05/13/c_13873820.htm. (13.05.2011).

на австронезийских языках¹. Старшее поколение тайваньцев застало конец японской оккупации острова и до сих пор помнит японский язык, который использовался тогда в качестве официального.

Правительством Чан Кайши на Тайване были продолжены те языковые реформы, которые проводились в Китайской Республике с 1912 года. Переработанные издания словаря «Гоюй цыдянь» до сих пор считаются здесь нормативными и доступны в Интернете. На острове широко употреблялся алфавит *чжуинь цзыму* (*чжуинь фухао*), почти исчезнувший в КНР. Официальным алфавитом на латинской основе на Тайване вплоть до последнего времени считался также *гоюй ломацзы*, хотя на практике обычно использовалась старая английская транскрипция Уэйда — Джайлса. В 2002 году была официально введена новая латинизированная система *通用拼音 тунъюн пиньинь* («общепотребительная транскрипция»). Она была основана на принятом в КНР и признанном в качестве международного стандарта записи китайских слов алфавите *汉语拼音 ханьюй пиньинь*, но имела некоторые отличительные особенности и просуществовала семь лет — до перехода на *ханьюй пиньинь* с 1 января 2009 года.

С одной стороны, в результате успешной кампании, проводившейся после 1949 года, официальным языком владеют 90% населения острова, в столичном Тайбэе — почти все его жители. С другой — тот его вариант, который широко употребляется на Тайване, фонетически, лексически и даже грамматически отличается как от старого *гоюя*, нормы которого были выработаны на континенте до 1949 года, так и от современного *путунхуа*. В этом варианте, в частности, не различаются шипящие и свистящие начальнoслоговые согласные, практически отсутствует эризация. Для обще-

¹ The Republic of China Yearbook 2009 (www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/ch02.html).

ственно-политической лексики характерен слой архаизмов, исчезнувших из употребления на континенте. Значительное число слов вошло в «тайваньский *гоюй*» из американского английского и доминирующих на острове диалектов Миньнань, а также из японского языка. Классический пекинский вариант официального языка употребляется только специалистами-филологами и теми, кто преподает китайский язык иностранцам [Berg 1985; Чжунго юйянь 2006. Т. 1, с. 331–345; Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 323–339].

Несмотря на успешное распространение *гоюя*, пусть даже в особом местном варианте, позиции диалектов на Тайване всегда оставались сильными и значительно укрепились после отмены военного положения в 1987 году. Неофициально преподавание на родных диалектах было введено в тайваньских школах уже с начала 1980-х годов. Существует диалектное радио- и телевидение. На диалектах создаются произведения художественной литературы, печатается реклама. Разрабатываются новые и совершенствуются ранее существовавшие способы записи диалектных текстов — как алфавитные, так и иероглифические. Подготовлен проект закона о юридическом равенстве всех китайских «языков» (*Han languages*), под которыми подразумеваются не только *гоюй* и языки аборигенов Тайваня, но также диалекты Миньнань и *хакка* [Wei 2006].

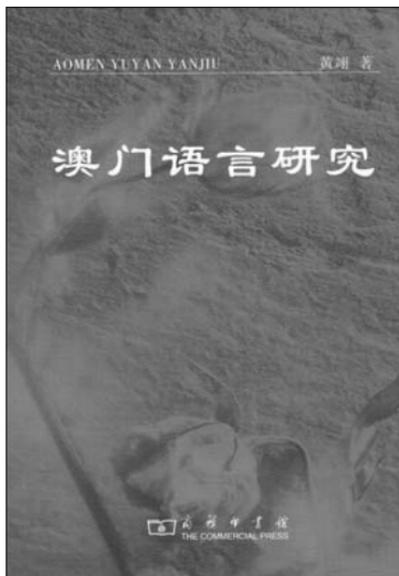
Некоторые изменения в языковой политике на Тайване наметились в последнее время. В мае 2008 года находившиеся в то время у власти силы, которые были ориентированы на сепаратное развитие Тайваня и делали акцент на различиях с континентальным Китаем в самых разных областях жизни, включая языковую, потерпели поражение на выборах. Президентом Тайваня был избран лидер партии Гоминьдан Ма Инцзю, и на острове началось движение в сторону политического, экономического и культурного сближения с КНР. Как уже упоминалось выше, с 1 января 2009 года на Тайване введен алфавит *ханьюй*

пиньинь. На самом высоком уровне ведется дискуссия о возможности официального использования на письме упрощенных вариантов написания иероглифов, появившихся на континенте в 1950–1960-е годы, но так и не введенных на Тайване. В 2009 году эта дискуссия вылилась в предложенную Ма Инцзю компромиссную формулу 識正書簡 *ши чжэн шу цзянь* («Уметь прочитать правильные [полные], но употреблять на письме упрощенные [иероглифы]»). В рамках все того же культурологического сближения Тайваня с континентальным Китаем и по предложению все того же Ма Инцзю было принято решение о совместном создании нового нормативного словаря официального языка «Чжунхуа да цыдянь» («中华大辞典», «Большой китайский словарь слов»). Работа над этим фундаментальным изданием уже завершена, публикация намечена на 2013 год. Совместными усилиями лингвистов выпущены другие справочники, в которых учтены особенности лексики как *путунхуа* на континенте, так и *гоюя* на Тайване [Чжунго юйянь 2011, с. 083–084].

Китайский язык в Гонконге и Макао

Влияние *путунхуа* ощущается не только в пределах континентального Китая, но также в Гонконге и в меньшей степени в Макао, где до присоединения этих районов к КНР устный официальный язык никогда не распространялся и не использовался.

В качестве языка публичных выступлений, государственных учреждений и суда в Гонконге, который находился под юрисдикцией Великобритании с 1842 по 1997 год, использовался английский язык, который был также языком бизнеса и науки. Практически все образованные гонконгские китайцы были двуязычными. На службе они обычно говорили по-английски, в остальных ситуациях —



Монография китайской исследовательницы посвящена сложным лингвистическим процессам в бывшей португальской колонии Макао (Аомэнь)

на кантонском диалекте, который относится к группе диалектов Юэ (западноевропейское название «Кантон» для города Гуанчжоу восходит к названию провинции Гуандун в местном диалектном произношении). По официальным данным на 2006 год, носителями кантонского диалекта являлось подавляющее большинство жителей Гонконга — более 90%, на *путунхуа* говорили всего 0,9%, на прочих китайских диалектах (中国方言 *чжунго фаньянь*) — 4,4%¹. На кантонском диалекте традиционно шло преподавание в школе, он же до

сих пор используется в фильмах, теле- и радиопередачах. Наряду с общекитайским письменным языком — аналогом *путунхуа* и *гоюя* — в Гонконге издавна существует литература либо на кантонском диалекте, либо в том или ином объеме содержащая диалектные лексические и грамматические элементы. В текстах на кантонском диалекте, в том числе в интернет-блогах, при записи слов используются специальные диалектные иероглифы, для которых официально созданы компьютерные кодировки [Gibbons 1987; Norman 1988, с. 215; Шэн Янь 2001; Cheung Kwan-hin 2002]. Упрощенные варианты написания общекитай-

¹ www.censtatd.gov.hk/hong_kong_statistics/statistical_tables/index_tc.jsp?subjectID=1&tableID=140.

ских иероглифов ни в Гонконге, ни в Макао введены не были, но они употребляются в тех словарях и пособиях по кантонскому диалекту, которые издаются в соседней провинции Гуандун.

В соответствии с политикой «одна страна — две системы» действие Закона КНР о языке и письменности на Гонконг не распространяется, с 1997 года там действует Основной закон Специального административного района Сянган (САР Сянган). Согласно этому документу (глава 1, статья 9), официальными письменными языками в Гонконге являются китайский и английский: «В органах исполнительной, законодательной и судебной власти САР Сянган помимо китайского языка (中文 *чжунвэнь*) можно употреблять английский (英文 *инвэнь*), который также является официальным языком»¹. Одновременно государство обеспечивает возможность употребления трех равноправных устных форм языка — кантонского диалекта, *путунхуа* и английского языка. Решением языковых проблем занимается специальный государственный орган — Отдел официальных языков (法定语文事务部 *Фадин юйвэнь ши'убу*) при Управлении по делам государственных служащих².

После 1997 года и особенно после вступления КНР в ВТО в 2001 году жители Гонконга по-прежнему стремятся читать и писать на двух языках — английском и китайском, но говорить на английском языке, кантонском диалекте и *путунхуа* в соответствии с местной формулой 两文三语 *лян вэнь сань юй* («два письменных языка, три разновидности речи»). Еще в 1970-е годы пропаганда *путунхуа* в Гонконге проходила под лозунгом: «Все китайцы (华人 *хуажэнь*) в Поднебесной — одна семья, каждый должен говорить на *путунхуа*». С 1996 года тысячи жителей Гонконга, в том числе учителя, сдают особый гонконгский

¹ www.basiclaw.gov.hk/tc/basiclawtext/chapter_1.html.

² www.csb.gov.hk/tc_chi/aboutus/org/scsd/1470.html.

вариант теста на знание *путунхуа*, к 2006 году число сдавших тест превысило 35 тыс. человек [Чжунго юйянь 2007. Т. 1, с. 288]. В 2002 году в Законодательном совете Гонконга (местном парламенте) на заседании, посвященном лингвистическим проблемам, впервые прозвучали выступления на *путунхуа*. С 1998 года преподавание *путунхуа* — по сути дела, как иностранного языка — было введено в гонконгских школах. Уже в 2002 году им было охвачено 98,7% начальных и 95,5 % средних школ. С 2006 года появились школы, в которых преподавание полностью идет на *путунхуа* [Чжунго юйянь 2007. Т. 1, с. 282].

В качестве устного языка в Гонконге продолжает доминировать кантонский диалект. Им по-прежнему владеют и пользуются в разных ситуациях, причем не только в бытовых, но также в официальных, 96% жителей. Более того, кантонский диалект учат многие приезжие из континентального Китая (число приезжих выросло с 12,2 млн в 2004 году до 28,1 млн в 2011-м), он же постепенно поглощает менее значительный по числу говорящих местный диалект *хакка* [Чжоу Байшэн 1998]. Одновременно вторым устным языком, потеснив английский, впервые стал *путунхуа*. По данным на 2012 год, уже 48% жителей Гонконга владеют *путунхуа*, в то время как на английском могут говорить только 46% населения. На *путунхуа*, вызвав, впрочем, недовольство многих гонконгцев, произнес в июле 2012 года свою инаугурационную речь новый глава администрации Гонконга Лян Чжэньин¹. Гонконгский ва-

¹ Путунхуа цзай Сянган чаого иньюй (В Гонконге *путунхуа* обогнал английский язык). — http://www.china-language.gov.cn/136/2012_2_28/1_136_5072_0_1330416658671.html; Interview: Chief liaison officer optimistic about Hong Kong's future. — http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2012-06/28/c_131682258.htm; Crowds protest in Hong Kong as Hu anoints leader. — <http://in.reuters.com/article/2012/07/02/hongkong-china-idINDEE86102Y20120702>.

риант *путунхуа* при этом часто обнаруживает (и, возможно, будет обнаруживать в будущем, ср. тайваньский *гоюй* и региональные варианты английского языка в разных странах мира) явное влияние кантонской лексики и грамматики. В нем используются местные либо исчезнувшие из употребления архаичные слова, различные местные варианты заимствований из английского языка. Встречаются в местном варианте *путунхуа* также кантонские грамматические явления — например, особый порядок слов в предложении [Цзэн Цзыфань 2000].

Языковая ситуация в бывшей португальской колонии Макао аналогична, хотя и не идентична гонконгской. Португальские торговцы начали проникать в Макао еще в середине XVI в., тогда это была небольшая рыбацкая деревня с населением около 5 тыс. человек. После окончания Опиумных войн Макао попал под юрисдикцию Португалии и оставался колонией с 1887 года до возвращения КНР в 1999 году. Португальский был единственным официальным языком государственных учреждений, хотя чиновники-китайцы низовых звеньев предпочитали говорить по-кантонски. В 1999 году Макао получил статус Специального административного района Аомэнь (САР Аомэнь). Одной из главных задач в области языковой политики в этом районе считается переход государственных учреждений, и прежде всего органов судебной власти, с португальского языка на китайский [Шэн Янь 1999; Чжунго юйянь 2008, с. 294–304]. Статья 9 главы 1 Основного закона САР Аомэнь, вступившего в силу в 1999 году, аналогична соответствующей гонконгской статье: «В органах исполнительной, законодательной и судебной власти САР Аомэнь на письме помимо китайского языка (中文 *чжунвэнь*) можно употреблять португальский язык (葡文 *пувэнь*), который также является официальным языком» [Хуан И 2007, с. 277].

В качестве основного неофициального языка устного общения в Макао использовался и используется мест-

ный вариант кантонского диалекта, на котором говорит большая часть населения — 87,86%, по данным переписи 2001 года [Хуан И 2007, с. 88]. На прочие китайские диалекты, по тем же данным, приходилось 7,57%, владели *путунхуа* лишь 1,57%, обычно это были те местные жители, которые лишь недавно начали его специально изучать. Как устный, так и письменный китайский язык включает много заимствований из португальского и английского языков. Последний используется в высших учебных заведениях, в научных публикациях, а также теми местными жителями, которые заняты в игорном и шоу-бизнесе или сфере обслуживания (по данным на 2008 год, 23,7 и 12,9% населения соответственно)¹. В итоге для характеристики языковой ситуации в Макао иногда используют формулу 三文四语 *сань вэнь сы юй* — «три письменных языка, четыре разновидности речи» [Шэн Янь 2001].

Местный вариант письменного китайского языка, в том числе газетный, находится в Макао под очень сильным диалектным влиянием. Некоторые газетные публикации практически полностью написаны на кантонском диалекте [Хуан И 2007, с. 164–176]. Архаичный характер местным текстам придают не только намеренно используемые лексические и грамматические элементы *вэньяня*, но также те древние слова, которые исчезли в современном письменном и тем более устном варианте *путунхуа*, но сохранились в кантонском диалекте. И наконец, еще одна особенность Макао — особый креолизованный вариант португальского языка, который употребляют, в том числе и в письменном варианте, потомки тех, кто родился в результате смешанных португальско-китайских браков. Этот язык имеет несколько названий, в том числе *patois*, *lingual de Macau* и др. [Ху Пэйчжоу 1999; Хуан И 2007, с. 113–130].

¹ www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-02/20/content_820988.htm.

«Мягкая сила»: распространение китайской культуры и путунхуа за пределами Китая

Распространение официальной формы китайского языка не только в стране, но также и в мире считается в КНР составной частью «мягкой силы» и формирования положительного образа страны¹. По образцу британского TOEFL учрежден официальный экзамен на знание китайского языка (точнее говоря, *путунхуа*) как иностранного — «Ханьюй шуйпин каоши» («汉语水平考试», Hànyǔ shuǐpíng kǎoshì, сокращенно HSK), который с 1992 года можно сдать как в КНР, так и за ее пределами. В 2010 году предложена его новая многоуровневая форма. При Министерстве образования функционирует Государственная канцелярия по делам распространения китайского языка за рубежом (中国国家汉语国际推广领导小组办公室 *Чжунго гоцзя ханьюй гоцзи туйгуан линдао сяоцзу баньгунши*, обычно употребляют ее сокращенное название — 国家汉办 *Гоцзя ханьбань*, 汉办 *Ханьбань*). Эта организация активно открывает за границей учебно-информационные центры — Институты Конфуция, названные именем великого мудреца древности. В них учат китайскому языку и рассказывают о китайской культуре жителям разных стран, а также оказывают методологическую помощь преподавателям. Первый такой институт был открыт в 2004 году в Южной Корее, входящей в традиционный синоцентристский ареал Азии.

К концу 2010 года в 96 странах мира действовало 322 института и 369 классов Конфуция [Чжунго юйянь 2011, с. 091–097]. К июлю 2012 года их число увеличилось до 387 и 509 соответственно². Всего за пределами Китая

¹ http://russian.news.cn/culture/2012-04/09/c_131515756.htm.

² http://english.hanban.edu.cn/article/2012-08/10/content_454281.htm.

китайский язык изучают 40 млн иностранцев. Общее число студентов и аспирантов, изучающих китайский язык в 100 российских вузах, в 2010 году превысило 10 тыс. человек¹. Заметим при этом, что в качестве изучаемого в мире пока лидирует английский язык: в той или иной степени его знают от одного до трех миллиардов жителей Земли. В 2005 году только в Китае английский язык изучали 350 млн человек разного возраста [Чжунго юйянь 2006. Т. 1, с. 271]. В 2009 году число китайцев, сдававших международный экзамен по английскому языку как иностранному (TOEFL), увеличилось на 30% по сравнению с предыдущим годом и стало рекордным².

Важной задачей на государственном уровне считается распространение *путунхуа* и традиционной культуры среди китайских эмигрантов, живущих в разных странах мира [Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 367–384]. Многие из этих людей являются выходцами из крупных диалектных центров юго-востока Китая — Гуанчжоу (Кантон), Сямынь (Амой), Шанью (Свау), которые всегда были источниками эмиграции в страны Южных морей. Говорившие на разных диалектах либо утратившие китайский язык эмигранты тем не менее гордились принадлежностью к далекому Китаю и даже своими силами создавали учебные заведения, где преподавали *путунхуа*. С 1980-х годов зарубежные китайцы стали вкладывать значительные средства в экономику КНР, главным образом в родные провинции, уезды и города южного Китая. Вслед за эмигрантским капиталом в страну устремились сами предприниматели и персонал их фирм, привнося неологизмы и диалектизмы вместе с новым образом жизни, понятиями и представлениями. В результате, с одной стороны,

¹ http://russian.news.cn/dossiers/2010-03/24/c_13222304.htm; russian.news.cn/culture/2009-11/28/c_1397674.htm.

² http://russian.news.cn/culture/2010-04/03/c_13236046.htm.

эмигранты повсеместно учат *путунхуа*, с другой — в континентальном Китае одно время появилась мода на кантонский диалект. С фильмами, песнями, рекламой, товарной маркировкой гонконгские слова и выражения — так же как и многочисленные заимствования из английского языка, о которых подробнее пойдет речь ниже, — начали проникать с юга на север страны.

这本书的内容对中国读者已经太陌生，因为它讲述
另一个国家。然而，这却是一种普遍感受的汉字文
本，由一个外国人讲中国，讲我们自己的事情……

馬氏文通

馬建忠著

商務印書館發行

全球暢銷書

存本照 社

Lady Gaga

王健林之 中

全球首

文化之爭尖

尋城記 杭州

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

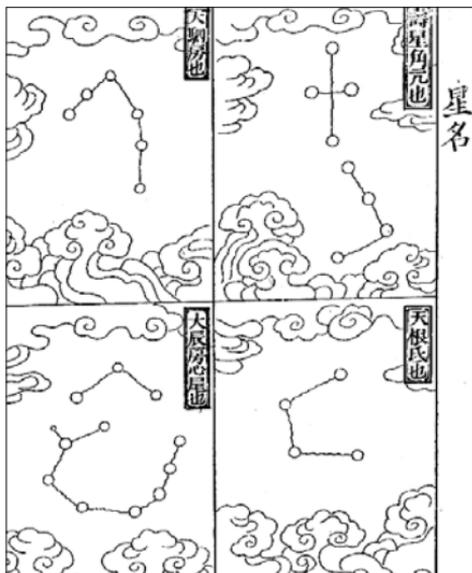
Описание своего языка было начато древними филологами Китая еще в первом тысячелетии до новой эры. В рамках традиционной филологии существовали три основных лингвистических направления. Первое было посвящено толкованию редких слов и составлению словарей, второе занималось изучением письменности. Третье направление, фонология, сложилось гораздо позже двух остальных, достигнув своего расцвета в Средние века. Зато именно оно превратилось в главный раздел традиционной лингвистики, развитие которого было обусловлено связью со стихосложением. До конца XIX в. китайская наука о языке и письменности развивалась независимо от иностранных лингвистических традиций и лишь испытала некоторое влияние индийской филологии в результате прихода в Китай буддизма и знакомства китайцев в первые века новой эры с языком иного строя, санскритом [Яхонтов 1980, с. 92–93].

Началом китайского языкознания современного типа считается публикация в 1898 году первой грамматики, написанной китайцем, — «Ма ши вэнь тун» («马氏文通», «Объяснение правил письменного языка господина Ма»). Ее автор, Ма Цзяньчжун (1844–1900), ориентировался в своем сочинении на письменный язык 文言 *вэньянь*, вос-

производивший особенности древнекитайского языка, с одной стороны, и на латинские европейские грамматики, содержавшие описания языков совершенно иного типа, чем китайский, — с другой. Влияние латинской традиции можно обнаружить и в ранних китайских грамматиках, написанных европейцами. Самая первая из них была опубликована в 1703 году в Кантоне (Гуанчжоу) миссионером Франциско Варо (Francisco Varo, 1627–1687) и называлась «Искусство мандаринского языка» (*Arte de la lengua Mandarina*). Первая грамматика китайского языка, написанная россиянином — одним из основоположников российского китаеведения Н. Я. Бичуриным, также была ориентирована на древнекитайский язык, лежащий в основе *вэньяня* («*Хань-вынь-ци-мын*. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом». СПб., 1835). Вместе с тем Н. Я. Бичурин хорошо знал о различиях между устным языком и *вэньянем* и в своем предисловии говорил о неприемлемости использования при описании китайского языка тех методов, которые были выработаны европейцами на материале латыни [Яхонтов 1957, с. 3–5; Янь Годун 2006, с. 180].

Кардинальные изменения в представлениях о китайском языке произошли на протяжении двадцатого столетия. Европейские синологи прошли долгий путь от представлений об «аморфном» или «моносиллабическом» китайском языке, в котором полностью отсутствует грамматика и невозможно какое бы то ни было фонетическое варьирование слога в потоке речи, к новейшим представлениям об общих особенностях так называемых изолирующих языков [Драгунов 1952, с. 15–27; Яхонтов 1957, с. 3–11]. В свою очередь современное языкознание в Китае представляет собой синтез достижений собственной и западной науки. Оно вобрало как традиционные методы, которые и сейчас иногда оказываются более точными и продуктивными при описании китайского языка, так и достижения мировой лингвистической науки.

Наиболее распространенный вариант генетической классификации языков Восточной и Юго-Восточной Азии, принятый в настоящее время, относит китайский язык к обширной сино-тибетской суперсемье языков, состоящей из двух ветвей [Яхонтов 1983]. Синитическая, или китайская, ветвь образована самим китайским



Позднее издание древнейшего китайского словаря «Эр я» — названия созвездий

языком, лишь в 1924 году законодательно выделенным из китайского на территории бывшего СССР (о терминологии, определяющей статус китайских территориальных единиц разного уровня, подробнее см. ниже, в главе, посвященной китайским диалектам). Тибето-бирманская включает до четырех сотен языков, но охватывает сравнительно мало говорящих. Ближайший родственник китайских диалектов, как это было установлено, в частности, С. А. Старостиным, — язык небольшого народа бай, проживающего в южнокитайской провинции Юньнань. Следующий, более высокий уровень синитические языки образуют, по С. А. Старостину, вместе с гималайскими языками киранти и лишь затем наряду с тибето-бирманскими входят в сино-тибетскую суперсемью [Starostin 1995a; Starostin 1995b]. Некоторые из неродственных китайскому изолирующих языков (тайские, мяо-яо) долгое время на-

ходились под его сильным влиянием и поэтому до сих пор иногда считаются связанными с ним своим происхождением. К родственному китайскому относили также вьетнамский язык. Он входит в мон-кхмерскую группу, но очень близок китайскому типологически и вобрал много китайских заимствований.

Типологически китайский принадлежит к языкам, которые принято называть изолирующими. Они распространены в южном Китае и материковой Юго-Восточной Азии и не обязательно являются родственными друг другу.

Синтаксические отношения в изолирующих языках, так же как в европейских аналитических (например, в английском), передаются с помощью порядка слов либо служебными словами. Служебные слова обычно происходят от знаменательных и часто сосуществуют с последними, сохраняя с ними смысловую связь (в китайском эта связь поддерживается иероглифической письменностью). Порядок слов не подкреплён морфологией: имеется ограниченное словоизменение, с помощью форм слова выражаются только несинтаксические категории (число существительного, время и вид глагола) [Яхонтов 1965б; Зограф 2004; Зограф 2005а; Яхонтов 2006]. Дополнение в китайском языке следует за глаголом-сказуемым (写字 *се цзы* «писать иероглифы»), определение в большей части диалектов предшествует определяемому (新地图 *синь диту* «новая карта»). Первая особенность сближает китайский язык с тайскими, мон-кхмерскими и вьет-мыонгскими языками, а также с языками мяо-яо, распространёнными к югу от него, и отличает от большинства сино-тибетских и алтайских языков. Вторая характерна для китайского, а также для алтайских языков, которые граничат с ним с севера, и, возможно, явилась результатом длительных контактов с этими языками. Проблеме порядка слов в китайских диалектах, которая раньше привлекала в основном

внимание западных и японских синологов, в настоящее время уделяется внимание также и в собственно китайском языкознании [Хэ Вэй 1992; Дин Бансинь 2000; Чжан Чжэньсин 2003; Лю Даньцин 2006].

Изолирующие языки Азии называют также «слоговыми» («силлабическими») с учетом прежде всего их фонетических особенностей, заметно отличающих эти языки от европейских [Драгунов 1955; Касевич 1983; Касевич 1986]. В неслоговых языках (например, в русском) морфема может быть образована как сочетанием звуков, слогом или сочетанием слогов, так и отдельным звуком — фонемой, в том числе согласным, который слог не образует. В качестве примера слов, образованных согласным, можно привести русский предлог «в» или суффикс существительных «к» в слове «рыбка». В слоговых языках действует правило, по которому морфема обычно равна слогу и, в свою очередь, каждому слогу соответствует морфема (корень или аффикс). Так, слово 房子 *фанцзы* «дом» состоит из корня *фан* «дом» и суффикса *цзы*; слово 房間 *фанцзянь* «комната» — из корней *фан* «дом» и *цзянь* «между»; слово 书房 *шуфан* «кабинет» из корней *шу* «книга» и *фан* «дом». Базовую единицу силлабических языков, которая, подобно европейской фонеме, способна образовывать морфему, но равна слогу, в отечественной синологии принято называть слогоморфемой (морфосиллабемой).

Большая часть силлабических языков, и в том числе китайский, являются тоновыми. За каждой слогоморфемой здесь закреплён один из смыслоразличительных тонов — определенная мелодическая характеристика финали. Слова, произнесенные с неверным тоном (тонами в случае двусложных и многосложных слов), могут быть неправильно поняты слушателями. Классический пример односложных слов, имеющих один и тот же звуковой состав, но разные тоны в пекинском диалекте и офици-

альном языке *путунхуа*, основанном на пекинском произношении, — 媽 *ма*¹ «мама» (первый тон, высокий ровный), 麻 *ма*² «конопля» (второй тон, восходящий), 馬 *ма*³ «лошадь» (третий тон, низкий нисходяще-восходящий) и 罵 *ма*⁴ «ругаться» (четвертый тон, нисходящий); в записи *ханьюй пиньинь* — *mā, má, mǎ, mà* соответственно. Полностью утратить связь с этимологическим тоном могут только те слогоморфемы, которые всегда употребляются в так называемом нейтральном тоне (轻声 *циншэн*), например пекинская вопросительная частица 吗 *ма*.

На письме слогоморфема, как правило, записывается одним и тем же индивидуальным иероглифом, который «сопровождает» ее на протяжении всей истории существования. Случаи, когда у одной и той же слогоморфемы существуют разные варианты написания или, наоборот, одним и тем же иероглифом записывают разные слогоморфемы, являются исключениями из общего многовекового правила. Ряд подобных исключений появились в ходе упрощения иероглифической письменности в КНР. Слово 字 *цзы*, которое на русский и некоторые другие европейские языки переводится как «иероглиф», по сути дела, употреблялось и до сих пор употребляется в китайском языкознании в двух значениях — «письменный знак» и в значении европейского термина «слогоморфема»: 字音 *цзыинь* «произношение слогоморфемы» (букв. «произношение иероглифа»); 字义 *цзыи* «значение слогоморфемы» («значение иероглифа»); 平声字 *пиншэн цзы* «слогоморфемы ровного тона» («иероглифы ровного тона»); 三字组变调 *саньцзыцзу бяньдяо* «чередования тонов в группе (фонетическом слове), состоящей из трех слогоморфем» (букв. «трех иероглифов»).

Древнекитайское слово, как правило, состояло из односложного корня и, соответственно, записывалось одним иероглифом, поэтому древнекитайский язык иногда называли моносиллабическим. В современном китайском

возможны слова, которые включают одну, две или несколько слогоморфем / слогов и записываются соответствующим числом иероглифов: 书 *шу* «книга», 书法 *шуфа* «каллиграфия», 书法家 *шуфацзя* «каллиграф», 书呆子 *шудайцзы* «книжник».

Современный китайский слог в своем полном варианте состоит из четырех компонентов и включает начальнослоговой согласный, последующий неслогообразующий гласный (медиаль), слогообразующий гласный (центральный) и конечный неслогообразующий элемент. Таким элементом может быть гласный звук, сонант, в диалектах — гортанная смычка или импловзивные согласные *-p*,

-t, *-k*, которые в китайской лингвистической традиции определяют принадлежность слога к особому «входящему» тону. В качестве примера четырехсоставных слогов пекинского диалекта можно привести слоги *лянь* [liɛn], *лян* [liɑn], *ляо* [liɑu], *луань* [luan]. Сочетания согласных в современном китайском слоге недопустимы. Начальнослоговой согласный называется в китайской фонологии 声母 *шэнму*, на русский язык это слово переводится как «инициаль». Часть слога без инициали называется финалью



Иллюстрации к среднекитайским фонетическим таблицам — как различать четыре тона

(韵母 *юньму*), часть слога без инициали и медиали — рифмой (韵 *юнь*), именно эта часть рифмуется в поэзии. Так, в средневековом рифмованном списке китайских фамилий «Бай цзя син» («百家姓», «Фамилии ста семей»), составленном в эпоху Сун (960–1279), рифмуются фамилии 康 Кан [k'ɑŋ], 黄 Хуан [xuaŋ], 龐 Пан [p'ɑŋ] и 梁 Лян [liɑŋ], имеющие рифму -ɑŋ.

Хотя морфема обычно равна слогу, инициали и финали все же могут быть выделены внутри него на фонологическом уровне. Это происходит благодаря таким явлениям, как слова-полуповторы, в которых повторяется только инициаль или только финаль (伶俐 *линли* «смешливый», 混沌 *хуньдунь* «хаос»), либо традиционной системе 反切 *фаньцзе*, употребляющейся в китайском языкознании для передачи чтения иероглифа при помощи двух других, имеющих ту же инициаль (первый иероглиф) и ту же финаль (второй иероглиф). О фонологической границе между медиалью и рифмой, в свою очередь, свидетельствует не только система поэтических рифм, о которой шла речь выше, но также некоторые явления, которые наблюдаются при слиянии слогов. Так, в диалекте Лояна (провинция Хэнань) в географических названиях часто встречаются односложные слова, которые возникают при слиянии суффикса 家 *-цзя* (исходное значение «дом, семья») с предыдущими слогами. Финаль первого слога при образовании этих слов «рассекается» после медиали: [xuaŋ] + [tɕia] → [xua].

В каждой позиции в слоге допустимы только звуки из определенного ограниченного набора, поэтому общее число слогов в каждом языке или диалекте невелико и может быть легко задано небольшим списком. Таблицы, которые используются при приеме государственного «Теста на уровень знания *путунхуа*» («普通话水平测试», «Путунхуа шуйпин цэши»), включают 400 слогов без учета тоновых различий. Основой для таблиц послужил нормативный

«Синьхуа цзыдянь» («新华字典», «Словарь иероглифов Нового Китая». Пекин, 1988). Из приведенного в словаре списка слогов были исключены 18 междометий и редкие чтения иероглифов, сочтенные составителями таблиц диалектными или устаревшими книжными [Путунхуа 2005, с. 288–292].

Для обозначения мелодической характеристики тонов используется цифровая система, предложенная в первой половине XX в. знаменитым лингвистом Чжао Юаньжэнем [Chao Yuen Ren 1930]. Диапазон человеческого голоса разделен на пять условных уровней: самому низкому уровню соответствует цифра 1, самому высокому — цифра 5. Падающий тон обозначается цифрами 51, ровный тон среднего диапазона — цифрами 33, восходяще-нисходящий тон в низком диапазоне — цифрами 121 и т. п. Хотя под фонетической характеристикой тона подразумеваются прежде всего ее мелодические составляющие — регистр и контур, тоны могут отличаться друг от друга также другими дополнительными признаками, например наличием / отсутствием сжатия гортани (обычно на переломе контура, как в случае дунганского восходяще-нисходящего тона 平声 *пиншэн*). Нисходящие тоны, как правило, относительно короче восходящих и ровных, ровные короче ломаных (восходяще-нисходящих и нисходяще-восходящих).

Начало изучению тонов, которые играют важную роль в китайском стихосложении, было положено уже в середине первого тысячелетия. Тогда же были впервые выделены четыре среднекитайских тона, или тоновых класса, которые называли 平 *пин* (или 平声 *пиншэн*) «ровный», 上 *шан* (上声 *шаншэн*) «восходящий», 去 *цюй* (去声 *цюйшэн*) «уходящий» и 入 *жу* (入声 *жушэн*) «входящий». Эти тоны отражены в средневековых словарях рифм (韵书 *юньшу*) и таблицах рифм (韵图 *юньту*). В поэзии «ровный» тон был противопоставлен трем осталь-

ным тонам, именуемым 仄 цзэ «неровными», «косыми». Чередования в стихотворной строке слогов в «ровном» и «неровных» тонах по определенным правилам лежали в основе классического китайского стихосложения. Каждый из тонов имел по крайней мере два фонетических варианта в зависимости от глухости или звонкости среднекитайских инициалей — 阴 инь («высокий», букв. «темный») и 阳 ян («низкий», букв. «светлый»). Позже в результате оглушения звонких инициалей вместо одного среднекитайского тонового класса (для разных классов в разных диалектах) возникли современные классы серий инь и ян (например, 阴平 иньпин и 阳平 янпин, или первый и второй тоны пекинского диалекта). Слоги, которые в среднекитайском языке и некоторых современных диалектах относятся к «входящему» тону 入声 жушэн, отличаются от слогов других тонов не только или иногда не столько мелодически, сколько наличием конечных согласных *-p*, *-t*, *-k* (или гортанной смычки) и относительной краткостью финали.

В современном китайском языкознании различаются два понятия — «тоновый класс» (调类 дяолэй), или «тон» в его фонологическом понимании, и «фонетическая характеристика тона» (调值 дяочжи). Один и тот же тоновый класс объединяет примерно одинаковый состав слогоморфем в разных диалектах и в основном восходит к одному и тому же среднекитайскому тоновому классу (иногда — классам). В качестве названий современных тоновых классов используются исторически сложившиеся термины. Фонетическая характеристика одного и того же тонового класса может быть разной даже в очень близких диалектах и относится к числу наиболее варьирующих признаков. Так, слог, относящийся к классу иньпин («высокий ровный», современный пекинский первый тон), произносится с высокой ровной мелодикой в пекинском диалекте и пунунхуа,

низкой нисходяще-восходящей в Цзинане, низкой слегка нисходящей в Сиане.

Возвращаясь к правилу равенства морфемы и слога, отметим, что двусложные и многосложные морфемы-исключения, которые включают слоги, не имеющие собственного значения, возможны в китайском языке в двух основных случаях. Во-первых, при образовании слов-полуповторов, которые упоминались выше (еще примеры: 蜘蛛 *чжичжжу* «паук» с повтором инициали и 螳螂 *танлан* «богомол» с повтором финали). Во-вторых, в составе фонетических заимствований слов из других языков. В китайской традиции слог, не имеющий собственного значения, приравнивается к значимому, по сути дела, отнесен к слогоморфемам и записывается отдельным иероглифом. Так, для записи слогов в составе слов «паук» и «богомол» были изобретены особые иероглифы, которые больше нигде не употребляются. Точно так же особые «транскрипционные» иероглифы 咖 *ка* и 啡 *фэй* в слове «кофе» были получены в результате прибавления смыслового ключа «рот» к иероглифам 加 *цзя* «добавлять» и 非 *фэй* — отрицательная частица (прием с ключом «рот» часто используется при создании «транскрипционных» и диалектных знаков). В заимствованном имени собственном 莫斯科 *Мосыкэ* «Москва» использованы три уже существовавших иероглифа: 莫 *мо* и 斯 *сы*, записывающие книжные служеб-



Современная брошюра
«Иероглифы и компьютеры»

ные слова, и иероглиф 科 кэ, записывающий морфему «раздел, дисциплина».

Морфемы, меньшие по длине, чем слог, появляются в китайском языке в результате слияния двух слогов и обычно записываются особыми специально изобретенными иероглифами, как, например, в следующих словах пекинского диалекта и путунхуа:

兩 лян «два» + счетное слово 個 гэ → 倆 ля «двое»;

不 бу «не» + 用 юн «применять» → 甬 бэн «не надо, не стоит».

Самый известный и достаточно распространенный пример слияния двух слогов в один — это так называемая «эризация» (儿化 эрхуа). Она представляет собой особое произношение финалей с конечным ретрофлексным звуком *-r*, которое появляется в результате присоединения к слогу суффикса 儿 *-эр*, реже — других морфем [Эндо 2001a]. Это явление охватывает сравнительно большое число слов в пекинском диалекте и разный набор слов во многих других северных диалектах и нарушает не только правило «слог равен морфеме», но также и правило «каждому слогу на письме соответствует только один иероглиф». Два слога — эризуемый и эризующий — сливаются в один, появляется двуморфемный эризованный слог, который записывается двумя иероглифами: 鸟儿 няор «птичка» из 鸟 няо «птица» + суффикс 儿 *-эр*. Эризованные слоги приобретают тон исходного корня, но не суффикса. Знаменательная морфема, к которой восходит суффикс *-эр*, имеет значение «ребенок, сын»: 儿童 эртун «ребенок», 儿科 эркэ «педиатрия», 女儿 нюйэр «дочь», 大儿 даэр «старший сын» — и произносится во втором тоне. Произношение *эр* в разных тонах имеют также другие знаменательные морфемы (всего 11 в том же «Синьхуа цзыдянь»), каждая из которых записывается своим иероглифом и к суффиксу *-эр* не имеет никакого отношения.

В *путунхуа* и пекинском диалекте суффикс *-эр*, во-первых, придает существительным уменьшительно-ласкательное значение: 宝贝儿 *баобэр* «сокровище» (о ребенке), 球儿 *цюр* «шарик»; во-вторых, употребляется в звукоподражаниях; в-третьих, сопровождает редупликацию прилагательных: 长长儿 *чанчанр* «длинный-предлинный»; в-четвертых, может образовывать новые слова и новые части речи: 信 *синь* «письмо» и 信儿 *синр* «весть», 黄 *хуан* «желтый» и 黄儿 *хуанр* «желток». Звуковой состав некоторых эризуемых финалей модифицируется. В алфавитной системе *ханьюй пиньинь* к корню просто дописывается буква *r* (*zir, hair, wanr, lingr* и т. п.) вне зависимости от того, как этот корень на самом деле произносится.

Для *путунхуа* эризация всегда была характерна в меньшей степени, чем для разговорной пекинской речи. Эризованные слова почти не употребляются в его аналоге *гоюй* на Тайване. В последнее время число эризованных слов, включаемых в континентальные нормативные словари, также заметно уменьшилось. Тем не менее эризация остается важнейшей частью официального теста на уровень знания *путунхуа*. Это связано с тем, что в диалектах, где существуют аналоги эризации, ее значение, список эризованных слов и правила, в соответствии с которыми эризуемые слоги фонетически модифицируются, могут отличаться от нормативных. В диалектах южных групп значение, близкое к значению пекинской эризации, может передаваться присоединением к слогу конечного *-н* с изменением или без изменения тона, а также просто изменением тона эризованного слога. Все эти явления скорее всего восходят к той же знаменательной морфеме, что и пекинский суффикс *-эр*, поскольку на юге она сохраняет архаичное произношение с инициальной *n-*, например 儿 [ni] в диалекте Сучжоу, относящемся к группе У; см. [Монастырский 1988; Се Цзыли 1989; Завьялова 1996; Шапиро 2004].

Редкое явление, нарушающее правило «слог равен морфеме», было недавно открыто в диалектах группы Цзинь, распространенной в провинции Шаньси и в некоторых прилегающих к Шаньси районах. Это так называемые 分音词 *фэньиньцы*, или «разделившиеся слова», «слова, получившиеся в результате деления», которые, как выяснилось, за несколькими исключениями, имели начальные сочетания согласных с *-г- в древнекитайском языке [Завьялова 1996, с. 78–79]:

埂 — [kəʔlən] (Внутренняя Монголия), древнекитайское *kgr̥n, пекинское *гэн* [kən] «бровка между полями»;

刨 — [pʰəʔlau] (Хоцзя, север провинции Хэнань), древнекитайское *bhr̥g, пекинское *пао* [pʰau] «копать».

Что же касается фонетического варьирования слогоморфем в составе обычных двусложных и многосложных слов или словосочетаний (точнее, в пределах того самого «фонетического слова», которое по-китайски называется 字组 *цзыцзу* «группа иероглифов»), то до последнего времени они считались в китайском языке чрезвычайно ограниченными. В пекинском диалекте это переход третьего тона во второй перед другим третьим тоном, некоторые другие незначительные тоновые чередования, появление в первом слоге фонетических слов нейтрального тона *цишиэн*. В то же время в других диалектах вопреки существовавшему ранее представлению о неизменности китайского слога в потоке речи в последние годы обнаружены гораздо более разнообразные, зачастую весьма сложные чередования тонов и звуков.

Тоновые чередования в составе фонетических слов при этом подразделяются на два основных типа [Завьялова 1996, с. 46–48; Ли Сяофань 2004; Лю Лили 2006].

Первый тип — фонетические чередования, которые не приводят к замене одного тонового класса другим. Так, пекинский третий тон (*шанишэн*) произносится как низкий

нисходяще-восходящий в конечной позиции и как низкий ровный или слегка нисходящий в позиции перед другим слогом, оставаясь третьим тоном.

Второй тип — морфонологические чередования, которые приводят к замене одного тонового класса другим, но, как и первые, не имеют собственного лексического или грамматического значения. В пекинском диалекте и *путунхуа* основные чередования этого типа связаны с переходом третьего тона (*шаншэн*) во второй (*янпин*) перед другим третьим тоном. В других диалектах морфонологические чередования охватывают самые разные тоновые классы и регулируются разнообразными правилами, иногда достаточно сложными [Завьялова 1990]. Так, в диалекте Чанчжи (провинция Шаньси, группа диалектов Цзинь) только в составе удвоений различаются тоны 阴入 *иньжу* и 阳入 *янжу*, во всех остальных случаях этим тонам соответствует единый тон *жушэн*. В ганьсуйском диалекте дунганского языка тоны *иньпин* и *янпин* противопоставлены в неконечной позиции внутри фонетического слова, в конечной позиции они не различаются [Завьялова 1973; Zavyalova 1978].

Известно, что в древнекитайском языке существовали также особые морфологические тоновые чередования, которые в современном китайском до последнего времени считались невозможными. Эти чередования не были результатом изменения тонов в потоке речи. Они появлялись в качестве самостоятельного грамматического средства при образовании новых слов и исполняли функции служебных морфем. Остатки подобных чередований сохранились во многих (если не во всех) современных диалектах и в *путунхуа*: 好 *хао*³ «хороший» и 好 *хао*⁴ «любить», 种 *чжун*³ «семена» и 种 *чжун*⁴ «сеять». Живые морфологические чередования до последнего времени считались в современном китайском языке невозможными, но данные последних лет свидетельству-

ют об обратном. Так, в диалекте Цзиньчэна (провинция Шаньси, группа диалектов Цзинь) обнаружен переход сравнительно низких тонов *иньпин*, *яньпин* и *жушэн* в более высокие тоны, который имеет то же значение, что и суффикс 子 *-цзы* в *путунхуа*. Во многих не связанных между собой диалектных районах существуют тоновые чередования, которые имеют значение эризации или образуют глагольные формы завершенности действия [Завьялова 1996, с. 48–57].

К числу наиболее варьирующих признаков в китайских диалектах относятся способы нейтрализации тона, иначе говоря, способы его утраты в непервом слоге фонетического слова [подробнее см.: Завьялова 1996, с. 57–65]. В пекинском и многих других диалектах эта утрата сопровождается сокращением длительности и уменьшением интенсивности слога и называется «нейтральным» или «легким тоном» (*циншэн*). В некоторых диалектах (например, дунганских) нейтральному тону функционально могут соответствовать различные вторичные тоны, которые возникают в соответствии с разными, иногда очень сложными правилами. И, наконец, в шанхайском и, по-видимому, в других диалектах группы У мелодическая характеристика фонетического слова как единого целого автоматически определяется тоном первого слога. Все остальные слоги свой исходный тон теряют и «настраиваются» на первый слог.

Представления об особенностях китайского языка, таким образом, претерпели значительные изменения на протяжении прошлого века и особенно в течение последних трех десятилетий. Накоплены богатейшие новые лингвистические материалы — исторические и региональные. Археологи ведут раскопки в разных частях Китая, обнаруживая новые письменные памятники. Изучаются и оцифровываются тексты, созданные китайцами на протяжении тысячелетий. Создаются принципиально

новые базы данных, в том числе звуковые, позволяющие анализировать богатейшее наследие и современный китайский язык с применением статистических методов и компьютерных технологий. При обследовании китайских диалектов используются новые принципы и подходы, которые позволяют обнаружить явления, считавшиеся ранее невозможными в китайском языке. Продолжают свою деятельность, хотя и несравнимыми с китайскими коллегами темпами, китаисты-филологи других стран мира.

德壽堂

夢理通輝七翁和子



品節精明德性堅足

符其光世無暴世氣



«ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ» КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКА *ВЭНЬЯНЬ*

Возрождение интереса к традиционной культуре не может не сопровождаться расширением употребления в современных текстах, включая печатные и электронные СМИ, элементов письменного языка 文言 *вэньянь*, который воспроизводит особенности древнекитайской лексики и грамматики. В последние годы растет число книг по китайской филологии и истории, выпускаемых на *вэньяне*, переиздаются выполненные в конце XIX и первой половине XX века переводы на *вэньянь* европейских сочинений. Массовые и подарочные издания древнекитайских классических книг, рассчитанные на широкий круг читателей, можно обнаружить на видных местах в книжных и не только в книжных магазинах. Тексты древнекитайских канонических памятников доступны в Интернете. Хрестоматия классических произведений для студентов высших учебных заведений с комментариями выдающихся китайских лингвистов XX в. была выпущена более двадцати раз за период с 1981 по 2006 год [Го Силян 2006]. Изучение *вэньяня* стало составной частью высшего и школьного, в том числе начального, образования, в обществе идет дискуссия о допустимых объемах преподавания *вэньяня* в школе [Чжунго юйянь 2007]. С 2008 года проводятся курсы поэзии в традиционном стиле, приуроченные к воз-



*Учебники вэньяня для школьников разных классов
продаются в специальных отделах книжных магазинов*

рожденным китайским праздникам. Наряду с соревнованиями каллиграфов и чтецов канонических текстов эти мероприятия широко освещаются телевидением и другими средствами массовой информации, а также на официальных сайтах, в том числе Министерства образования и Государственного комитета по работе в области языка и письменности.

Два термина — 文言 *вэньянь* (также 文言文 *вэньяньвэнь*, «письменный язык») и 白话 *байхуа* (白话文 *байхуавэнь*, «белый, понятный язык») — существуют давно, но в своем современном значении начали употребляться с конца XIX и особенно в начале XX в. [Чжан Чжунсин 2007, с. 1–6]. *Байхуа* — письменный язык, который сложился в среднекитайский период, основан на северных диалектах китайского языка и в модернизированном виде лежит в основе современного официального языка *путунхуа*. *Вэньянь* — письменный язык, со Средних веков и до середины XX в. существовавший параллельно с *байхуа* и воспроизводивший лексические и грамматические особенности раннеклассических и отчасти позднеклассических древнекитайских текстов. Иногда *вэньянем* называют также собственно древнекитайский язык (古代汉语 *гудай ханьюй*, 古汉语 *гуханьюй*), которому как раз и подражали более поздние авторы.

До начала XX в. *вэньянь* был единственным языком официальных документов, деловой переписки, науки, периодических изданий, появившихся в Китае в конце XIX в., отчасти языком художественной литературы. Единственное исключение — период династии Юань (1271–1368), когда документы монгольской администрации выпускались на *байхуа*, часто находившемся под сильным влиянием монгольского языка [Зограф 1990]. Подобно использовавшейся в разных европейских странах латыни, *вэньянь* долгое время служил письменным литературным языком в Корее, Японии и Вьетнаме. В результате общенационального демократического «движения 4 мая» 1919 года и связанного с ним «движения за *байхуа*» (白话文运动 *байхуавэнь юньдун*) *вэньянь* постепенно перестал быть одним из языков художественной литературы, затем официальным языком и начал исчезать из других областей жизни. Тем не менее элементы *вэньяня* всегда присутствовали и продолжают употребляться в текстах на современ-

ном китайском языке. «Мы пишем сейчас на современном китайском языке, но рядом с ним “расположился” некий *вэньян*. Его популярность и его мощь сравнительно велики. Даже те, кто близко с ним не соприкасается, знают о существовании *вэньяня*. Тому много причин, основная заключается в том, что наше трехтысячелетнее наследие большей своей частью создано на этом языке», — пишет в своей книге, посвященной *вэньяню* и *байхуа*, китайский лингвист Чжан Чжунсин (1909–2006), знаток и исследователь китайского языка разных периодов [Чжан Чжунсин 2007, с. 1–2].

Древнекитайский язык — *вэньян* — *байхуа*

По лексическим и грамматическим признакам в истории живого, разговорного китайского языка выделяют три основных периода: древнекитайский, продлившийся вплоть до переходного периода III–VI вв., собственно среднекитайский, который завершился примерно во второй половине XIV в., и, наконец, современный период. Язык наступившего после эпохи Хань переходного периода III–VI вв. не совпадает ни с классическим древнекитайским, ни с последующим среднекитайским, но все же ближе к древнекитайскому. Напротив, язык эпохи Тан (618–907) ближе к языку эпох Сун (960–1279), Юань и начала Мин (1368–1644) и обычно считается среднекитайским. Древнекитайский язык, в свою очередь, делится на доклассический и классический [Гуревич 1974; Яхонтов 1965а; Яхонтов 1969; Зограф 2005а; Зограф 2005б; Гуревич 2008].

Доклассический древнекитайский язык зафиксирован в многочисленных надписях на гадательных костях и черепашьих панцирях 甲骨文 *цзягувэнь* (XIV–XI вв. до н. э.) и на бронзовых изделиях 金文 *цзиньвэнь*, расцвет

производства которых приходится на династию Западная Чжоу (XI в. — 771 г. до н. э.). К доклассическому периоду относятся также две древнейшие китайские книги — «Шу цзин» («书经», «Книга истории») и «Ши цзин» («诗经», «Книга песен»), большая часть текстов в составе которых написана не позже VII–VI вв. до н. э.

Классический древнекитайский язык, прежде всего ранний, как раз и лежит в основе *вэньяня*. Ранние классические тексты датируются эпохой Чжаньго (475–221 гг. до н. э.). Среди наиболее известных раннеклассических памятников — «Цзо чжуань» («左传», «Комментарий Цзо»), «Лунь юй» («论语», «Суждения и изречения»), «Мэн-цзы» («孟子») и «Чжуан-цзы» («庄子»). «Цзо чжуань» считается комментарием на официальную летопись царства Лу, которая называлась «Весны и осени» («春秋», «Чунь цю») и в соответствии с официальной версией приписывается самому знаменитому китайскому философу древности — Конфуцию (551–479 гг. до н. э.). «Лунь юй» представляет собой записи разговоров или отдельных высказываний Конфуция и его учеников. Два последних памятника названы по имени их авторов — основателя конфуцианства и второго по значению философа древности после Конфуция Мэн Кэ (372–289 гг. до н. э.) и даосского философа Чжуан Чжоу (369–286 гг. до н. э.), на самом деле написавшего только несколько глав этой книги.

Все раннеклассические памятники появились до объединения страны царством Цинь (221–227 гг. до н. э.) и отражают разные диалекты, для которых характерны неодинаковые наборы служебных слов. Один из диалектов, представленный памятниками философской литературы, употреблялся в царстве Лу, откуда был родом Конфуций, оно находилось на территории современной провинции Шаньдун. Второй диалект, территориальная принадлежность которого не определена, отражен в текстах исторического содержания — «Цзо чжуань» и в неофициальном

историческом трактате «Го юй» («国语», «Речи царств»). Самое значительное произведение позднеклассического периода (эпоха Хань, 206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) — «Ши цзи» («史记», «Исторические записки») Сыма Цяня (145 (?) — 86 (?) гг. до н. э.) [Яхонтов 1965а].

Как доклассические, так и классические книги с древности объединялись китайскими учеными в собрания канонов. Составленное неоконфуцианцами в эпоху Сун «Тринадцатиканоние» («十三经», «Ши сань цзин») собрало все авторитетнейшие памятники древнекитайской мысли. В их числе не только философские, исторические, художественные сочинения, но также и древнейший китайский словарь «Эр я» («尔雅»), о котором пойдет речь ниже, в главе, посвященной словарям. Вплоть до XX в. именно «Тринадцатиканоние» являлось основой не только официальной идеологии, но также системы образования и государственных экзаменов 科举 *кэцзюй* [Карапетьянец 1981а].

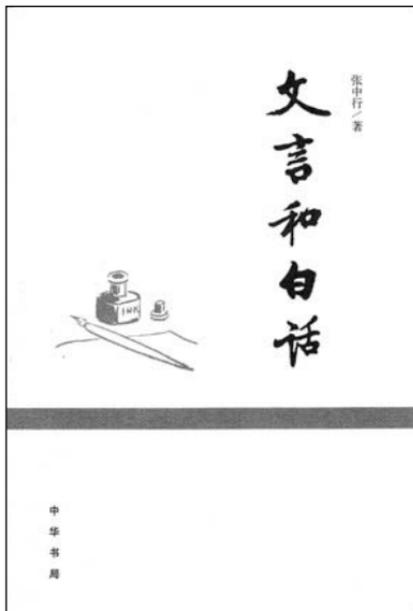
Начало разделения и параллельного существования двух письменных языков — *вэньяня* и *байхуа* — было положено в эпоху Тан, когда разница между письменным и живым разговорным языком, возникшая уже в классический древнекитайский период — во II в. до н. э., стала особенно заметной. Именно в эпоху Тан авторы текстов на китайском языке впервые начали сознательно подражать языку древнекитайских памятников, написанных на несколько столетий раньше [Яхонтов 1969]. Наиболее близкие к древнекитайскому языку тексты эпохи Тан — философская проза 古文 *гувэнь*, авторы которой, Хань Юй (768–824) и Лю Цзуньюань (773–819), отстаивали чистоту китайского языка и конфуцианской философской мысли и стремились максимально точно воспроизводить грамматические и лексические особенности классических сочинений.

Художественные произведения этого же периода, новеллы 传奇 *чуаньци*, которые в последующие эпохи писа-

лись на *байхуа*, в танский период были чрезвычайно неоднородны по своему языку [Кондратьева 2004; Кондратьева 2006; Кондратьева 2007]. В одних текстах полностью отсутствовали новые элементы из разговорного языка, другие, напротив, содержали счетные слова, слова с суффиксами, показатели ориентации в пространстве и другие грамматические явления, характерные для *байхуа* и невозможные в древнекитайском языке. Совершенно особый вид танских текстов — это произведения в жанре 变

文 *бяньвэнь*, появившиеся как один из видов буддийской проповеди в монастырях танской столицы Чанъань (современный город Сиань в провинции Шэньси), а также «записи речей» (语录 *юйлу*) патриархов буддийской школы 禅 *чань* (на Западе название этой школы более известно в японизированном варианте произношения — *дзэн*). Язык произведений этих двух жанров наиболее близок к реальному языку эпохи Тан и может рассматриваться как раннее состояние нового письменного языка *байхуа*.

Тексты, полностью написанные на *байхуа*, появились в период династий Сун (960–1279) и Юань (1271–1368). По грамматическим признакам именно *байхуа* этого периода, а также начала эпохи Мин (1368–1644) принято называть среднекитайским языком (中古汉语 *чжунгу*



Знарок китайского языка разных периодов Чжан Чжунсин посвятил свою книгу различиям между вэньянем и байхуа

ханьюй). Среднекитайские художественные произведения отличаются жанровым разнообразием, написаны на диалектах 官话 *гуаньхуа* (они же 北方话 *бэйфанхуа* «северные»), но делятся на две группы. Первая группа написана на диалектах северного ареала внутри диалектов *гуаньхуа*, к ней, в частности, относится пьеса «Си сян цзи» («西厢记», «Западный флигель») Ван Шифу (1295–1307). К южной диалектной группе принадлежат сборники рассказов, в частности «Цзин бэнь тунсу сяошо» («京本通俗小说», «Простонародные рассказы, изданные в столице»), и знаменитый приключенческий роман «Шуй ху чжуань» («水浒传», «Речные заводи») Ши Найяня (около 1300 г. — около 1370 г.) [Зограф 2008, с. 94–95]. На *байхуа* написаны также романы последующих периодов, которые, как и «Речные заводи», пользуются большой популярностью, переиздаются и экранизируются в современном Китае. Среди них «Путешествие на Запад» У Чэньэня («西游记», «Си ю цзи», XVI в.), «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзинцзы («儒林外史», «Жу линь вай ши», начало XVIII в.), «Сон в Красном тереме» Цао Сюэция («红楼梦», «Хун лоу мэнь», середина XVIII в.).

Бурная дискуссия между сторонниками и противниками *вэньяня* развернулась в китайском обществе после Синьхайской революции 1911 года [Кондратьева 2012]. Определяющую роль в этой дискуссии сыграли основанный в 1915 году журнал «Синь циннянь» («新青年», «Новая молодежь») и его авторы, среди которых были философ и сторонник ориентации Китая на Запад Ху Ши (1891–1962) и главный редактор этого журнала, один из основателей КПК Чэнь Дусю (1879–1942). С января 1918 года «Синь циннянь» выходил на *байхуа* с использованием новых знаков препинания. В том же году в журнале был обнародован рассказ Лу Синя (1881–1936) «Дневник сумасшедшего» («狂人日记», «Куанжэнь жици»), определивший основные черты литературы нового типа на *байхуа*. Вслед

за «Синь циннянь» от *вэньяня* начали постепенно отказываться другие периодические издания. Странники *байхуа* переводили на него не только произведения европейской литературы, но также классические китайские сочинения, написанные на *вэньяне*. Тем не менее *вэньянь* еще долго не сдавал своих позиций. С одной стороны, в тексты на *байхуа* проникали элементы грамматики европейских языков, с другой — эти же тексты, в том числе у Лу Синя, по-прежнему изобиловали элементами *вэньяня* [Зограф 1990]. Одновременно противники реформаторов и сторонники так называемого «движения за возвращение к древности» (复古 *фузу*) продолжали переводить европейские сочинения на *вэньянь* и ратовали за его сохранение в системе образования. В 1920-е годы преподавание в начальных классах преимущественно перешло на *байхуа*, однако *вэньянь* оставался основным языком средней и высшей школы. Вплоть до конца 1940-х годов он продолжал господствовать также в юриспруденции и в официальных документах. И лишь в 1950-х годах *байхуа* был официально провозглашен в КНР основой письменной формы *путунхуа*.



*Древние и средневековые классические произведения
издаются массовыми тиражами*

Особенности *вэньяня*: словарь и грамматика

Важнейшая особенность *вэньяня*, унаследованная им от древнекитайского языка и отличающая его от средневекового *байхуа* и современного китайского языка, — односложность. В *байхуа* и современном китайском языке слово может состоять из одного, двух или нескольких слогов (точнее, слогоморфем), записывающихся соответствующим числом иероглифов. В древнекитайском и *вэньяне* слово, как правило, состояло из одного слога, было тождественно корню и на письме записывалось иероглифом. Некоторые из древнекитайских односложных слов предположительно могли включать остатки непродуктивных словообразовательных аффиксов. Кроме того, двусложными исключениями в древнекитайском были слова, образованные полным или частичным удвоением корня, которые встречаются также и в современном языке, например 蜘蛛 *чжичжжу* «паук». Уже в раннеклассическом языке были возможны устойчивые двусложные сочетания, общее значение которых не выводится непосредственно из семантики их составных частей, но таких сочетаний было очень мало, например 天下 *тянь ся* «Поднебесная», букв. «то, что под небом»; 先生 *сянь шэн* «учитель», букв. «ранее родившийся» [Яхонтов 1965а, с. 34–35]. В позднеклассическом языке и тем более в *вэньяне* количество таких устойчивых сочетаний заметно возросло. Они, в частности, использовались как в самом Китае, так и в Японии при создании неологизмов в конце XIX в., ср., например, современное слово 大学 *дасюэ* «университет», которое является возвратным заимствованием из японского языка и в эпоху Сун употреблялось в значении «главное учебное заведение империи» [Masini 1993]. И все же, несмотря на наличие подобных устойчивых сочетаний, поздний *вэньянь* — это преимущественно «односложный» язык,

в котором слово равно односложному корню и на письме записывается иероглифом.

Состав и значение служебных и знаменательных слов — даже если они являются сейчас односложными — в древнекитайском языке и *вэньяне* отличаются от современного. Так, слово 他 *та* (современное местоимение третьего лица в *путунхуа* и диалектах *гуаньхуа*) в древнекитайском значит «другой». Вместо современного глагола 吃 *чи* «есть пищу» в древнекитайском употреблялся глагол 食 *ши*, который, впрочем, сохраняется в качестве односложного слова в более архаичных южных диалектах, например в кантонском. Большая часть односложных древнекитайских слов либо вошла в состав современных двусложных и многосложных (食堂 *шитан* «столовая», 粮食 *лянши* «зерно, продовольствие»), либо употребляется в составе устойчивых выражений, заимствованных из древнекитайского или более поздних текстов на *вэньяне*, например 寢食不安 *цинъ ши бу анъ* «жить в вечной тревоге», букв. «во сне и за едой не быть в покое».

Еще одна характерная особенность, отличающая древнекитайский язык от современного, — способность знаменательных слов выступать в предложении в необычной функции. Существительные при определенных условиях употребляются как глаголы, глаголы — как наречия и т. п. Так, существительные 鞭 *бянь* «кнул» и 利 *ли* «выгода» в сочетаниях 鞭之 *бянь чжи* «избил его кнутом» и 利天下 *ли Тянься* «приносить выгоду Поднебесной» употребляются как глаголы. Несмотря на эту особенность, и в древнекитайском языке, и в *вэньяне* можно выделить классы слов (части речи) в зависимости от способности этих слов употребляться в тех или иных конструкциях и сочетаться с теми или иными служебными и другими знаменательными словами [Яхонтов 1965а, с. 40–46]. Грамматические конструкции древнекитайского языка и *вэньяня* отличаются при этом от современных, например, конструкция

с конечной связкой 也 *e* соответствует современной конструкции со связкой 是 *shi*, стоящей между подлежащим и именной частью сказуемого.

Вэньянь употреблялся на протяжении многих столетий, поэтому тексты на этом языке никогда не были однородными. Параллельно с официальным *вэньянем* существовали его неформальные разновидности, которые использовались в повседневной жизни и включали разговорные элементы. В сочинениях одного и того же автора, относящихся к одному жанру, могли встречаться грамматические явления, свойственные древнекитайскому языку разных периодов. Грамматические разговорные элементы проникали в тексты на *вэньяне*, и, наоборот, некоторые элементы *вэньяня* проникали в тексты на *байхуа* и даже в устный язык. Поздние разновидности *вэньяня* во многих отношениях труднее для понимания, чем ранние. С одной стороны, поздние авторы не столь строго соблюдали



Популярные в Китае и за его пределами новеллы Пу Сунлина (1640–1715) были написаны на *вэньяне*

правила древнекитайского языка. С другой, так же как их более ранние предшественники, они насыщали свои сочинения скрытыми цитатами, смысл которых был понятен только начитанным в классических текстах образованным людям [Зограф 1990]. В конце XIX в., с началом активных контактов Китая с Западом и Японией, географические описания, научные и технические труды, переводы с иностранных языков по-прежнему писали на *вэньяне*. Тем не менее в них уже появилось много новых двусложных и многосложных слов — заимствований из западных языков, в том числе коммерческих терминов, проникших сначала в кантонский диалект в ходе общения первых иностранных торговцев с китайцами в Кантоне (Гуанчжоу). Тем же путем с юга шли калькированные заимствования и неологизмы, изобретенные для китайского языка западными миссионерами. Одновременно появились многочисленные заимствования из японского языка, созданные из китайских корней [Masini 1993].

***Вэньянь* в современном Китае**

После «движения 4 мая» 1919 года *вэньянь* утратил свой официальный статус, но, как об этом уже было сказано выше, вплоть до 1940-х годов в правительственных документах, юриспруденции и журналистике его позиции оставались достаточно сильными. На *вэньяне*, в частности, написан гимн Тайваня, слова которого впервые прозвучали в речи Сунь Ятсена в 1924 году и позже были утверждены как гимн Китайской Республики. И сейчас изречения на *вэньяне* используют в каллиграфии и современном прикладном искусстве. Их можно увидеть на поздравительных открытках, фарфоре, керамике, надписях на каменных стелах, строениях и одежде не только в Китае, Корее и Японии, но также и во Вьетнаме, который

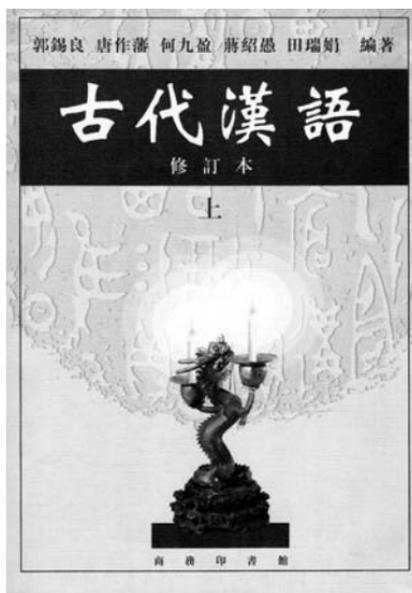


«Чай — это прекрасное растение юга». Цитату на вэньяне из знаменитого трактата Лу Юя (733–804) можно увидеть на чайных плантациях под Ханчжоу

еще в XVII в. перешел с иероглифов на латинскую письменность.

Элементы *вэньяня* по-прежнему встречаются в современных текстах на китайском языке, особенно на Тайване, в Гонконге и Макао. В течение последних десятилетий заметные изменения произошли также в континентальном Китае. Письменный язык стал здесь богаче, разнообразнее по стилю и насыщеннее составляющими *вэньяня*. На лексическом уровне широко употребляются фразеологические выражения, клише и литературные цитаты из древних текстов. В качестве примера такого употребления можно привести один из политических лозунгов, появившихся после «культурной революции», — 拨乱反正 *бо луань фань чжэнь* «исправить ошибки, восстановить правильное», букв. «покончить с беспорядками, восстановить правильное». Он представляет собой цитату из канонического «Комментария Гунъяна» («公羊传», «Гунъян чжуань»), включенного в «Тринадцатиканоние». На синтаксическом уровне в современных текстах используются древ-

некитайские конструкции и служебные слова, например конструкция предпочтения 不如 *бу жу*, субстантиватор 者 *чжэ*, показатель определения 之 *чжи* вместо современного 的 *дэ*; подробнее об элементах *вэньяня* в современных публицистических текстах КНР см. [Лемешко 2007; Никитина 2007]. Усиление позиций *вэньяня* обусловлено прежде всего возвратом к традиционным культурным ценностям, но определенную роль здесь, возможно, сыграло также расширение контактов с соотечественниками за пределами континентального Китая, продолжавшими употреблять в своем языке элементы *вэньяня* вне зависимости от политических и культурных течений в КНР.



Современная хрестоматия древнекитайских текстов издается массовыми тиражами



КИТАЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

В быстро глобализирующемся мире происходит переоценка традиционных культурных ценностей, и именно национальные, региональные и даже локальные особенности, в том числе языковые, приобретают все большее значение как для науки, так и для общества в целом. Любые разновидности языка — это не только носители нематериального культурного наследия, но также богатейший продукт человеческого разума и неотъемлемая составляющая идентификации отдельной личности. Сохранение и защита языков объявлены ЮНЕСКО одной из важнейших задач человечества. Исполняющаяся на кантонском диалекте опера 粵劇 *юэцзюй* и музыкальное представление 南音 *наньинь* на диалектах Миньнань включены как в общегосударственный реестр нематериального культурного наследия, опубликованный в 2006 году в КНР, так и в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

Уже в 1990-е годы в рамках программы увековечения диалектов был осуществлен уникальный проект — издание серии аудиозаписей 40 китайских диалектов, позже переизданной в современном варианте на дисках [Сяндай ханьюй фанъянь 2006]. В 2008 году в провинции Цзянсу было инициировано создание беспрецедентной общекитайской звуковой базы данных диалектов и даже местных форм *путунхуа*. С 2010 по 2020 год китайские

лингвисты намерены сделать записи в 10 000 пунктов по всему Китаю с использованием новейшей звуко- и видеоаппаратуры. Подготовлены справочные пособия для тех, кто проводит обследования. Специально отобранные информанты, в совершенстве владеющие родными диалектами, будут рассказывать перед видеокамерами о местных обычаях, культуре, истории. Поиск таких людей иногда вызывает значительные затруднения как на юге, так и на севере страны, где распространены близкие *путунхуа* диалекты группы 官话 *гуаньхуа* (мандаринские, северные), но большая часть молодых людей уже утратила способность говорить на родных диалектах в их чистом виде [Чжунго юйянь 2011, с. 4].

Объектом внимания в КНР впервые стали диалекты не только внутри континентального Китая, но и за его пределами, в том числе в Гонконге, Макао и на Тайване. С началом нового тысячелетия возник также огромный интерес к дунганам бывшего СССР. В основе этого интереса, возможно, лежит общий интерес к языковым и не только к языковым процессам в постсоветской Центральной Азии. Еще одна вероятная причина — внимание, которое в эпоху «реформ и открытости» уделяется всем соотечественникам и контактам китайского языка с другими языками. Так или иначе, на протяжении последнего десятилетия в Китае опубликована серия работ разного объема и уровня о дунганском языке. По сути дела, дунганские диалекты должны были бы найти свое место в материалах новой звуковой базы.

Между тем еще совсем недавно — с начала XX в. и до конца 1970-х годов — диалекты в Китае воспринимались как нечто подлежащее изменению и приведению к утвержденному властями единому стандарту — без этого не мыслилась модернизация китайского общества. Возможно, эти представления неосознанно являлись частью усилий по противодействию центробежным тенденциям,

которые грозили ослабленной стране распадом по экономико-географическому и даже языковому принципам. В 1950-х годах всекитайское диалектное обследование в КНР было инициировано прежде всего для того, чтобы составить пособия для носителей диалектов, изучающих *путунхуа*. Предполагалось, что в конечном итоге все китайцы полностью перейдут на официальный язык не только на работе, в общественных местах и при обучении в школе, но также и в повседневной жизни.

Иная точка зрения на диалекты утвердилась только к началу нынешнего тысячелетия на фоне успехов экономического и социального развития страны. Диалекты «входят в тысячу домов, десять тысяч дворов» благодаря не только тем, кто на них говорит в повседневной жизни, но также вместе с диалектными сайтами, радиопередачами на региональные темы, телепостановками местной драмы [Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 181]. В некоторых регионах, особенно в высокоразвитых восточных, *путунхуа*, как уже отмечалось выше, начинает теснить диалекты. По этой причине, считают современные ученые-лингвисты и даже китайские политики, любые разновидности китайского языка, в том числе большие и исчезающие малые диалекты, нужно сохранять и изучать вне связи с решением проблем распространения *путунхуа* [Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 172–184; Ван Пин 2006; Цао Чжиюнь 2008].

Ханьские языки или диалекты китайского языка?

При новых подходах к диалектам терминология, которая используется внутри китаезычного пространства, остается пока сложной и неоднозначной. Известно, что в западной традиции различие между диалектами одного и того же языка и отдельными языками определяется по-раз-

ному в каждом конкретном случае, причем с использованием как лингвистических, так и иных, в частности, политических критериев (ср. румынский и молдавский языки). С одной стороны, взаимопонимание между китайцами (ханьцами) — представителями разных диалектных групп невозможно, и чисто лингвистически эти группы должны были бы считаться языками, сопоставимыми с отдельными языками внутри индоевропейской семьи. С другой стороны, китайские диалекты-языки с древности объединены общей государственностью, иероглифической письменностью и письменным языком. С учетом этого, а также психологического фактора (принадлежность китайцев-ханьцев к единой ханьской нации 汉民族 *хань миньцзу*) китайские диалектные группы считаются в КНР относящимися к общему языку, который именуется «ханьским языком» (汉语 *ханьюй*). Об этой проблеме см., например [Baxter 1992, с. 7–9; Kurpaska 2010, с. 1–2].

Западному термину «диалекты» в современном китайском языкознании соответствует состоящее из двух корней сложное слово 方言 *фанъянь*, при переводе китайских работ на английский язык — *dialect, dialects*; ср. также 汉语方言 *ханьюй фанъянь* «диалекты китайского, или ханьского, языка», 吴方言 *у фанъянь* «диалекты [группы] У», 北京方言 *бэйцзин фанъянь* «пекинский диалект». Древнее словосочетание 方言 *фан янь* («местные слова»), к которому восходит этот современный термин, употреблялось в эпоху Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). В частности, оно было использовано в качестве заголовка словаря местных слов, составленного филологом и мыслителем эпохи Хань Ян Сюном (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.). О «местных словах» *фан янь* и «местном произношении» (方音 *фан инь*, 土腔 *ту цян* или 土音 *ту инь*) в противопоставление «правильному произношению» 正音 *чжэн инь* китайские просветители активно заговорили в последние десятилетия XIX в., когда в обществе возникли идеи реформы письменности

и создания официального алфавитного письма [Ли Юймин 2002]. В своем современном западном значении термин *фанъянь* употребляется с 1920-х годов. Параллельно в научных и официальных публикациях континентального Китая сохраняются названия традиционного типа. Ср. 吴语 *уэй* — «группа диалектов У» («язык [региона древнего царства] У»), 粤语 *юэй* — «группа диалектов Юэ» («язык [региона древнего царства] Юэ»), 客家话 *кэцзяхуа* — «группа диалектов *хакка*» («говор [этнической группы] *кэцзя*», «говор пришлых людей»), 北京话 *бэйцзинхуа* — «пекинский диалект» («говор Пекина»). Большой своей частью названия диалектных групп совпадают с исторически сложившимися наименованиями тех провинций, где эти диалекты преимущественно распространены: 晋 Цзинь — Шаньси, 赣 Гань — Цзянси, 湘 Сян — Хунань, 闽 Минь — Фуцзянь, 粤 Юэ — Гуандун (эти и другие названия провинций, в частности, используются в автомобильных номерах). Диалекты группы 吴 У получили название по древнему царству, столица которого находилась в районе современного Сучжоу в провинции Цзянсу, диалекты 徽 Хуэй — по историческому округу Хуэйчжоу, некогда существовавшему на юге провинции Аньхой. Исключение составляют названия групп 官话 *гуаньхуа* («язык чиновников», «говор чиновников»), а также диалектов вышеупомянутой группы *хакка* и группы 平话 *пинхуа* («простой говор»), носителей которых окружающее население считает пришлыми, не местными.

Особые термины, как об этом уже упоминалось выше, когда речь шла о распространении китайского языка в мире, употребляются за пределами континентального Китая.

В Гонконге, который до недавнего времени оставался вне проводившихся в КНР языковых кампаний, в современных официальных публикациях можно встретить термин 中国方言 *чжунго фанъянь* «китайские диалек-

ты», «диалекты Китая». С недавнего времени здесь также принято говорить о двух письменных (английский и китайский) и трех устных (английский язык, кантонский диалект и *путунхуа*) языках, употребляющихся в Гонконге (两文三语 *лян вэнь сань юй*). В бывшей португальской колонии Макао аналогичная формула звучит как 三文四语 *сань вэнь сы юй*, в качестве третьего письменного и четвертого устного языка здесь добавлен португальский [Шэн Янь 1999; Шэн Янь 2001].

На Тайване после отмены военного положения в 1987 году начали официально говорить не о диалектах, а о трех местных «китайских языках» — 汉语 *хань юй* (или 漢語 в полном написании иероглифов, *Han languages*): аналоге *путунхуа* — «государственном языке» 國語 (國語) *гоюй* и двух основных диалектах, распространенных на острове; см., например [Wei 2006]. Первый относится к южнофуцзяньской группе 閩南 *миньнань*, 閩南話 *минь-*



Редкий кантонский иероглиф (третий слева) использован на вывеске лавки традиционных сладостей в Гуанчжоу

наньхуа, характерной на континенте главным образом для провинции Фуцзянь, и на Тайване называется 閩南語 (閩南語) *миньнаньюй* — «язык Миньнань», 台灣閩南語 (臺灣閩南語) *тайвань миньнаньюй* — «тайваньский язык Миньнань», 台語 (臺語) *тайюй* — «тай[ваньский] язык», 台灣話 (臺灣話) *тайваньхуа* — «тайваньский говор». Второй диалект принадлежит к группе *хакка*, распространенной на континенте в восточной части провинции Гуандун и в прилегающих районах провинций Фуцзянь и Цзянси. На Тайване он называется 客語 (客語) *кэюй* «язык *хакка*», в школьных учебниках с 2010 года — 客家語 (客家語) *кэцзяюй* [Чжунго юйянь 2011, с. 324–326]. В 2003 году Министерством образования Тайваня был разработан «Проект закона о равенстве языков» (в 2007 году он был переименован в «Проект закона о развитии национальных языков»), под которыми подразумеваются как австронезийские языки аборигенов Тайваня, так и три местных «китайских языка». Судьба этого закона, равно как и лингвистическая терминология на Тайване, очевидно, будет зависеть от изменений политической обстановки на острове.

Современная китайская диалектология

Особое значение в условиях новой языковой политики приобретает китайская диалектология, призванная собрать и сохранить для потомков информацию о диалектах разного уровня и численности.

Изучение китайских диалектов было начато в середине XIX в. западными миссионерами, переводившими на диалекты христианские тексты (см., например, данные по диалектам *хакка* в материалах Базельской и других протестантских миссий [Chapell 2005, с. 11–18]). В 1920-х годах китайские ученые — собиратели фольклора стали

записывать народные песни и именно тогда осознали, что диалекты являются носителями нематериальных локальных культур, столь ценимых и поддерживаемых в современном Китае [Софронов 2007, с. 229–231]. В 1924 году было основано «Общество изучения диалектов». Первой собственно китайской публикацией, в которой представлено исследование современных диалектов, стала работа выдающегося лингвиста Чжао Юаньжэня, охватывающая 33 пункта в ареале диалектов группы У (полевые исследования 1924 года) [Chao Yuen Ren 1928]. Позже Институтом истории и филологии Академии наук Китая (中央研究院历史语言研究所, Чжунъян яньцзююань лishi юйянь яньцзюсо) была предпринята серия экспедиций в ряде районов, относящихся к области распространения разных диалектов. Материалы этого периода, включавшие диалектные карты провинций, публиковались на протяжении нескольких десятилетий, в том числе после 1949 года на Тайване, и до сих пор представляют собой огромную научную ценность. Следующим этапом стало общекитайское обследование, которое было предпринято по решению Госсовета КНР от 1956 года в связи с необходимостью распространения *путунхуа* в диалектных районах, но прервано с началом «культурной революции». Обследование проводилось на уровне уездных центров силами прежде всего местных лингвистов и работников учебных заведений. Перед ними ставилась задача выявить основные отличия соответствующих диалектов от *путунхуа*, главным образом фонетические, и составить пособия для его изучения местными жителями. Публикация обширных материалов, собранных в 1950-х — начале 1960-х годов, была продолжена с началом периода «реформ и открытости».

В 1979 году, после перерыва, связанного с «культурной революцией», возобновление диалектных исследований было отмечено основанием первого в истории китайского языкознания ежеквартального журнала «Фанъянь» («方言»,

«Диалекты»). В 1981 году создано Общество изучения диалектов китайского языка, с 1991 года — Национальное общество изучения диалектов китайского языка (全国汉语方言学会 Цюаньго ханьюй фаньянь сюэхуэй), которое с момента своего основания проводит научные конференции общего и тематического характера. Ежегодно публикуются десятки диалектологических работ — монографии, сборники, статьи в центральных и местных журналах. Обследования ведутся в разных концах страны, при составлении диалектных карт используются новейшие компьютерные программы и спутниковые карты.

Почти до конца прошлого столетия китайские лингвисты считали, что лексические и грамматические расхождения между диалектами гораздо менее существенны, чем фонетические. Тем не менее данные по лексике и грамматике в том или ином объеме содержатся во многих публикациях разных периодов, в том числе в составленных в 1980-е годы кратких описаниях уездных диалектов (方言志 фаньянь чжи). В современной китайской диалектологии впервые в равной степени уделяется внимание как фонетике, так и лексике, а также, с 1990-х годов, грамматике и грамматической типологии [Эршии 2004]). В целом для диалектологии последних трех десятилетий характерно, с одной стороны, подведение итогов обследований прошлых лет, с другой —



Латинскими буквами имя владельца ювелирного магазина в Шэньчжэне дано по-кантонски



Слово 老 «старый» в провинции Чжэцзян имеет диалектное значение «очень». Городок Аньци славится своим очень вкусным печеньем с водорослями

расширение области исследований с привлечением новейших методов.

В 1990 году Институт языкознания АОН КНР и нанкинское издательство «Цзянсу цзяюй чубаньшэ» («Издательство “Просвещение” [провинции] Цзянсу») приступили к работе над уникальным проектом — «Большим словарем диалектов современного китайского языка» («现代汉语方言大词典», «Сяньдай ханьюй фанъянь дацзыдянь») под общей редакцией профессора Ли Жуна (1920–2002); о принципах составления словаря см. [Ли Жун 1993; Чжан Чжэньсин 2000]. В работе над этим проектом приняли участие более шестидесяти лингвистов, в совершенстве владеющих соответствующими диалектами либо как родными, либо в результате долгого проживания в регионе. С 1994 по 1999 год опубликован 41 выпуск словаря, каждый из выпусков посвящен описанию диалекта одного пункта. Не охваченными выпусками оказались диалекты группы Хуэй (южноаньхойские) и пекинский диалект, специфическая лексика которого была, впрочем, представлена ранее в ряде других публикаций; ср., например [Чэнь Ган 1985; Сюй Шижун, 1990]. Итоговое

шеститомное издание словаря объединило ранее опубликованные выпуски [Сяндай ханьюй фаньянь 2002], а также подготовленный к этому времени новый, посвященный южноаньхойскому диалекту уезда Цзиси (отдельный выпуск с описанием диалекта Цзиси опубликован в 2003 году).

Перед составителями словаря были поставлены две задачи, которые нашли свое отражение в опросных анкетах, использовавшихся при работе с информантами. Первая задача — как можно полнее отразить специфические особенности каждого из обследуемых диалектов, например заимствования из русского языка в диалекте Харбина на северо-востоке страны или из уйгурского языка в диалекте Урумчи (Синьцзян-Уйгурский АР). Вторая — получить системные данные, позволяющие сравнивать обследованные диалекты друг с другом и с *путунхуа*. Во вводной части каждого выпуска содержится географическая, историческая и демографическая информация о соответствующем населенном пункте. Здесь же определено место описываемого диалекта среди других китайских диалектов и проанализированы его внутренние расхождения — территориальные и в зависимости от возраста говорящих. Описание фонетики включает иероглифический силлабарий, организованный в виде традиционной для китайского языкознания таблицы. Собственно словарная часть содержит от семи до десяти тысяч статей в зависимости от выпуска и построена по фонетическому принципу. К каждому выпуску прилагаются дополнительные указатели — тематический и по числу черт в иероглифе. Многочисленные примеры словоупотребления, как об этом пишут китайские лингвисты, служат богатым источником для сравнительного изучения не только лексики, но также и грамматики китайских диалектов [Ван Гошэн 2003].

За последние два десятилетия были опубликованы другие лексикографические работы. Среди наиболее зна-

чительных — словарь базовой лексики диалектов, лежащих в основе *путунхуа*, который содержит данные, в том числе фонетические и морфонологические, о диалектах 93 пунктов ареала диалектов *гуаньхуа* и включает 2645 статей [Чэнь Чжантай 1996]. К наиболее важным публикациям по лексике следует отнести также пятитомный «Большой словарь китайских диалектов» («汉语方言大词典», «Ханьюй фаньянь дацзыдянь»), составленный Сюй Баохуа (Фуданьский университет, Шанхай) и Мията Итиро (Институт иностранных языков, Киото, Япония) [Сюй Баохуа 1998]. Источниками для него послужили как современные диалекты (свыше тысячи пунктов в разных районах Китая), так и более 5000 письменных памятников разных периодов, самые ранние — до эпохи Цинь (221–207 гг. до н. э.). Одна из проблем, с которой столкнулись составители «Большого словаря» и других работ, — определение этимологии слогоморфем, часто записываемых по-разному «местными знаками» — 本字 *бэньцзы* [Ли Жун 1997; Ван Футан 2003]. Задача поиска иероглифов для записи диалектных текстов считается одной из приоритетных на Тайване, что связано с возрастающим объемом печатающейся литературы на диалектах и повышением их статуса на острове. По сути дела, эта же проблема возникла в последние годы при подготовке в Китае иероглифических изданий дунганских текстов; см., в частности, сборник народных сказок и преданий, некогда собранных в СССР и недавно записанных иероглифами профессором Хай Фэн — известной исследовательницей дунганского языка [Дунгань 2011].

Еще одна особенность китайской диалектологии рассматриваемого периода — отход от представлений о фонетической неизменности в потоке речи китайской слогоморфемы, базовой единицы изолирующих языков, как правило равной слогу и морфеме; анализ соответствующих данных в публикациях 1980-х — начала 1990-х го-

дов см. [Завьялова 1996, с. 41–79]; ср. также обзорные публикации [Ли Шуянь 1999, с. 15; Ли Жулун 2009, с. 1–29].

В *путунхуа* и пекинском диалекте чередования тонов, которые возникают в потоке речи, иначе говоря, морфологические тоновые чередования, незначительны и сводятся главным образом к переходу низкого тона в восходящий перед другим низким. В то же время в диалектах комбинаторные чередования перед определенным тоном (тонами) охватывают разные тоновые классы

с неодинаковыми контурами и регистрами. Кроме того, во многих диалектах обнаружены ранее неизвестные в китайском языке чередования, связанные с тем, что различия между некоторыми тонами, исчезнувшие в конце фонетического слова, тем не менее сохраняются перед другим слогом (подобные чередования были, в частности, выявлены при экспериментальном изучении ганьсуйского диалекта дунганского языка [Завьялова 1973; Завьялова 1979, с. 20–31]). В некоторых диалектах чередования тонов определяются сложной системой правил, учитывающих совокупность разных факторов. Такое же разнообразие обнаруживают по диалектам способы и условия нейтрализации тона, соответствующей пекинскому «легкому тону» 轻声 *циниэнь* [Завьялова 1996, с. 57–65]. Особое



В конце XX века опубликована серия выпусков уникального издания — «Большого словаря диалектов современного китайского языка». Обложки оформлены в стиле старинных ксилографических книг

место с точки зрения морфонологии тона, как это было установлено М. Шерардом еще в 1970–1980-е годы [She-gard 1980], занимают шанхайский и другие диалекты У, в которых появление нейтрализации автоматически определяется неначальным положением слогоморфемы внутри фонетического слова.

Чередования звуков (иначе говоря, сегментное морфонологическое варьирование), если речь идет о неслужебных морфемах, ограничены некоторыми периферийными диалектами группы У и диалектами Минь. В то же время для служебных морфем по всему Китаю характерны разнообразные морфонологические явления, в частности слияние служебных и предшествующих им неслужебных морфем в один слог. Один из примеров такого слияния — хорошо известная по пекинскому диалекту эризация, которая возникает при присоединении к предшествующей слогоморфеме суффикса 儿 *-эр*. Принципиально новое морфонологическое явление открыто недавно китайскими лингвистами в диалектах группы Цзинь: речь идет о слогах, распавшихся на два слога (分音词 *фэньиньци*), которые, как выяснилось [Завьялова 1996, с. 78–79], большей своей частью восходят к древнекитайским слогам с консонантными сочетаниями с *-г- и, таким образом, имеют очень древнее происхождение. Аналог этого явления недавно зафиксирован также на юге Китая в архаичных диалектах Минь [Ли Лань 2002].

Лингвистические атласы и новейшая классификация диалектов

Беспрецедентное лингвогеографическое издание, посвященное китайским диалектам, трехтомный атлас «Ханьюй фаньянь дитуцзи» («汉语方言地图集») издан недавно под общей редакцией профессора Цао Чжюня [Ханьюй

фанъянь 2008]. Атлас включает 511 карт, на каждой из которых отражены данные по диалектам 930 пунктов, охватывающих все «четыре региона по обе стороны пролива». Первый том (205 карт) посвящен фонетике, второй том (203 карты) — лексике, и, наконец, третий том состоит из 103 карт, на которых отражены грамматические явления. Огромные материалы, собранные в атласе, уже осмысляются китайскими лингвистами.

Обобщающим изданием последних лет, в котором представлена наиболее полная классификация диалектов китайского языка, остается «Атлас языков Китая» («中国语言地图集»). Его первый вариант был подготовлен совместно Академией гуманитарных наук Австралии и Академией общественных наук КНР. Китайский язык был представлен в атласе в первом томе на трех из пяти общих карт и на 15 региональных картах, где разные диалектные зоны закрашены неодинаковыми цветами [Чжунго юянь дитуцзи 1987]. Дополнительные карты посвящены распространению китайских диалектов в Юго-Восточной Азии и других регионах мира. Перед публикацией атласа в журнале «Фанъянь» с 1984 года печатались многочисленные статьи, посвященные классификации и географическому распространению тех или иных диалектных групп и подгрупп китайского языка.

При классификации диалектов в атласе 1987 года и в параллельных публикациях были использованы особые лингвогеографические термины, целесообразность введения которых ставилась, впрочем, под сомнение в некоторых более поздних работах: «макроареал» — 大区 дацюй, «ареал» — 区 цюй, «регион» — 片 пянь, «субрегион» — 小片 сяопянь и «пункт» — 点 дянь. Традиционные группы приравниваются к ареалам и по-прежнему рассматриваются как равноценные единицы, расположенные на одном уровне. К исключениям, соотношенным с макроареалами, очевидно не столько лингвистически, сколько по

числу носителей, китайские лингвисты отнесли две группы. Во-первых, это группа *гуаньхуа* (северная), которая охватывает большую часть как территории, так и населения страны и лежит в основе лексики и грамматики официального языка *путунхуа*. Во-вторых, к макроареалам отнесены следующие по численности говорящих архаичные диалекты Минь. На самом деле, как это в свое время подчеркивал С. Е. Яхонтов, они представляют собой несколько поздно разделившихся и поэтому сравнительно близких друг к другу, но все же отдельных групп. Одним из наиболее надежных критериев объединения диалектов в группу, по мнению С. Е. Яхонтова, по-прежнему остается способность носителей понимать друг друга без предварительной специальной подготовки [Яхонтов 1967].

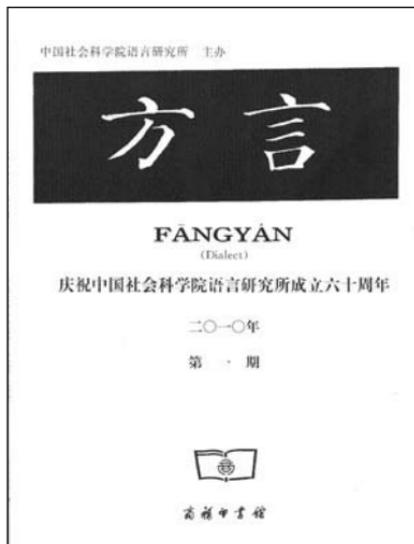
Новое трехтомное издание «Атласа языков Китая», уже силами только китайских ученых, подготовлено к публикации с учетом обследований и описаний, появившихся за последнее десятилетие [Чжунго юйянь дитуцзи 2010]. Всего как в первом, так и во втором издании выделено десять основных разновидностей китайских диалектов — тех, которые принято называть «диалектными группами» в европейской синологии: *гуаньхуа* (также *бэйфанхуа* «северные диалекты»), Минь, Цзинь, У, *хакка*, Юэ, Сян, Гань, а также незначительные по числу говорящих группы Хуэй (皖南 *ваньнань*, южноаньхойские) и 平华 / 土话 *пинхуа* / *тухуа*. Основное отличие двух изданий — в новом варианте в состав диалектов *пинхуа* включены три вида «местных говоров» (土话 *тухуа*), которые ранее не были отнесены ни к одной из групп [Сюн Чжэнхуэй 2008, с. 97]. С учетом данных последних лет в новом издании уточнены состав и географическое распространение некоторых единиц внутри групп диалектов.

К числу особенностей классификации, которая представлена как в первом, так и во втором издании атласа и отличает ее от более ранних вариантов первой половины и

середины XX в., относятся следующие. Впервые в китайском языкознании признано, что диалекты, распространенные к северу от Янцзы, относятся к двум разным группам — *гуаньхуа* и Цзинь (диалекты Цзинь были в свое время выделены из состава *гуаньхуа* С. Е. Яхонтовым [Яхонтов 1966а]). В качестве отдельной группы в атласе рассматриваются также южноаньхойские диалекты (Хуэй). Они выделены на лингвистических картах, изданных в 1930-х годах, но в КНР были включены в состав *гуаньхуа*. Самостоятельной группой в том и другом варианте атласа впервые стали также малочисленные диалекты *пинхуа* (*пинхуа* / *тухуа* в новом издании).

В новом издании атласа карты типа В1 организованы с учетом прежде всего географического распространения самих диалектов, каждая карта охватывает все провинции и районы, в которых встречается та или иная диалектная группа. Карты типа В2, напротив, учитывают административное деление Китая: карта 01 — «Китайские диалекты провинции Гуандун», карта 02 — «Китайские диалекты Гуанси-Чжуанского АР», карта 06 — «Китайские диалекты Тайваня», карта 14 — «Китайские диалекты провинции Шэньси» и т. п.

Диалектам 官话 *гуаньхуа*, которые охватывают большую часть территории и населения страны (798,58 млн



Результаты исследований
китайских ученых регулярно
появляются в журнале «Фанъянь»
(«Диалекты»)

человек по данным на 2004 год, приведенным в новом издании атласа, 61% населения континентального Китая), посвящены карты 1–12 типа В1. На картах 13–22 представлены остальные девять групп диалектов.

Группа Цзинь (晋语 *цзиньюй*, карта 13), включающая почти всю провинцию Шаньси, север провинции Шэньси и прилегающие к Шаньси районы провинций Хэбэй и Хэнань, а также АО Внутренняя Монголия. Число носителей диалектов Цзинь — более 63,05 млн человек.

Группа У (吴语 *уюй*, карта 14), которая компактно занимает территорию провинции Цзянсу к югу от Янцзы с городом Шанхаем и практически всю провинцию Чжэцзян, за исключением небольших территорий на окраинах. За пределами этих двух провинций диалекты У распространяются на несколько соседних пунктов провинций Цзянси и Фуцзянь. Кроме того, в результате сравнительно поздних миграций эти диалекты проникли на юг провинции Аньхой. Граница между диалектами У и диалектами *гуаньхуа* вдоль Янцзы несколько раз переходит с одного берега на другой. На диалектах группы У говорят более 73,79 млн человек.

Диалекты группы Минь (闽语 *миньюй*, карты 15–16). Карта 15 включает провинции Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянси, а также Тайвань и восточные районы провинции Гуандун. Карта 16 — остров Хайнань, Гуанси-Чжуанский АР и юго-западную часть провинции Гуандун. На Тайвань, в прибрежные районы провинции Гуандун (прежде всего на полуостров Лэйчжоубаньдао) и на остров Хайнань диалекты Минь проникли в результате сравнительно поздних морских миграций населения. На территории провинций Чжэцзян и Цзянси, в Гуанси-Чжуанском АР, а также на юге провинций Цзянсу и Аньхой диалекты Минь распространены спорадически. Большое число носителей этих диалектов проживает повсеместно в Юго-Восточной Азии. По численности говорящих диалекты Минь вторые

после *гуаньхуа* и насчитывают 75 млн человек без учета тех носителей, которые проживают в нескольких уездах Гуанси-Чжуанского АР (140 тыс. человек), в провинциях Цзянсу и Аньхой, в Гонконге и Макао, а также эмигрантов в других странах мира.

Группа *хакка* (客家话 *кэцзяхуа*, карта 17). Компактный район распространения диалектов *хакка* охватывает север провинции Гуандун и прилегающие к Гуандуну районы провинций Фуцзянь, Цзянси и Хунань. Общая численность *хакка* в четырех основных провинциях, в Гонконге и на Тайване, а также с учетом эмиграции за рубеж — 42,2 млн человек. Кроме того, носители *хакка* (4 млн 200 тыс.) проживают в 79 населенных пунктах Гуанси-Чжуанского АР, где обычно владеют также другими китайскими диалектами. Небольшие островки диалектов *хакка* имеются на Хайнане (30 тыс. человек), в провинциях Чжэцзян и Аньхой и в результате поздних миграций появились в провинции Сычуань (более 100 тыс. человек).

Диалекты группы Юэ (粤语 *юэюй*, карта 18), которые распространены в провинции Гуандун, Гуанси-Чжуанском АР, Гонконге и Макао. В провинции Гуандун диалекты Юэ охватывают ее западную часть с городом Гуанчжоу (Кантон) и дельту реки Чжуцзян. На севере и востоке провинции Гуандун распространены диалекты *хакка*, в прибрежных районах есть территории, относящиеся к диалектам Минь. В результате миграций эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) диалекты Юэ (их кантонская разновидность) проникли на территорию современного Гуанси-Чжуанского АР, где теперь на них говорит большинство населения. Большую часть носители кантонского диалекта составляют также в Гонконге и Макао (96% и почти 88% соответственно). Кроме того, на кантонском диалекте говорят многие китайские эмигранты как в Юго-Восточной Азии, так и за ее пределами. Численность носителей диалектов Юэ — 58,82 млн человек в Гуандуне,

Гуанси-Чжуанском АР, Гонконге и Макао. Общая численность говорящих на диалектах Юэ с учетом других районов Китая — 59,58 млн, вместе с китайскими эмигрантами в разных частях света — 68 млн человек.

Группа Сян (湘语 *сяньъюй*, карта 19). В Хунани диалекты Сян ограничены бассейном рек Сянцзян и Юаньцзян, а также частично реки Цзышуй и включают административный центр этой провинции город Чанша. В Гуанси-Чжуанском АР к зоне диалектов Сян относятся уезды в верхнем течении рек Сянцзян и Цзышуй. С востока и юга на территории Хунани с ареалом диалектов Сян соседствуют диалекты *гуаньхуа*, на западе — диалекты Гань или Гань-хакка. Традиционно диалекты Сян делятся на более архаичные «старые» и «новые» (см. ниже). Общая численность говорящих на диалектах Сян в Хунани и Гуанси — 36,37 млн человек. Сообщается также, что некоторое количество говорящих на диалектах Сян переселилось на территорию провинций Сычуань, Шэньси и Аньхой.

Диалекты Гань (赣语 *ганьъюй*, карта 20). Карта включает территорию провинций Цзянси, Хунань, Хубэй, Аньхой и Фуцзянь. Основная область распространения диалектов Гань — центральная и северная часть провинции Цзянси с городом Наньчаном, иначе говоря, район реки Ганьцзян в ее среднем и нижнем течении и реки Фухэ (на юге Цзянси говорят на *хакка*). Гань распространяются также на прилегающие районы соседних провинций. В свою очередь на территорию Цзянси вторгаются небольшие участки диалектов *гуаньхуа*, У и Хуэй. Диалекты У перемежаются с небольшими островками диалектов Минь, проникших с территории Фуцзяни. Общая численность говорящих на диалектах Гань — 48 млн человек.

Диалекты Хуэй (徽语 *хуэйъюй*, карта 21), охватывающие юг провинции Аньхой вместе с исторически и географически связанными с ним небольшими территория-

ми Чжэцзяна и Цзянси. Общее число говорящих — всего 3,3 млн человек.

Группа *пинхуа* / *тухуа* (平话/土话, карта 22). Диалекты, которые носят название *пинхуа*, распространены в Гуанси-Чжуанском АР, они являются здесь четвертыми по числу носителей после Юэ, юго-западных *гуаньхуа* и *хакка*. Носители этих диалектов считаются «пришлыми» и живут в районе старого тракта, вдоль которого проходит железная дорога на участке от Линчуаня до Наньнина. Представители *пинхуа* на самом деле иногда с трудом понимают друг друга. В новом издании атласа в состав группы включены также «местные говоры» *тухуа* двух видов, которые ранее не входили ни в одну группу. Они распространены на юге Хунани (湘南土话 *сяннань тухуа*) и в Шаочжоу на востоке провинции Гуандун (韶州土话 *шаочжоу тухуа*). Общее число говорящих на диалектах *тухуа* / *пинхуа* — 7,78 млн человек.

Фонетические системы всех современных диалектов китайского языка, кроме отделившихся около III в. наиболее архаичных диалектов Минь, восходят к произносительному стандарту эпохи Тан (618–907), который называют среднекитайским. Этот стандарт был основан на диалекте танской столицы Чанъань. За пределами Китая чанъаньское произношение легло в основу большого слоя сино-японских, сино-корейских и сино-вьетнамских чтений иероглифов, в значительной степени заменивших более ранние заимствованные варианты. В самом Китае чанъаньская норма повсюду вытеснила дотанское произношение, которое сохранилось только в исконном («разговорном») слое диалектов Минь.

Важнейшим признаком, лежащим в основе классификации китайских диалектов, считается развитие среднекитайских звонких инициалей (浊音 *чжюинь*). В наиболее общем виде оно может быть представлено следующим образом.

В диалектах группы У и «старой» подгруппы диалектов Сян есть три ряда современных инициалей (смычных и аффрикат), соответствующих среднекитайским звонким, глухим придыхательным и глухим непридыхательным. В диалектах остальных групп среднекитайские звонкие согласные перешли в глухие придыхательные и/или непридыхательные.

В диалектах *гуаньхуа* и Юэ развитие звонких по-разному обусловлено среднекитайскими тонами. В диалектах Цзинь развитие звонких, как правило, такое же, как в диалектах *гуаньхуа*, хотя и в том, и в другом регионе сохранилось много исключений — остатков иных систем, см. [Завьялова 1996, с. 28–31].

В диалектах прочих групп зависимости от тона не наблюдается: звонкие полностью перешли либо в глухие придыхательные (Хуэй, Гань, *хакка*), либо в глухие непридыхательные («новые» диалекты Сян). В исходных системах диалектов Хуэй звонкие, по-видимому, перешли в глухие непридыхательные, хотя здесь есть много заимствованных из соседних диалектов Гань вариантов произношения с придыхательными инициалами [Хирата 1981, с. 33–51].

В диалектах Минь среднекитайским звонким могут соответствовать как придыхательные, так и непридыхательные инициали. В целом многие слогоморфемы в этих диалектах имеют два или более вариантов произношения по разным признакам, в том числе и по признаку придыхательности или непридыхательности в случае среднекитайских звонких.

Второе явление, которое обычно используется в качестве классификационного, — развитие конечных имплозивных согласных *-p, *-t, *-k, сопровождавших в среднекитайском языке «входящий» тон (入声 *жушэн*). Полностью набор имплозивных согласных сохраняется в диалектах групп *хакка* и Юэ. В диалектах Гань возмож-

на конечная гортанная смычка, а также современные *-t* и *-k*. В диалектах Минь есть как системы, полностью сохранившие или, наоборот, утратившие конечные имплозивные, так и сохраняющие их частично в разном наборе. Ср. [kap], [t'uat], [kak] / [koʔ] в южноминьском диалекте Сямыня и соответствующие им [kaʔ], [t'uaʔ], [kauʔ] в восточноминьском диалекте Фучжоу для морфем «голубь», «снять», «каждый»; в пекинском диалекте — соответственно 鸽 zэ [kə], 脱 то [t'uo], 各 zэ [kə]. В большей части диалектов Цзинь, а также в диалектах У среднекитайским имплозивным — как в диалекте Сямыня — соответствует конечная гортанная смычка. В диалектах *зуньхуа* и Сян конечные имплозивные либо утрачены, либо сохраняют конечную смычку.

Приведенные схемы носят лишь общий приблизительный характер и уже уточняются на основе данных последних лет. Так, звонкие согласные обнаружены не только в диалектах У и некоторых диалектах Сян, но также в диалектах Гань (карты 047–049 «Атласа диалектов китайского языка» 2008 года). В некоторых диалектах перечисленных трех групп исторические звонкие сохранились лишь частично — в зависимости от исторического тонового класса, качества финали и т. п. Там, где звонкие утрачены, возможны необычные, ранее не описанные схемы соответствий в современных диалектах. Подобным же образом полный набор конечных имплозивных согласных сохранился не только в диалектах Юэ и Гань, но, как выяснилось, также в некоторых диалектах *пинхуа* и в диалектах *хакка* на востоке провинции Гуандун [Ли Жулун 2009].

Что же касается сравнительных исследований лексики в масштабах всего Китая, уже в работах 1960-х годов С. Е. Яхонтов обратил внимание на то, что существенными с классификационной точки зрения в китайской диалектологии оказываются «пустые слова» — местоимения, частицы и другие служебные элементы. Так, в диалектах

Гань глагол-связка 是 «быть» имеет то же происхождение, что и связка 是 *ши* в диалектах *гуаньхуа*. В то же время диалекты *хакка*, фонетически сравнительно близкие диалектам Гань, имеют связку 系 *хай*, совпадая по этому признаку с диалектами группы Юэ. Диалект Чанша, административного центра провинции Хунань, находящейся в зоне активных миграций с севера, фонетически отличается как от диалектов Сян, так и от диалектов *гуаньхуа*, однако по признаку «пустых слов» он относится к *гуаньхуа* (в частности, благодаря наличию местоимения 他 *та* «он») [Яхонтов 1967].

Тогда же, в 1960-е годы С. Е. Яхонтовым был осуществлен — с использованием глоттохронологического метода, предложенного М. Сводешем, — лексико-статистический анализ основных диалектов (в то время еще без Цзинь и *пинхуа*), позволивший впервые иерархически представить классификацию групп в виде дерева — от наиболее архаичных к более продвинутым группам [Яхонтов 1966а]:

1. диалекты Минь, состоящие из нескольких групп;
2. остальные диалекты:
 - а) гуандунские диалекты: Юэ, *хакка*;
 - б) северно-центральные диалекты: Сян, Гань, Хуэй, У, *гуаньхуа*.

Лингвогеографическое изучение ареала *гуаньхуа*

Все группы диалектов, кроме *гуаньхуа* и недавно выделенной группы Цзинь, принято называть «южными». Граница между *гуаньхуа* и южными диалектами проходит приблизительно вдоль реки Янцзы, и лишь на юго-западе, в провинции Юньнань, диалекты *гуаньхуа* распространяются далеко на юг, вплоть до государственной границы

Китая. Важнейшим общим фонетическим признаком диалектов *гуаньхуа* считаются, как уже упоминалось выше, соответствия среднекитайским звонким смычным взрывным и аффрикатам: в слогах исторического «ровного» тона (平声 *пиншэн*) звонким соответствуют современные придыхательные, в слогах других, «неровных» (仄 цзэ), тонов — современные непридыхательные. В разных диалектах *гуаньхуа*, например в Сычуани, можно обнаружить также остатки иных систем развития звонких инициалей, поглощенных общесеворокитайской [Завьялова 1996, с. 28–31; Ли Жулун 2003, с. 211–226].

В 1980-х годах в отечественной синологии [Завьялова 1982; Zavjalova 1983] было предпринято сплошное (более 1000 пунктов) картографирование фонетических признаков в пределах территории распространения *гуаньхуа*. В результате внутри этой группы была обнаружена важнейшая лингвистическая граница. Она образована пучком изолиний и проходит вдоль природного рубежа Китая — реки Хуайхэ — и далее на запад вдоль системы хребтов (Циньлин, Миньшань, Уданшань, Тунбайшань, Дабешань), которые пересекают Центральный Китай от южной части провинции Ганьсу до северной части провинции Аньхой и формируют водораздел Хуанхэ и Янцзы. Именно по этой линии проходила историческая граница между чжурчжэньским государством Цзинь (1115–1234) и Китаем при династии Южная Сун (1127–1279) и позднее между южносунским государством и монгольской империей Юань (1271–1368) в начале ее существования. «Северная столица» Пекин и «южная» Нанкин были расположены соответственно к северу и к югу от этой границы. Лингвистически ее наличие подтверждается не только фонетическими признаками. Так, инклюзивное местоимение 咱们 *цзаньмэнь* «мы» распространено лишь к северу, но не к югу от обнаруженного рубежа [Ханьюй фаньянь 2008. Т. 3, карта 004]. Территория распространения диа-

лектов *гуаньхуа*, таким образом, оказывается разделенной на два ареала — северный и южный.

В каждом из ареалов, в свою очередь, можно выделить по две подгруппы [Завьялова 1982; Завьялова 1996, с. 125–135], и в итоге классификация диалектов *гуаньхуа* может быть представлена следующим образом.

1. Диалекты северного ареала *гуаньхуа*, условно — *гуаньхуа* бассейна 黄河 Хуанхэ:

- а) хэбэйско-шаньдунская подгруппа, в зону которой входят Пекин с провинцией Хэбэй (кроме ее западной части, относящейся к диалектам Цзинь), Шаньдун (кроме южных районов, относящихся к подгруппе Центральной равнины, см. ниже) и Северо-Восточный Китай — историческая Маньчжурия, сравнительно поздно заселенная китайцами;
- б) подгруппа Центральной равнины (中原 Чжунъюань), протянувшаяся через весь Китай — от Синьцзяна на западе до морского побережья на востоке. Охватывает юг провинции Ганьсу, долину Гуаньчжун в провинции Шэньси, юго-запад провинции Шаньси, почти всю провинцию Хэнань, а также север провинций Аньхой и Цзянсу. Хотя река Хуанхэ в настоящее время поворачивает восточнее городов Чжэнчжоу и Кайфэна на юго-восток, распространение диалектов Центральной равнины совпадает не с современным, а с историческим руслом этой реки, которая с XIII по XIX в. впадала в океан южнее Шаньдунского полуострова.

2. Диалекты южного ареала *гуаньхуа*, условно — *гуаньхуа* бассейна Янцзы (长江):

- а) подгруппа нижнего течения Янцзы (или подгруппа междуречья Янцзы и Хуайхэ — 江淮 Цзян-Хуай);
- б) юго-западная подгруппа.

щим [ts], [tsʰ], [s] (в традиционной русской транскрипции соответственно *чж-*, *ч-*, *ш-* и *цз-*, *ц-*, *с-*, в системе *ханьюй пиньинь* — *zh-*, *ch-*, *sh-* и *z-*, *c-*, *s-*). Во всех остальных диалектах имеются только свистящие. Там, где шипящие противопоставлены шипящим, возможны два типа соответствий среднекитайским инициалам групп *чжи*, *чжуан*, *чжан*. Для первого (условно — пекинского) типа свойственно максимальное для *гуаньхуа* число слогоморфем с современными шипящими: за небольшими исключениями, они соответствуют инициалам всех трех названных среднекитайских групп. Исключения возможны только в случае «литературных» чтений иероглифов, например 色 *сэ* «цвет» в пекинском диалекте («разговорное» чтение — *шай*). Географическое распространение пекинского типа ограничено в основном восточными районами северного ареала. Второй тип (условно — сианьский, который, в частности, существует также в дунганских диалектах бывшего СССР), напротив, отличается минимальным для диалектов *гуаньхуа* числом слогоморфем с современными шипящими. Ср. в диалекте Сианя: 战 [tsã] «война», 茶 [tsʰa] «чай», 山 [sã] «гора» (в пекинском диалекте — [tʃan], [tʃʰa] и [ʃan] соответственно). Охватывая большую часть западных пунктов, сианьский тип все же встречается также и на востоке.

3. В большей части диалектов северного ареала (включая пекинский) имеется восемь носовых финалей серии «э», по две для каждой медиальной категории. Исключение — небольшой район, охватывающий провинцию Ганьсу, включая Ланьчжоу, Нинся-Хуэйский АР и запад долины Гуаньчжун в провинции Шэньси. Здесь возможны только четыре носовые финали серии «э»: пекинские с конечными [n] и [ŋ] не различаются (ср. подобную четырехфинальную систему в дунганских диалектах бывшего СССР). Слияние и деназализация носовых финалей

характерны также для многих соседних диалектов группы Цзинь.

4. Во всех диалектах северного ареала развитие среднекитайского «входящего» тона обусловлено качеством среднекитайских инициалей. В хэбэйско-шаньдунских диалектах этот тон имеет «тройные» соответствия, заданные сонорностью / звонкостью / глухостью среднекитайских инициалей. Для диалектов подгруппы Центральной равнины характерно «двойное» отражение «входящего» тона в слогах со среднекитайскими сонорными и глухими, с одной стороны, и звонкими — с другой. Среднекитайские рифмы «входящего» тона с историческим конечным *-k представлены как монофтонгами (например, 客 кэ «гость» в пекинском диалекте), так и дифтонгами по-разному в двух подгруппах: 百 бай «сто», 北 бэй «север» в пекинском диалекте, бэй в том и другом случае в диалекте Сианя. В результате междиалектных заимствований в пекинском и близких ему хэбэйско-шаньдунских диалектах (например, в северо-восточных провинциях) «входящий» тон в слогах со среднекитайскими глухими инициалами иррегулярно распределен между всеми современными тонами. Для многих иероглифов существуют «литературные» и «разговорные» варианты чтения, которые отличаются друг от друга современными тонами и рифмами.

Диалекты южного ареала *гуаньхуа* (бассейн Янцзы) более единообразны, чем северные. Им присущи следующие основные черты.

1. Инициали /- и /n- не различаются и чаще всего выступают в качестве альтернативных вариантов одного согласного. Обычно в речи одних носителей того или иного диалекта преобладает [l], в речи других — [n].

На западе южного ареала *гуаньхуа* — в Сычуани и некоторых примыкающих к ней южных районах провинции

Шэньси — наличие / отсутствие противопоставления [l] и [n] зависит от качества финали. Диалекты, в которых [l] и [n] противопоставлены только перед [i] и [y], распространены также в центральной части Хунани, относящейся к зоне диалектов Сян.

2. В большей части диалектов южного ареала отсутствует противопоставление шипящих свистящим. В остальных наблюдается единый, но отличный от двух северных (пекинского и сианьского) тип современных соответствий среднекитайским инициалам групп *чжи*, *чжуан*, *чжан*; подробнее см. [Завьялова 1996, с. 104–109]. В результате часть пекинских слогов с шипящими инициалами представлены здесь со свистящими, ср. в диалекте Нанкина 爪 [tʂou] «когти», но 皱 [tʂəu] «морщины» (в пекинском соответственно [tʂau], [tʂou]).

3. Вместо восьми пекинских носовых финалей серии «э» насчитывается только шесть, как, например, в диалекте Чэнду. Система из шести финалей при отсутствии конечного *-m зафиксирована для диалектов *гуаньхуа* бассейна Янцзы уже в памятниках эпохи Сун (960–1279), в то время как на севере конечный *-m сохранялся позднее и отмечен в таблицах рифм периода Юань.

4. Среднекитайский «входящий» тон либо сохранился при наличии / отсутствии конечнослоговой гортанной смычки (в диалектах Цзян-Хуай и островками на всей остальной территории), либо полностью перешел в какой-либо другой тон вне зависимости от качества среднекитайской инициали. Любые рифмы «входящего» тона представлены современными монофтонгами.

Диалекты Цзян-Хуай отличаются от всех других диалектов *гуаньхуа* тем, что здесь в слогах с медиалами сохраняются различия между гласными второго и прочих «внутритоновых» рядов (等 *дэн*) среднекитайских классов финалей 咸 *сянь* и 山 *шань*. Ср. в диалекте Янчжоу про-

винции Цзянсу: 官 [kǒ] «чиновник» (I дэн), но 关 [kuān] «закрывать» (II дэн).

К юго-западным диалектам южного ареала *гуаньхуа* относятся также диалекты провинции Юньнань. Проникновение сюда китайцев датируется XIV в. Периферийное положение Юньнани, с одной стороны, способствовало тому, что она оказалась не охваченной теми инновациями, которые сравнительно поздно возникли в диалектах бассейна Янцзы, — такими как исчезновение противопоставления *l-* и *n-*. С другой — во многих юньнаньских диалектах произошло упрощение систем носовых финалей. В некоторых диалектах носовые финали вообще отсутствуют. Возможно также, что деформация носовых финалей в диалектах Юньнани возникла в результате контактов с местными языками и этими же контактами объясняется свойственный юньнаньским диалектам переход *-y-* → *-i-*.

В «Атласе языков Китая» в основе классификации диалектов *гуаньхуа*, по сути дела, лежит один фонетический признак — соответствия «входящему» тону. Китайские лингвисты выделяют внутри *гуаньхуа* восемь подгрупп одного уровня: (1) северо-восточная (东北官话 дунбэй гуаньхуа); (2) пекинская (北京官话 бэйцзин гуаньхуа); (3) хэбэйско-шаньдунская, или Цзи-Лу (冀鲁官话 цзилу гуаньхуа); (4) подгруппа Шаньдунского и Ляодунского полуостровов, или Цзяо-Ляо (胶辽官话 цзяоляо гуаньхуа); (5) подгруппа Центральной равнины, или Чжунъюань (中原官话 чжунъюань гуаньхуа); (6) подгруппа района Ланьчжоу — Иньчуаня, Лань-Инь (兰银官话 ланьинь гуаньхуа); (7) подгруппа междуречья Янцзы и Хуайхэ, Цзян-Хуай (江淮官话 цзянхуай гуаньхуа); (8) юго-западная (西南官话 синань гуаньхуа).

Подгруппы 7 и 8 совпадают с выделенными выше одноименными подгруппами южного ареала *гуаньхуа*. Деле-

ние северного ареала в китайской классификации оказывается более дробным.

Среди диалектов с «тройным» отражением «входящего» тона (хэбэйско-шаньдунские) китайские диалектологи считают необходимым выделить целых четыре равноправные подгруппы: северо-восточную, пекинскую, хэбэйско-шаньдунскую, подгруппу Шаньдунского и Ляодунского полуостровов. В основе такого деления лежат соответствия «входящего» тона в слогах со среднекитайскими глухими инициалями. При этом в диалектах как северо-восточной, так и пекинской подгруппы эти слоги иррегулярно распределены между всеми тонами, хотя в северо-восточных при глухих инициалах меньше слогов с переходом «входящего» тона в «восходящий» (上声 *шаншэн*).

Подгруппа Центральной равнины, для которой характерно «двойное» отражение «входящего» тона, разделена в китайской классификации на две подгруппы. В одной из них (подгруппа 5) «входящий» тон при глухих и сонорных инициалах перешел в низкий ровный тон 阴平 *иньпин*, в другой (подгруппа 6) — в «уходящий» тон 去声 *цюйшэн*. Последняя охватывает небольшой район Ланьчжоу — Иньчуаня и скорее является переходной зоной, одновременно обнаруживающей некоторые черты диалектов Цзинь и диалектов южного ареала *гуаньхуа*.

* * *

В китайской диалектологии XX — начала XXI века, таким образом, накоплены обширные данные — фонетические, морфонологические, лексические, грамматические, которые были собраны несколькими поколениями ученых. Практические и теоретические результаты широкомасштабных диалектных исследований, осущест-

вляющихся на протяжении последних тридцати лет в Китае, представляют интерес не только для синологов разных специальностей за его пределами, но также и для лингвистического сообщества в целом. Тем не менее описание китайских диалектов пока нельзя считать завершенным. В меньшей степени делом будущего остаются обработка и осмысление значительной части собранной информации.



КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ

В своей многотысячелетней истории китайский язык неоднократно вступал в кратковременные контакты или длительное взаимодействие с языками ближних и дальних народов. Иностранцы попадали в Срединное государство по Великому шелковому пути с торговыми караванами. Тюркские солдаты находились на службе императоров династии Тан (618–907). Тогда же в столице танской империи Чанъань — современном городе Сиань — приезжими арабами была построена первая мечеть, в южных прибрежных районах селились арабские купцы. На территории нынешнего Китая создавали свои государства тангуты, кидани и чжурчжэни, которые изобрели иероглифические системы по образцу китайской. Свой язык и алфавитную письменность несли в Китай монгольские и маньчжурские завоеватели, буддийские и манихейские проповедники, западные миссионеры и православные духовные лица из России. В свою очередь иероглифические тексты из Китая высоко ценились в соседних землях, из Японии за ними отправлялись специальные экспедиции. Особый, совершенно необычный период активных контактов китайский язык переживает сейчас — в период «реформ и открытости» и тех возмож-

ностей, которые предоставляют человечеству современные информационные технологии.

Многие, хотя далеко не все свидетельства разнообразных исторических контактов китайского языка сохранились и по сей день — в текстах письменных памятников, в лексике и иногда даже в грамматике современных языков. Наиболее яркий пример — корейский, японский и вьетнамский языки, где китайские или сконструированные из китайских корней слова составляют, по разным оценкам, от 50 до 70% лексики. Во всех трех странах в качестве письменного языка долгое время использовался 文言 *вэньянь*. Китайские иероглифы употреблялись во вьетнамском языке в прошлом и до сих пор употребляются в японских и в Южной Корее в корейских текстах. В самом же китайском языке отдельные заимствования появились уже в древности. Индоевропейское слово «мёд» (современное китайское слово 蜜 *ми*) зафиксировано в трактате «Хань Фэй-цзы» («韩非子»), написанном в III в. до н. э.; см. [Ши Ювэй 2003, с. 27–35; Сюй Вэнькань 2005, с. 10]. Тем не менее следы контактов с другими народами в китайском гораздо менее значительны, чем в окружающих языках. Это объясняется как тем, что Китай веками доминировал в Восточной Азии в цивилизационном отношении, так и структурными особенностями самого китайского языка.

В период династии Юань (1271–1368) монгольские правители, захватившие весь Китай, хотели искоренить непонятную и потому враждебную культуру Среднего государства. Были отменены государственные экзамены 科舉 *кэцзюй*. Вместо иероглифов и любых других видов письменности, употреблявшихся в зоне влияния империи, монголы попытались ввести особое, так называемое квадратное алфавитное письмо (подробнее о квадратном письме пойдет речь ниже, в главе, посвященной алфавитам). Официальные документы этого периода писали параллельно на монгольском и китайском языках, причем последний обнаруживал сильное влияние монгольского как в лексике, так

и в грамматике. Упрощенным и насыщенным грамматическими кальками с монгольского языка был китайский перевод «Юань чао би ши» («元朝秘史»), «Секретной истории монголов» [Зограф 1984; Зограф 2005a]. Монгольские слова употреблялись в чрезвычайно популярной в этот период драме и, очевидно, в устной речи, но позже почти все они исчезли из китайского обихода. Перестало употребляться еще до конца монгольского правления, продлившегося менее ста лет, также и не подкрепленное культурной традицией квадратное письмо. Число монгольских заимствований в современном китайском языке не превышает трех десятков, в целом это достаточно редко употребляющиеся термины. Среди распространенных слов, заимствованных из монгольского или через монгольский, можно назвать 站 *чжань* «остановка» (монг. *jam*), такое же заимствование в русском языке — ям «почтовая станция», ср. Тверская-Ямская улица; 胡同 *хутун* «переулок» (монг. *gudum*); 喇嘛 лама «лама» — от соответствующего тибетского слова через монгольский; 戈壁 *гэби* «каменная пустыня» (монг. *gobi*) [Ши Ювэй 2003, с. 49–51].



Во времена правления в Китае монгольской династии Юань употреблялся первый в истории китайского языка алфавит — квадратное письмо Пагба-ламы. Тогда же в китайском языке использовалось много монгольских слов, позже большей своей частью исчезнувших из китайского обихода. В списке «Бай цзя син» иероглифы протранскрибированы квадратным письмом

Несколько больше слов вошло в китайский язык из маньчжурского, который при династии Цин (1644–1911), правившей почти три столетия, использовался как официальный, особенно в начале правления. Именно маньчжурский в качестве основного инструмента дипломатических отношений активно изучали, наряду с монгольским и китайским, российские синологи — члены и ученики находившейся в Пекине Российской духовной миссии. Часть сохранившихся заимствований из маньчжурского — это специальные термины, связанные с управлением государством, прежде всего названия должностей и титулы маньчжурской знати, которые были в ходу при династии Цин, например 固山 *гушань* (маньчж. *guusa*) — «знамя», воинское соединение в составе маньчжурской армии. Позже этот термин употребляли также в титулах знати, например 固山贝子 *гушань бэйцзы* — «князь, родственник императора четвертой степени». Некоторые маньчжурские слова сохранились только в китайских диалектах северо-восточного Китая, иначе говоря, на территории исторической Маньчжурии, они должны скорее рассматриваться как субстратные явления, появившиеся при переходе маньчжуров с родного языка на китайский. Возможно, таким же образом маньчжурская (или заимствованная через маньчжурский) лексика появилась и до сих пор сохраняется в пекинском просторечии — 北京话 *бэйцзинхуа*. Ср.: 挂懒儿 *гуалар* «длинная безрукавка» (маньчж. *guwalasar*), 温朴 *вэньпу* — сласти из боярышника и сахара (маньчж. *umpu*), 骆驼子 *мотоцзы* «неумелый человек» (маньчж. *modo*) [Ши Ювэй 2003, с. 51–57, 145–146].

Буддийские термины первого тысячелетия

Первый сравнительно большой слой заимствований — буддийских терминов попал в китайский язык из древних индоарийских языков, санскрита и пали [Юй Минь 1999].

Буддизм начал проникать в Китай из Индии по Шелковому пути с I в. н. э., возможно еще раньше. Его наследие в Китае — как печатное, так и рукописное — огромно. Буддийские тексты составляют 90% уникальных рукописей, обнаруженных в 1900 году в провинции Ганьсу — в библиотеке пещерных храмов Могао в Дуньхуане — и хранящихся ныне в рукописных фондах многих стран мира. В числе дуньхуанских рукописей — единственная сохранившаяся коллекция *бяньвэней* (变文), произведений простонародной буддийской литературы, появившихся в эпоху Тан. Анализ грамматики буддийских текстов, прежде всего из Дуньхуанского фонда Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге (первоначально — Азиатский музей, позже Институт востоковедения Академии наук), представлен в исследованиях И. С. Гуревич и И. Т. Зограф [Гуревич 1974; Зограф 1972; Гуревич 1986; Зограф 2005а]. Дуньхуанскому фонду в целом посвящены многочисленные работы ленинградских востоковедов, и прежде всего одного из крупнейших отечественных синологов XX в. — Л. Н. Меньшикова.



*Буддийские термины проникали в Китай по Великому шелковому пути.
Руины последней китайской заставы Юймэньгуань*



*В XIX веке на одном из маршрутов Шелкового пути
в пещерном храме Могао (уезд Дуньхуан провинции Ганьсу)
было обнаружено хранилище рукописей,
в том числе ранних переводов буддийских текстов
на китайский язык*



Первый «Большой буддологический словарь» в Китае («佛学大辞典», «Фосюэ да цыдянь») был составлен Дин Фубао (1874–1952) на основе одноименного японского словаря Оды Токунō (1860–1910). Он был издан в 1922 году в Шанхае и содержал более 30 тыс. словарных статей; подробнее об этом словаре и его современных изданиях см. [Линь Юйшань 1992, с. 139–140; Ши Ювэй 2003, с. 216]. В настоящее время как словарь Дин Фубао, так и другие справочные издания разного объема и уровня доступны не только в печатном, но также в электронном виде, в том числе на многочисленных буддийских сайтах.

Часть буддийских заимствований в китайском языке до сих пор остаются фонетическими, иначе говоря, воспроизводят — насколько это позволяет слоговая структура китайского языка — звуковой облик исходных слов. К числу фонетических заимствований относятся такие современные слова, как 阿罗汉 *алохань*, впоследствии сокращенное до 罗汉 *лохань* (санскр. *arhat*) «архат»; 伽陀 *цзято* (санскр. *gāthā*) «гимн»; 牟尼 *моуни* (санскр. *muni* «ушедший от мира») «святой». Некоторые из фонетических заимствований сократились до однослогов, которые стали функционировать как обычные китайские корни: 塔 *та* (от 塔婆 *тапо* «ступа», санскр. *stūpa*) в составе современных слов 宝塔 *баота* «пагода» (букв. «драгоценная башня»), 灯塔 *дэнта* «маяк», 水塔 *шуйта* «водонапорная башня», 尖塔 *цзяньта* «шпиль». Для части буддийских понятий были подобраны китайские слова. Так, термины «марга» и «патха», выражающие идею Пути, и «бодхи» («просветление») стали передавать китайским философским термином 道 *дао* «путь»; сочетание 淨教 *цзинцзяо* «чистое учение» приобрело значение «буддизм». Часть буддийских терминов, некогда переведенных на китайский язык, вошли в него как обычные сложные слова: 世界 *шицзе* «мир» (от буддийского понятия «настоящие и будущие существования»), 天堂 *тяньтан* «рай» («небесный зал») [Сюй Вэнькань 2005].

Европейские и японские слова в новое время

Менее длительную, но весьма заметную по своим результатам историю имеют контакты китайского и западноевропейских языков. Самые ранние европейские термины были привнесены миссионерами, итальянцами и португальцами, впервые попавшими в Китай при династии Мин (1368–1644). Миссионеры переводили не только религиозные, но также иные сочинения, посвященные науке и культуре. В тексты были включены многие западные термины, «протранскрибированные» иероглифами. До нашего времени употребляется введенное одним из отцов западной синологии, итальянским миссионером Маттео Риччи (1552–1610), вместе со знаменитым китайским ученым Сюй Гуанци (1562–1633) слово 几何 *цзихэ* (几何学 *цзихэсюэ*) «геометрия» (от лат. *geometria*), использованное в переводе «Начал» Евклида [Ши Ювэй 2003, с. 58–59]. Книжное сочетание *цзихэ* «сколько?» было, по-видимому, выбрано авторами в связи с тем, что оно перекликается со словом «геометрия» как по своему значению, так и по звучанию в южных диалектах (кантонское произношение, с которым был хорошо знаком Риччи, — *geiho*). Именно Маттео Риччи вместе с итальянцем Микеле Руджиери (1543–1607) является автором первого западного словаря китайского языка — китайско-португальского, рукопись которого была обнаружена в архивах Ватикана только в первой половине XX в.

Значительный слой заимствований из западноевропейских и японского языков появился во второй половине XIX — начале XX в. После поражения в Опиумных войнах Китай вступил в период активных контактов с Западом и уже вставшей на путь реформ Японией. В стране возникло «движение по усвоению заморских дел» (洋务运动 *янью юньдун*). На китайский язык переводили западные и японские сочинения, китайцы много писали о других странах.

Ряд терминов, до сих пор употребляющихся в современном китайском языке, были впервые введены в «Иллюстрированном описании морских держав» («海国图志», «Хай го ту чжи», 1844 год) — по сути дела, энциклопедии западной жизни. Она была подготовлена ученым-неоконфуцианцем Вэй Юанем (1794–1856) по материалам другого известного ученого и государственного деятеля того времени, Линь Цзэсюя (1785–1850), который призывал «знать положение дел у варваров, их слабости и их силу» [Кобзев 2002]. Среди переведенных терминов, которые впервые появились в «Описании» и продолжают употребляться сейчас, можно назвать 国会 *гохуэй* «парламент», 法律 *фалюй* «право», 政治 *чжэнчжи* «политика», 贸易 *маои* «торговля, коммерция», 公司 *гунсы* «фирма», 文学 *вэньсюэ* «литература», 新闻 *синьвэнь* «новости», 铁路 *телу* «железная дорога», 出口 *чукоу* «выход» [Ши Ювэй 2003, с. 63].

В китайском языке часто трудно провести границу между переводным заимствованием, действительно восходящим к тому или иному слову какого-либо другого языка, и неологизмом, созданным для обозначения нового понятия вне связи с каким-либо конкретным иностранным словом. При создании неологизмов и



Мусульмане, прибывавшие в Китай по Шелковому пути, посещали Большую мечеть в городе Чанъань (ныне Сиань, провинция Шэньси), который был столицей в годы правления династии Тан. В действующей и сегодня Большой сианьской мечети привлекают внимание стилизованные под иероглифы арабские изречения



*Арабские и китайские надписи соседствуют в мечетях
и общественных зданиях многих городов Китая.*

Исламский культурный центр в городе Синин (провинция Цинхай)

для перевода западных терминов часто брали подходящие сочетания китайских корней либо из *вэньяня*, либо из современного японского языка. В последнем случае новые слова уже были созданы из ранее заимствованных китайских корней и к тому же удобно записывались иероглифами в их исходном значении. Японские слова китайского происхождения так и называют — 汉字词 *ханьцзыцы* «слова из китайских иероглифов». Среди множества заимствований из японского — 银行 *иньхан* (яп. *гинко*;) «банк», 文明 *вэньмин* (*бунмэй*) «цивилизация», 社会 *шэхуэй* (*сякай*) «общество», 科学 *кэсюэ* (*кагаку*) «наука», 公园 *гунъюань* (*ко:эн*) «парк» [Ши Ювэй 2003, с. 69–77]. Слово 大学 *дасюэ* (*дайгаку*) «университет» тоже заимствовано из японского языка, но ранее это сочетание корней уже употреблялось в Китае при династии Сун (960–1279) в значении «главное учебное заведение империи» [Masini 1993].

Помимо переводных заимствований в китайском языке иногда встречаются поморфемные кальки типа 篮球 *ланьцю* «баскетбол» («корзина» + «мяч») и 马力 *мали* «лошадиная сила» («лошадь» + «сила»). Часто создаются слова гибридного, смешанного типа, которые сочетают заимствованную фонетическую часть с китайской. Ср. 卡车 *качэ* «машина» (англ. *car* «машина» + кит. *чэ* «повозка»); 芭蕾舞 *балэйу* «балет» (*ballet* «балет» в западноевропей-



Английские слова все чаще встречаются на улицах не только больших, но и малых китайских городов



ских языках + кит. у «танец»), 因特网 *иньтэван* «Интернет» (английский префикс *inter-* латинского происхождения + кит. *ван* «сеть»). Что же касается чисто фонетических заимствований, то их адаптацию в китайском языке всегда затрудняла, во-первых, его слоговая структура с ограниченным числом слогов и, во-вторых, иероглифическая письменность, в которой иероглиф ориентирован на запись значимой единицы — односложного слова, корня, аффикса, фонетически равного все тому же слогу [Зограф 2008]. В результате многие фонетические заимствования из западных языков, как и буддийские термины, были вытеснены или продублированы переводными словами. Так, слово 德律风 *дэлюйфэн* «телефон» было заменено на заимствованное из японского языка слово 电话 *дяньхуа*, слово 麦克风 *майкэфэн* «микрофон» — на слово 扩音机 *коиньцзи* («расширять» + «звуки» + «механизм») [Ши Ювэй 2003, с. 67]. Среди сохранившихся фонетических заимствований конца XIX и первой половины XX в. — 沙发 *шафа* «софа, диван», 马达 *мада* «мотор» (также 电动机 *дяньдунцзи*); в Гонконге слово 马达 записывается как 摩打, на Тайване — так же, как на континенте, но полными иероглифами [Ши Ювэй 2003, с. 82].

Эпоха открытости и Интернета

Наиболее значительный и в некотором отношении необычный слой неологизмов и заимствований появился в китайском языке с началом политики «реформ и открытости» [Чэнь Цзяньминь 2002]. Исследованиям новых слов этого периода посвящены многочисленные работы китайских ученых. Статистическую обработку текстов и публикацию списков новых слов постоянно осуществляет Государственный центр контроля и изучения языковых ресурсов в составе Министерства образования КНР; см.,

например [Чжунго юйянь 2009. Т. 2, с. 331–396]. Издаются разнообразные словари и пособия, посвященные новым словам, например [Синьцзюй 2009]. Первый словарь неологизмов, появившихся в китайском языке на протяжении последних тридцати лет, недавно опубликован также в нашей стране [Буров 2007]. Заимствования последнего времени включены в нормативный «Словарь современного китайского языка» («Сяньдай ханьюй цыдянь», «现代汉语词典»), особенно в его шестое издание, появившееся в 2012 году.

Основной поток заимствований, объемы которого начинают беспокоить китайских политиков и ученых, устремился сейчас в китайский язык из английского, ср. современные кальки-переводы 借脑 *цзенао* «импорт мозгов», 白领 *байлин* «белые воротнички, служащие», 电玩 *дяньвань* «электронные игры»; смешанное заимствование 基因组 *цзииньцзу* «геном» (англ. *gene* + кит. *цзу* «группа»); слова 黑客 *хэйкэ* «хакер» (букв. «черный гость») и 金曲 *цзиньцзюй* «хит» (букв. «золотая мелодия»), в которых китайские корни отражают не только значение, но также и звучание заимствованных слов. Некоторые однослоги — подобно буддийской усеченной башне-пагоде 塔 *та* — образуют ряды. Так, корень 吧 *ба* «бар» входит в состав слов 网吧 *ванба* «интернет-бар» («сеть» + «бар»), 咖啡吧 *кафэйба* «кафе-бар», 吧客 *бакэ* «посетитель бара», 吧娘 *банян* «официантка в баре» [Чэнь Юань 2000, с. 24–27].

Часть новых слов периода «реформ и открытости» проникла на континент из тайваньского и гонконгского вариантов китайского языка. Там к этому времени уже употреблялось много технических (в том числе связанных с информационными технологиями), финансовых, общественно-политических терминов, отсутствовавших на континенте. Из этого же источника были заимствованы диалектизмы и молодежные жаргонные выражения, а также слова, обозначающие некоторые бытовые европейские

реалии. Так, гонконгское заимствование 扎 *чжа* (от английского *jar* «банка, кувшин») на континенте употребляется в составе слова 扎啤 *чжати* «бочковое пиво» [Чэнь Юань 2000, с. 22]. Некоторые японские слова пришли в континентальный Китай непосредственно из Японии, некоторые — через Тайвань, где издавна употребляется много заимствований, сохранившихся со времен японской оккупации. Необычный сложный путь прошло слово 写真 *сечжэнь* (японское чтение *сясин*) «портрет, изображение», которое было некогда заимствовано в японский язык из китайского и с XIX в. приобрело в Японии новое значение «фотография». В Гонконге вернувшееся из японского языка слово стало употребляться в двух значениях — фотография вообще и фотография обнаженной натуры, эти значения в 1980-е годы проникли также на континент. В настоящее время слово 写真 *сечжэнь* употребляется в континентальном Китае как в традиционном значении «изображение, портрет», так и в новом значении «фотография». Ср. 个人写真 *гэжэнь сечжэнь* «индивидуальный фотопортрет», 写真集 *сечжэньцзи* «коллекция фотопортретов» какой-либо известной личности, кинозвезды [Чэнь Цзяньминь 2002, с. 5].

Как в прошлом, так и сейчас для иностранных слов в качестве «транскрипционных» по возможности выбирают редкие знаки, исчезнувшие или почти исчезнувшие из употребления и тем самым не ассоциирующиеся с тем или иным современным значением. Слово 莫斯科 *Мосыкэ* «Москва» передано тремя иероглифами: 莫 *мо* и 斯 *сы*, которые используются для записи книжных служебных слов, и достаточно распространенным иероглифом 科 *кэ*, записывающим морфему «раздел, дисциплина». Иногда для заимствований придумывают новые иероглифы, как это было в случае со словом «кофе», которое ввел учившийся в Англии знаменитый ученый и переводчик Янь Фу (1854–1921). В его родной провинции Фуцзянь чтение выбранных им иероглифов



Русский язык популярен на южном острове Хайнань, полюбившемся туристам из России, и в северном городе Маньчжоули (Маньчжурия) на границе с нашей страной

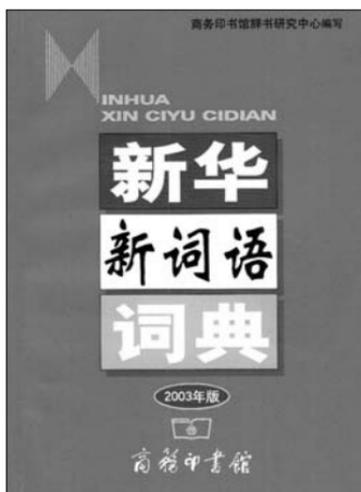


加非 (пекинское чтение *цзяфэй*) достаточно хорошо отражает произношение английского слова *coffee*, но в общекитайском варианте пришлось ввести особые «транскрипционные» знаки 咖啡 *кафэй*, добавив ключ «рот» к исходным [Ши Ювэй 2003, с. 65]. У разных авторов одни и те же слова могли «транскрибироваться» неодинаковыми иероглифами. По-разному заимствованные слова иногда записываются также в разных китаезычных регионах [Ши Ювэй 2003, с. 82–83]. Тем более неодинаково передавали и до сих пор передают иностранные имена собственные. В преддверии Олимпийских игр 2008 года в Пекине пришлось даже подготовить и опубликовать сравнительную таблицу иероглифической записи имен и фамилий известных спортсменов мира в континентальном Китае, Гонконге, на Тайване и в Сингапуре [Чжунго юйянь 2008. Т. 1, с. 397–404].

Интенсивные, в том числе сетевые контакты с английским языком, распространение в Китае собственных латинизированных вариантов письменности, а также возможность легкого перехода с одного вида письменности на другой при компьютерном наборе привели к появлению необычного для китайского языка явления. Речь идет о так называемых «буквенных словах» (字母词 *цзымуцы*) — латинских аббревиатурах как иностранного, так и собственно китайского происхождения и словах со смешанным написанием — иероглифами в сочетании с латинскими буквами. Ср.: WTO — World Trade Organization; HSK — «Тест на уровень знания *путунхуа*» («Hànyǔ shuǐpíng kǎoshì»); DVD 机 — «проигрыватель DVD» (лат. DVD + кит. *цзи* 机 «аппарат»). К числу заимствований со смешанным написанием относятся такие удивительные слова, как 卡拉OK *кала-ОК* «караоке», пение под музыкальную аудиозапись [Сюй Вэнькань 2005]. В японском языке это слово появилось в 1970-е годы и было там сконструировано из двух частей — японского слова *кара* «пустой», которое традиционно записывается китайским иероглифом 空 *кун* с тем же значением, и

латинских букв ОК, представляющих собой японизированное сокращение от английского слова *orchestra* «оркестр». В китайском варианте иероглиф 空 исчез, японскую часть *кара* «протранскрибировали» двумя китайскими иероглифами 卡 *ка* + 拉 *ла*, сохранив латинскую составляющую, получилось 卡拉ОК.

В 2005 году буквенные слова, как на это обратила внимание К. В. Антонян, уже вошли в пятое издание «Словаря современного китайского языка» [Антонян 2009, с. 243–246], тем более они включены в новейшее издание этого словаря 2012 года. По данным на 2006 год, список латинских аббревиатур, употребляющихся в китайских СМИ, содержал почти 3 тыс. единиц [Чжунго юйянь 2007. Т. 2, с. 048–127]. Степень фонетической китаизации буквенных слов (или буквенных частей слов) зависит прежде всего от уровня образования говорящего и степени его знакомства с английским языком. Одно и то же слово разные люди читают по-разному — с добавлением или без добавления гласных после согласных, с разными тонами китайских слогов, которые произносятся вместо латинских согласных, и т. п. Превратившись в существительные, буквенные слова, в том числе заимствованные, распределяются по семантическим классам и употребляются с соответствующими классификаторами, например 一封 SMS *ифэн SMS* (一 *и* «один» + 封 *фэн* — счетное слово для писем + SMS) — «одно сообщение SMS»; мо-



Словари неологизмов регулярно издаются в период «реформ и открытости», когда в китайском языке появилось много заимствованных слов

гут присоединять показатель множественности 们 *мэнь*; в глагольном варианте употребляться с видо-временным показателем 了 *-ла* [Маркина 2006; Маркина 2008]. Обзор лексики китайского Интернета см. также [Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 289–306].

Местные заимствования и смешанные языки

Возвращаясь к локальным процессам языкового взаимодействия, отметим, что они характерны не только для Тайваня и Гонконга, но также для других районов Китая, которые становились перекрестками торговых потоков, транспортными узлами, пограничными зонами. В Синьцзяне в язык местных китайцев вошли уйгурские и исламские арабские слова. В общекитайском масштабе русские заимствования периода интенсивного китайско-советского сотрудничества 1950–1960-х годов почти не сохранились. Тем не менее в Харбине, который был основан в 1898 году в связи с постройкой Россией КВЖД и стал после 1917 года одним из центров русской эмиграции, некоторые заимствования из русского языка («хлеб», «печь», «машина») употреблялись в прошлом и употребляются в настоящее время наряду с маньчжурскими и корейскими словами [Ши Ювэй 2003]. Точно так же на юге, в крупных портовых городах Шанхае (группа диалектов У) и Гуанчжоу (Кантон, группа диалектов Юэ) с активной колониальной составляющей в прошлом, есть местные заимствования из английского языка. Крупнейший портовый город Сямынь (Амой) входит в ареал далеко отстоящих от пекинского диалектов Минь. С одной стороны, в XIX в. из Сямыня экспортировали на Запад разные товары, прежде всего чай, поэтому само слово «чай» (англ. *tea*) отражает местное произношение этого китайского слова в диалектах Минь (в пекинском — 茶 *ча*). С другой стороны, в Сямыне, а также в соседних прибреж-

ных Чжанчжоу и Цюаньчжоу употребляется ряд заимствований из малайского языка [Ши Ювэй 2003, с. 144–145]. В китайских диалектах группы Юэ, распространенных на территории современных провинций Гуанси и Гуандун, встречаются слова из тайских языков, появление которых обусловлено субстратными явлениями — переходом местных тайских народов на китайский язык [Яхонтов 1966б; Yue-Hashimoto 1976; Ши Ювэй 2003, с. 61–62].

Помимо заимствований в районах интенсивного взаимодействия с другими народами появляются особые смешанные языки. Так называемые пиджины возникают при общении друг с другом людей, которые в обычной жизни используют в качестве родного разные языки. Пиджины характеризуются сравнительно бедной лексикой, но в отличие от просто ломаного языка в устах иностранца имеют свои особые грамматические правила; ср. термин *中式英语 чжунши инъюй, Chinglish*, который употребляется в современном Китае для обозначения получившего в последнее время распространение ломаного английского языка. Этимология же слова «пиджин» не вполне ясна. По одной из версий, оно возникло как раз в Китае и восходит к английскому слову «бизнес» в произношении носителей кантонского диалекта в ареале Гонконг — Макао — Кантон (Гуанчжоу), где сложились исторически наиболее ранние формы китайско-английского пиджина [Masini 1993]. В китайском языке в значении «пиджин» используется особое слово — *洋泾浜 янцзинбан, 洋泾浜话 янцзинбанхуа* «говор *янцзинбан*». Оно восходит к названию реки Янцзинбан в Шанхае, которая с 1845 года служила границей английской, позже — французской и объединенной англо-американской концессии. С китайской стороны к реке примыкали торговые и развлекательные кварталы, в которых использовался китаизированный английский язык. К концу XIX в. в нем сформировалось произношение английских слов, отражающее фонетику шанхайского диалекта, вместе с особой лек-

сикой и грамматикой. Так, при английских числительных употреблялся — по китайскому образцу — классификатор, восходящий к английскому слову *piece* «кусок»: *to pisi man* (*two + piece + man*) «два человека». Еще в XIX в. были напечатаны материалы по языку *янцизинбан*, в частности, издан *янцизинбан-английский справочник* [Ши Ювэй 2003, с. 178]. Возможно, некоторые слова в шанхайском языке *янцизинбан* были привнесены в него из более раннего китайско-английского языка, возникшего на базе кантонского диалекта.

Еще один пиджин, китайско-русский, существовал на Дальнем Востоке предположительно с XVIII в. Он возник в пограничной с Монголией Кяхте, когда та после заключения русско-китайского Кяхтинского договора в 1728 году стала центром торговли с Китаем, и поначалу назывался «кахтинским китайским наречием русского языка» или «маймачинским наречием». Впоследствии русско-китайский пиджин распространился далее на восток, вдоль границы и по линии КВЖД после ее постройки. Особенности русско-китайского пиджина отображены в полевых записях, которые сделал в 1929–1930 годах А. Г. Шпринцин. Кроме того, существовали особые разговорники, печатавшиеся литографическим способом, где произношение (не побуквенное написание, а именно произношение) русских слов передавалось при помощи иероглифической «транскрипции». В результате, как это обычно бывает при адаптации в китайском языке заимствований из неслоговых языков, в русских словах либо не обозначались некоторые согласные, либо между согласными появлялись дополнительные гласные. Те же явления наблюдались в устной речи: китайцы говорили *капуса* вместо «капуста», *гулугому* вместо «кругом» и т. п. Некоторые варианты произношения русских слов отражали особенности северо-восточных китайских диалектов, которые, в свою очередь, частично восходят к диалектам провинции Шаньдун. Так, первый иероглиф 沙, используемый при транскрибировании русского слова

«сахар», читается *ша* по-пекински, но *са* на северо-востоке (как, впрочем, во многих других диалектах по всему северному Китаю). Встречаются в китайско-русском пиджине также смешанные слова, состоящие из русской и китайской части: *субу-тан* — рус. «суп» + кит. 汤 *тан* «суп»; *леба-гар* — рус. «хлеб» + кит. 干儿 *гар* «сухой». Основу лексики в целом составляют обиходные русские слова, в том числе из сибирских диалектов. Словоизменение полностью отсутствует, каждое русское слово, будь то глагол, существительное, местоимение или прилагательное, имеет только одну форму. Отсутствуют также и предлоги. Строй предложения скорее китайский, с твердым порядком слов [Шпринцин 1968; Шпринцин 1972; Шапиро 2009].

В отличие от пиджинов креолизованные языки становятся для своих носителей родными. Выше уже упоминался особый вариант португальского языка (*lingual de Macao, Macanese*), на котором до сих пор говорят и пишут, в том числе пьесы, потомки от смешанных браков когда-то переселившихся в Макао португальцев [Хуан И 2007, с. 113–131]. Креолизованный язык зафиксирован также в двух деревнях под названием Утунь, расположенных в тибетских районах восточного Цинхая. В речи местных жителей преобладают утратившие тоны китайские слова, наряду с китайской лексикой употребляется тибетская и монгольская, в то время как в грамматике обнаруживаются характерные черты алтайских языков [Чэнь Найсюн 1989; Чэнь Найсюн 1982]. Заметим при этом, что исследование морфологии и синтаксиса смешанных языков с китайской составляющей в отличие от исследований структуры заимствований — явление достаточно редкое в мировой синологии. Ср. также синтаксические особенности так называемого «европеизированного *байхуа*». Он существовал в период после «движения 4 мая» 1919 года, когда в китайский язык, особенно в переводах, стали проникать грамматические структуры европейских языков [Зограф 2009].

Китаеязычные мусульмане хуэйцзу: сино-исламские языковые контакты

Особое направление исследований, связанное с контактами, — язык и письменные традиции китаеязычных мусульман 回族 хуэйцзу. К современным исламским народам Китая относятся прежде всего ряд тюркоязычных, самый многочисленный из которых, уйгуры, насчитывает, по результатам переписи 2000 года, 8,4 млн человек [Баженова 2010, с. 112–114]. Ислам исповедуют также малые народы, говорящие на монгольских языках (баоань и дунсяны), и небольшие ираноязычные группы. Мусульмане хуэй (回回, 回族 хуэйхуэй, хуэйцзу) официально считаются одним из малых народов КНР, говорящим на китайском языке. Их общая численность — 9,8 млн человек, что составляет 48% исламского населения страны [Баженова 2010, с. 112–114]. Хуэйцзу живут в разных местах, прежде всего (но не только) в образованном в 1958 году Нинся-Хуэйском АО. Как правило, они говорят на тех же диалектах китайского языка, что и окружающее ханьское население, и в той или иной степени — в зависимости от уровня образования — грамотны иероглифически. Один из немногих районов, где диалекты китаеязычных мусульман несколько отличаются от местных китайских диалектов, — Синьцзян, который лишь во второй половине XVIII в. после завоевания этой территории Китаем стал заселяться выходцами из разных, преимущественно из северо-западных, внутренних районов страны. Мусульмане, живущие рядом с другими нацменьшинствами, могут говорить не только на китайском, но также и на языках этих народов.

Неоднородность языка хуэйцзу обусловлена не только различиями между китайскими диалектами, на которых они говорят (такая же неоднородность, например, обнаружена в манихейских текстах, переведенных на китайский

язык [Алексанян 2008]), но также неодинаковым происхождением групп китайских мусульман. Ислам впервые проник в Китай при династии Тан. Он шел по двум не связанным друг с другом направлениям — по Великому шелковому пути на северо-западе и юго-восточному морскому. В 742 году с разрешения императора Сюаньцзуна в находившемся на Великом шелковом пути столичном городе Чанъань (совр. Сиань) была основана действующая в наши дни Большая сианьская мечеть (西安清真大寺 *Сиань цинчжэнь дасы*). Одновременно в портовых городах юго-восточного Китая начали селиться арабские и персидские торговцы. Позже, при монгольской династии Юань, многочисленные представители исламских народов добровольно или принудительно переселились на территорию Китая, занимали второе место в общественной иерархии после монголов и использовались на высоких государственных должностях [Ху Юньшэн 2005; Хань Чжунъи 2005].

Точное значение этнонима 回 *хуэй* не установлено. Слово 回鶻 *хуэйгу* использовалось в период династии Тан как название уйгуров. Известно также, что этноним *хуэй* (回回 *хуэйхуэй*) был зафиксирован до начала монгольского правления в письменных источниках, датированных династией Северная Сун (960–1127). Тогда он употреблялся в качестве общего названия для ряда народов, обитавших в пределах современного северо-западного Китая, вне зависимости от их вероисповедания. Начиная с эпохи Юань и вплоть до середины XX в. слово *хуэйхуэй*, напротив, ассоциировалось с любыми исламскими народами и исламом вообще (ср., однако, современные термины 伊斯兰 *исылань*, 伊斯兰教 *исыланьцзяо* «ислам», 穆斯林 *мусылинь* «мусульманин», «мусульманский»). На китайский язык разные по своему происхождению группы мусульман перешли уже после завершения монгольского правления, в конце следующей династии Мин. Тем не менее только в КНР этноним *хуэй*, *хуэйцзу* («национальность *хуэй*») был офици-

ально соотнесен исключительно с теми мусульманами и их потомками от смешанных браков, которые употребляют китайский язык в качестве родного [Ху Чжэньхуа 1989; Цзинь Сяоцзин 1989; Ху Юньшэн 2005]. По-видимому, случайно и неофициально термин *хуэй* до сих пор сохранился в отношении небольшой некитаеязычной группы — хайнаньских чамов (кит. 佤 *чжань*), которые насчитывают несколько тысяч человек, исповедуют ислам и говорят на одном из языков австронезийской семьи [Ни Дабай 1988].

В исламском образовании, в различных переводах Корана и других исламских текстах, а также в определенной степени в каждодневной речи *хуэйцзу* используют особый литургический язык *经堂语 цзинтаньюй*. В этом языке употребляются арабские и персидские слова и даже — как в буддийских или манихейских текстах — элементы некитайской грамматики, которые возникают в результате буквального перевода с арабского языка на китайский [Цзинь Хуэй 1988; Ми Шоуцзян 2004, с. 61–63, 96–97; Хай Фэн 2007]. На протяжении столетий китаеязычными мусульманами были созданы памятники двух основных типов.

Первый — это неоднократно описанные в литературе иероглифические тексты. Арабские и персидские термины — как и вообще заимствования в китайском языке — представлены в этих текстах в иероглифической записи и могут варьировать в разных памятниках и по регионам. Ср., например, для слова «ислам» упомянутый выше общеитайский термин *исылань* (*исыланьцзяо*) и вариант 伊斯俩目 *исыляму* (伊斯俩目教 *исылямуцзяо*), употребленный в пособии, изданном мечетью Бэйгуань в Синине. Иероглифическая интерпретация и произношение исламских терминов в литургической традиции пекинских мусульман может, в частности, свидетельствовать о южных (кантонских) корнях местного ислама [Wexler 1976]. Некоторые исламские заимствования, издавна существующие в иероглифической форме, уже утратили в Китае связь с

исходными терминами. Так, слово *kaydānī* (*кайдāнī* 開達尼, 愷達尼) «кайданитский» до последнего времени ассоциировалось у китайских мусульман (и вслед за ними у японских исследователей китайского ислама) не с именем суннитского богослова аль-Кайдāнī (*al-Kaydānī*), к которому оно в действительности восходит, а с нарицательными корнями разного значения. Ср., однако, недавно появившуюся публикацию, посвященную аль-Кайдāнī и его учению [Ху Лун 2007].

Второй тип памятников, до последнего времени почти неизвестный за пределами сино-мусульманского мира, — это особые алфавитные тексты на китайском языке, записанные арабскими и персидскими буквами, о которых подробнее пойдет речь ниже, в разделе об алфавитах для китайского языка. На северо-западе Китая — в ареале Великого шелкового пути и Центральной равнины Чжунъюань, где соответствующая традиция скорее всего и возникла, — такие алфавитные тексты называются *сяоцзин* (при разной смысловой и иероглифической интерпретации этого термина: 小经 «малый канон», 消经 «усвоенный канон»; иногда в качестве названия этой письменности как раз использовали слово *кайдāнī*). За пределами северо-запада — в Пекине и провинции Хэбэй, в Юньнани — этот же термин известен не только как 小儿经 *сяоэрцзин* («малый канон»), но чаще как 小儿锦 *сяоэрцзинь* (в иероглифической интерпретации — специальная вышивка для младенцев). Одно из новейших гипотетических истолкований термина *сяоцзин* с учетом некоторых особенностей китайских северо-западных диалектов — 学经 *сюэцзин* «учебный канон», то, чему учит мулла в мечети [Хань Чжунъи 2005].

Особое направление сино-исламских исследований, которое имеет отношение одновременно к России и Китаю, — изучение изменений лингвокультурных приоритетов тех *хуэйцзу*, которые после подавления в 1862–1877 годах мусульманского восстания в северо-западном Китае

переселились на территории, входившие позже в состав бывшего СССР. В результате и без того лингвистически неоднородные китайские мусульмане оказались дополнительно разделенными на две группы — собственно китайскую и среднеазиатско-казахстанскую (дунганскую). Дунгане и поныне живут в Киргизии, Казахстане и отчасти Узбекистане отдельными селами и в крупных городах при общей численности приблизительно 110 тыс. человек [Юсупов 2001; Хай Фэн 2003, с. 1].

В СССР в процессе национально-государственного размежевания в Средней Азии, инициированного в 1924 году, в качестве официального наименования для китаезычных мусульман был выбран этноним «дунгане» (东干 *дунгань*). Первоначально он возник в Кашгарии и Джунгарии после их завоевания цинским Китаем и образования в 1759 году китайской провинции, которая стала именоваться Синьцзян (新疆, «Новая граница»). Во внутреннем Китае слово *дунгань* не было известно. В Синьцзяне оно появилось в качестве названия (но не самоназвания) тех *хуэйцзу*, которые были массово переселены из провинций Ганьсу и Шэньси в качестве военных поселенцев — главным образом в 1764 году во время образования Илийского генерал-губернаторства с центром в Кульдже. Существует несколько версий происхождения слова «дунгане». По одной из них, оно имеет тюркское происхождение. По другой, недавно предложенной профессором Синьцзянского университета Хай Фэн, слово *дунгань* восходит к китайскому слову 屯垦 *тунькэнь* — «военные поселения пограничных земель», — широко распространенному в Синьцзяне в период его освоения цинским Китаем [Хай Фэн 2005].

Самоназвание дунган бывшего СССР и поныне такое же, как у китайских мусульман КНР, — 回回 *хуэйхуэй*, 回民 *хуэймин*, 老回回 *лохуэйхуэй* («почтенные мусульмане»; дунганские примеры приведены в кириллической си-

стеме, которой до сих пор пользуются дунгане бывшего СССР). Свой язык они, соответственно, именуют «языком народности хуэй» (回族语言 хуэйзү йүян); см., например, «Газету народности хуэй» (回民报 Хуэймин бо), издающуюся в Киргизии. Некоторые дунгане бывшего СССР называют себя 中原人 жун-ян жын («люди Центральной равнины»), и это не случайно. Два основных дунганских диалекта (ганьсуйский и шэньсийский) восходят к китайским диалектам южной части провинции Ганьсу и западной части долины Гуаньчжун в провинции Шэньси. Тем самым они относятся к той недавно выделенной подгруппе современных северных диалектов китайского языка, которая протянулась полосой вдоль Великого шелкового пути от Синьцзяна на западе до Центральной равнины Чжуньюань на востоке. В китайских работах эта подгруппа так и называется — «подгруппа 中原 Чжуньюань». Помимо ганьсуйского и шэньсийского у дунган имеются еще по меньшей три диалекта — цинхайский, именуемый по соответствующей китайской провинции, а также диалекты дунми (разновидность шэньсийского) и ягы. Последний обнаруживает некоторые признаки, сближающие его с диалектами Иньчуаня (Нинся-Хуэйский АР).

Большая часть дунган, переселившихся на территорию бывшего СССР, были почти неграмотны иероглифически и отчасти, особенно муллы-ахуны, владели системой сяоцзин (А. Калимов показывал автору настоящей работы письмо, написанное в системе сяоцзин и присланное советскому дунганину родственниками из Синьцзяна в 1950-е годы). В 1928 году группой дунганских студентов в Ташкенте была экспериментально предложена арабографичная письменность на основе системы сяоцзин. Первый латинский алфавит появился в том же 1928 году, его усовершенствованный вариант относится к 1932 году. Кириллическая письменность для дунганского языка была разработана и официально принята в 1950-е годы. На ос-

нове одного из диалектов, ганьсуйского, был сформирован дунганский литературный язык. С использованием сначала латиницы и затем кириллицы создана обширная дунганская литература, в том числе художественная, научная, справочная, учебная, лексикографическая.

До настоящего времени в дунганском языке сохраняются арабские и персидские слова, привнесенные еще из Китая: *кафыр* (араб. *kāfir*) «неверующий, неверный», *разы* (араб. *rādi*) «довольный, согласный», *ахырэти* (араб. *akhi-rah*) «конец света», *абдэс* (перс. *ābdast*) «малое омовение», *ахун* (перс. *āhund*) «учитель, мулла». Как синьцзянские китайцы, так и дунгане употребляют сравнительно небольшое количество заимствований из языков окружающих тюркских народов. Уже в Российской империи и затем в СССР у дунган появились заимствования из русского языка. Число наиболее часто употребляющихся русских слов — примерно 250, на письме они обычно сохраняют свое исходное русское написание [Хай Фэн 2003, с. 432–441]. В устной речи степень «силлабизации» русских слов в соответствии с фонетическими законами дунганского языка зависит — как и в случае со степенью «китаизации» английских буквенных и иных слов в современном китайском языке — от уровня образования говорящего.

В КНР первый сборник «проиероглифированных» дунганских материалов, посвященных языку и письменности, был опубликован в связи с лингвистической реформой 1950-х годов [Ду Суншоу 1959]. Новые работы о дунганском языке (он так и называется в китайских изданиях — 东干语 *дунганьюй*) появились лишь в 1980-х годах. В 2003 году в Китае одновременно вышли две монографии, написанные диалектологом-китайцем профессором Линь Тао и мусульманкой профессором Хай Фэн из Синьцзянского университета. В последней чрезвычайно подробной работе учтены как материалы и исследования, изданные непосредственно в Киргизии и Казахстане, так

и публикации, подготовленные синологами Москвы и Ленинграда с учетом более широких представлений о китайском языке и его диалектах [Линь Тао 2003; Хай Фэн 2003].

До начала перестройки в Советском Союзе и реформ в Китае дунгане бывшего СССР были ориентированы в лингвокультурном отношении прежде всего на Россию и русский язык. Связи дунган с китаеязычными мусульманами Китая были минимальными. В дунганских лингвистических работах подчеркивалась «особость» дунганского языка, его отличия (фонетические, лексические, грамматические) от 普通话 *путунхуа*, с одной стороны, и наличие русских заимствований и даже структурной близости с русским языком — с другой. Одно из наиболее заметных фонетических отличий дунганского языка от *путунхуа*, которое обычно приводится в лингвистических работах, — наличие в ганьсуйском диалекте трех тонов вместо четырех, характерных для пекинского диалекта и *путунхуа*. Между тем, во-первых, различие между пекинским первым и вторым тонами отсутствует в дунганском ганьсуйском диалекте только в позиции перед паузой, но не перед другим слогом; во-вторых, аналогичная модель различения тонов характерна также для многих собственно китайских диалектов, в том числе для северо-западных [Завьялова 1973; Лю Лили 2006]. В постсоветских изданиях о дунганском языке, напротив, дунгане всячески подчеркивают свои китайские корни. Термин 回族 *хуэйзү* вместо термина «дунгане» употребляется в работах не только на дунганском, но также и на русском языке. Сотни молодых дунган едут на учебу в высшие учебные заведения КНР. Идет дискуссия о возможности и необходимости изучения иероглифической письменности и *путунхуа* дунганскими школьниками. Постепенно термины из *путунхуа* начинают вытеснять слова, ранее заимствованные дунганцами из русского языка.



ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Уникальная система письменности, зародившаяся в Китае по меньшей мере три с половиной тысячи лет назад, активно используется и в наши дни. Современное «иероглифическое пространство» Азии — его также называют «конфуцианским» — охватывает те страны и регионы, где говорят по-китайски: континентальный Китай, Гонконг, Макао, Тайвань, а также Сингапур и другие страны Юго-Восточной Азии, в которых издавна живут китайские эмигранты и их потомки. В это же пространство попадают Япония и Южная Корея, где китайские иероглифы до сих пор употребляются в современных текстах на японском и корейском языках наряду с национальными алфавитами. Китайские иероглифы использовали в прошлом и до сих пор используют в прикладном искусстве вьетнамцы. Дополнительные перспективы перед древней письменностью открывает успешное преодоление ею «компьютерного барьера». Население «иероглифического» ареала Азии составляет не менее 1,4 млрд человек.

В ориентированном на китайскую цивилизацию конфуцианском пространстве Восточной Азии иероглифы веками воспринимались как главный символ престижной культуры Поднебесной. Важнейшим искусством в «иеро-



Студия современного каллиграфа. Кисть, тушь, бумагу и тушечницу называют «четыре драгоценности кабинета ученого»

глифических» странах всегда была каллиграфия — она издавна идет рука об руку с традиционной живописью и поэзией, широко используется в прикладном искусстве, в наше время — в дизайне и рекламе. Образцы каллиграфии знаменитых художников или известных людей можно увидеть над входами в храмы, в павильонах дворцов и парков, на памятных стелах. Создатель КНР Мао Цзэдун говорил, что письменность «при определенных условиях должна быть реформирована». Но он же, подобно императорам и другим именитым людям прошлого, сочинял классические стихи и оставил потомкам многочисленные каллиграфические надписи, которые ежедневно воспроизводятся в виде заголовков «Жэньминь жибао» («人民日报») и других общенациональных газет, запечатлены на камне в тех местах, где побывал Мао Цзэдун. Кисти реформатора Дэн Сяопина принадлежал заголовок экономического издания «Цзинцзи цанькао бао» («经济参考报»). Как и его предшественники, большим любителем каллиграфии был председатель КНР Цзян Цзэминь, в частности, написавший иероглифы для вывески нового музея письменности в городе Аньян.

Изысканный почерк не только существенно улучшает имидж руководителя высокого уровня, но также способствует карьере любого человека, в том числе в ходе сдачи

различного рода квалификационных экзаменов. Частью общей политики возрождения культуры стали в Китае соревнования городского, провинциального и общенационального масштаба, в которых принимает участие множество каллиграфов разного возраста и уровня мастерства. Выставки каллиграфии проводятся в центральных и региональных музеях. В июне 2011 года в КНР вступил в силу закон об охране нематериального культурного наследия. В соответствии с этим законом государство осуществляет экспертизу, регистрацию и каталогизацию соответствующих объектов, в том числе связанных с языком и письменностью, занимается их пропагандой и распространением. К драгоценному нематериальному наследию при этом относят не только классические, но также любые другие письменные памятники и варианты письменных знаков.

Истоки китайских иероглифов

Традиционная версия происхождения и развития иероглифов была изложена в словаре «Шо вэнь цзе цзы» («说文解字», «Объяснение простых и рассечение сложных знаков», сокращенно «Шо вэнь»), составленном Сюй Шэнем на рубеже первого и второго столетий нашей эры. Зарождение китайской письменности Сюй Шэнь связывает с именами мифических правителей Фуси и Шэньнуна: первый создал восемь триграмм (八卦 *ба гуа*), второй использовал для передачи сообщений узелки. Создание собственно письменных знаков — иероглифов — и в словаре «Шо вэнь», и в других источниках приписывается летописцу мифического императора Хуанди — Цанцзе, который изобрел иероглифы, увидев следы птиц и зверей на земле. По другой версии, Цанцзе сам был императором с четырьмя глазами и лицом дракона, знавшим иероглифы от рождения [Чжу Миньшэн 1998, с. 21–34; Ху Шуанбао



Мастер каллиграфии демонстрирует свое искусство в Доме-музее писателя Лу Синя (Шаосин в провинции Чжэцзян)

2008, с. 8–11; Дун Кунь 2007, с. 3–7]. Многочисленные изображения-пиктограммы и символы, чем-то похожие на письменные знаки, обнаружены на китайской неолитической керамике, но отождествить эти знаки с теми или иными иероглифами до последнего времени не удавалось. В 2000 году в китайских средствах массовой информации появилось сообщение о том, что семь изображений на керамическом сосуде, относящемся к неолитической культуре Давэнь-

коу (современный уезд Цзюйсянь провинции Шаньдун), определены как иероглифы. Основным же достоверным источником сведений о древней китайской письменности по-прежнему служат памятники двух групп.

Первая группа — это 甲骨文 *цзягувэнь*, преимущественно гадательные по своему содержанию надписи, которые были выцарапаны или реже написаны на черепашьих панцирях и костях крупного рогатого скота. Большая часть «иньских надписей» датируется последним периодом династии Шан — Инь (XVI–XII/XI вв. до н. э.). Он наступил после того, как правитель Пань Гэн в 1300 г. до н. э. перенес столицу из города Янь (Цюйфу в современной провинции Шаньдун) в город Инь, расположенный в северной части провинции Хэнань. В этих местах, в районе деревни Сяотунь неподалеку от города Аньян, крестьяне издавна находили «драконьи кости» 龙骨 *лунгу*

с таинственными знаками и, не догадываясь о научной ценности своих находок, использовали их для приготовления лекарств. Только в 1899 году обломки «драконьих костей» вместе с лекарством попали в руки образованного человека — Ван Ижуна (1845–1900), который возглавлял Высшее государственное училище (国子监 *Гоцзыцзянь*) и распознал в непонятных, иногда напоминающих детские рисунки знаках древнейшие иероглифы. На территории современных провинций Шэньси, Шаньси и Хэбэй было найдено небольшое количество более поздних *цзягувэнь*, относящихся к следующей династии Чжоу (XII/XI–III вв. до н. э.). В 2003 году на раскопках Дасиньчжуан в городе Цзинань (административный центр провинции Шаньдун) были впервые обнаружены четыре самых ранних образца *цзягувэнь*, относящихся к доиньскому периоду эпохи Шан [Бунаков 1935; Крюков 1973; Дун Кунь 2007, с. 29–32].

Открытие Ван Ижуна положило начало коллекционированию и научному изучению «иньских надписей», в котором принимали участие известные ученые и просто собиратели древностей, в том числе из западных миссионеров. Сводные публикации конца 1970-х — начала 1980-х годов, изданные в КНР, включали 41 956 образцов *цзягувэнь*. Число неодинаковых иероглифов оценивалось в этих публикациях приблизительно в 4500, примерно треть знаков удалось расшифровать. Общее число *цзягувэнь*, обнаруженных после их открытия в 1899 году, превышает к настоящему времени 100 тыс., эти образцы содержат в общей сложности от 4600 до 4700 неодинаковых иероглифов. Примерно 1800 знаков были отождествлены с современными иероглифами и тем самым расшифрованы [Дун Кунь 2007, с. 32].

По своей форме и структуре иньские иероглифы значительно отличаются от современных. Их дешифровка стала возможной благодаря сравнению с другими, более поздними памятниками. Значительное место в иньской



Древнейшие иероглифические надписи на костях и черепаховых панцирях — *цзягувэнь*

письменности занимают иероглифы, восходящие к символам и изображениям, которые в современном китайском языке составляют всего 10% от общего числа частоупотребительных знаков. Еще одна особенность *цзягувэнь* — сравнительно большое количество так называемых заимствованных знаков категории 假借 *цзяцзе* (о категориях иероглифов подробнее пойдет речь ниже в этой же главе), использовавшихся для записи корней с тем же звучанием, но другим значением. Широкое употребление в древности заимствованных

знаков могло положить начало формированию слогового фонетического письма, аналогичного тем его видам, которые впоследствии возникли в Японии на основе китайских иероглифов. В Китае же «заимствованные» иероглифы были в массе вытеснены знаками фоноидеографической категории, отличающимися от заимствованных добавлением смысловой части — ключа. В результате в современном китайском языке фоноидеограммы, которые составляли всего 27,27% в иньский период, охватывают более 80% частоупотребительных иероглифов [Карапетьянц 1981б; Готлиб 2006].

Вторая группа древнекитайских письменных памятников — надписи на бронзе 金文 *цзиньвэнь* (другое на-



Иероглифы на ритуальных
бронзовых изделиях эпохи Чжоу

звание — «надписи на колоколах и треножниках» 钟鼎文 *чжундинвэнь*), самые ранние из которых также датируются поздней эпохой Шан — Инь [Крюков В. М. 2000, с. 99]. Период расцвета ритуальной бронзы — эпоха Западная Чжоу (XII/XI в. до н. э. — 771 г. до н. э.) со столицей в районе современного города Сиань — административного центра провинции Шэньси. В традиционной историографии иероглифы этого периода получили название 大篆 *дачжуань* («[знаки] большой печати») или 籀文 *чжоувэнь* («письменность [историографа] Чжоу»). Нача-



ло коллекционированию и изучению надписей на бронзе и камне было положено при династии Сун (960–1279). Сводные публикации 1980-х годов в КНР содержали 3902 надписи, количество дешифрованных знаков в этих надписях — 2420, количество непрочитанных знаков — 1352. Опубликованная в 2001 году коллекция надписей на бронзе эпох Шан — Инь и Западная Чжоу включает 18 тыс. надписей. В целом признаки, характерные для современного китайского письма, были присущи иероглифам вплоть до V в. до н. э. лишь частично. Письменный знак в этот период далеко не всегда был равен слову и слогу. Иероглифы соседствовали с близкими им графически рисунками и орнаментами. Каждый иероглиф имел много вариантов, количество и набор черт при написании одного и того же знака могли варьировать. С одной стороны, сложные иероглифы часто были неразложимы на составные простые элементы, с другой — имелись случаи слитного написания разных иероглифов [Карапетьянц 1977; Крюков В. М. 2000; Дин Кунь 2007, с. 37–41].

При династии Восточная Чжоу на смену единой иероглифической письменности предшествующего периода пришли региональные варианты. Расхождения наметились уже с середины эпохи Чуньцю (770–476 гг. до н. э.) и стали особенно заметны в период «Борющихся царств» — Чжаньго (475–221 гг. до н. э.). На западе, в государстве Цинь, сохранялась архаичная разновидность иероглифов *чжоувэнь* (*дачжуань*). В восточных государствах появилась более простая иероглифическая система, которая в послесловии к словарю «Шо взнь» названа «древним письмом» (古文 *гувэнь*). Письменность восточных государств также не была единой. Свои особые варианты иероглифов имелись в южном государстве Чу, восточном Ци, а также в государствах Центральной равнины и Северного Китая. Письменность периода Восточная Чжоу представлена не только надписями на

бронзе, но также и другими памятниками. Считается, что ее циньский вариант *чжэуэнь* сохранился в виде надписей на каменных барабанах (石鼓文 *шигуэнь*). К эпохе Чжаньго относится самый древний сохранившийся текст на шелке, он был найден на территории государства Чу. В захоронениях этого периода обнаружены также древнейшие надписи на вертикальных бамбуковых планках. Знак, к которому восходит современный иероглиф 册 *цэ* «том», встречался уже в иньских надписях и представ-



Надпись на правой колонне выполнена в стиле сяочжуань

лял собой изображение таких планок — деревянных или бамбуковых.

Переломный момент в развитии китайской письменности — ее унификация и реформа — наступил после объединения Китая государством Цинь (221–207 гг. до н. э.). По указу императора Цинь Шихуана от 213 г. до н. э. были не только уничтожены древние философские и исторические сочинения, но также выведены из употребления все варианты иероглифической письменности побежденных государств. На смену региональным вариантам в качестве стандартного был введен циньский вариант иероглифов 小篆 *сяочжуань* («малая чжуань», «[знаки] малой печати»), который сохранился на бронзовых и керамических сосудах, бамбуковых планках, монетах; о структуре иероглифов *сяочжуань* см. [Березкин 2003].

С эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) на основе циньского варианта письма начала складываться та его форма, которая существует в Китае в настоящее время и называется 汉字 *ханьцзы* «ханьские знаки». При династии



Редкая надпись в древнем стиле дачжуань в храме Юйфосы в Шанхае

Хань в Китае появилась бумага. Ее ранние образцы археологически датируются правлением императора Уди (на троне в 140–86 гг. до н. э.), но в китайской традиции изобретение бумаги относят к гораздо более позднему времени — рубежу I и II вв. — и приписывают придворному сановнику Цай Луню (50–121). Бумага изменила технику письма и способствовала его более широкому распространению, хотя вплоть до III в. по-прежнему использовался более дорогой традиционный шелк [Меньшиков 2005, с. 10–15]. Уже при Цинь наряду с официальным почерком *сяочжуань* употреблялся упрощенный канцелярский почерк 隶书 *лишу* («деловое письмо»), формирование которого началось еще в период Чжаньго. В эпоху Хань «деловое письмо» вытеснило *сяочжуань* и стало стандартным. Именно почерком *лишу* были восстановлены древние книги, уничтоженные Цинь Шихуаном. В конце Хань на основе *лишу* возникла та графическая форма иероглифов, которая окончательно сложилась и получила распространение в эпоху Южных и Северных династий (Наньбэйчао, 420–589) под названием «правильного» / «истинного» письма (正书 *чжэньшу* / 真书 *чжэньшу*). Оно сохранилось до нашего времени в качестве «уставного» («образцового») почерка 楷书 *кайшу*. На очень раннем этапе, уже с III в. до н. э., наряду с *лишу* употреблялся скорописный почерк 草书 *цаошу* («травяное письмо» или «письмо, [похожее на спутанную] траву»). При династии Хань появилось также «ходовое письмо» 行书 *синшу*, однако окончательно оно сформировалось под влиянием искусства великих каллиграфов последующих эпох [Сторожук 2002; Дун Кунь 2007, с. 63–107; Ху Шуанбао 2008, с. 59–102].

В настоящее время существует пять основных почерков (стилей письма), которым соответствуют термины 楷书 *кайшу*, 行书 *синшу*, 草书 *цаошу*, 隶书 *лишу* и 篆书 *чжуаньшу* (включая 大篆 *дачжуань* и 小篆 *сяочжуань*). Первые три почерка используются и в каллиграфии, и в

повседневной жизни. *Кайшу* употребляется в типографских и компьютерных шрифтах, а также как образцовый почерк в обучении, *синишу* — как обиходный почерк для писем, счетов, *цаошу* — обычно в личных записях. Два других почерка — *лишу* и *чжуаньшу* — сохраняются только в каллиграфии. Форма *сяочжуань* обычно используется на печатях, реже в современной каллиграфии встречается более архаичная форма *дачжуань*.

Два музея письменности в городе Аньян

Первый из двух аньянских музеев, посвященных письменности, был открыт в 1961 году там, где были обнаружены *цзягувэнь*, — на месте многолетних раскопок городища Инь (殷墟 Иньсюй), начатых в 1928 году. Археологи обнаружили в районе деревни Сяотунь (ее переселенные с места раскопок обитатели живут сейчас рядом с музеем в специально построенных домах) 80 фундаментов из утрамбованной земли и глины. На них в древности стояли дворец, храмы для поклонения предкам, жертвенные алтари, мастерские. Рядом находились захоронения царей и заживо погребенных вместе с ними советников, воинов, наложниц и слуг. Там же были найдены древние «архивы» — ямы, в которые жрецы после использования складывали черепашьи панцири и кости крупного рогатого скота со сделанными на них надписями. Сейчас остатки древнего города заботливо укрыты от воздействия стихии: над ними возведены простые, но красивые павильоны в древнем стиле или стеклянные футляры, некоторые раскопы вновь бережно засыпаны землей. В 2006 году музей-парк Иньсюй (殷墟博物院 *Иньсюй бо 'уоань*) был объявлен ЮНЕСКО «всемирным культурным достоянием», в 2010 году его включили в список государственных археологических парков КНР.



Музей цзягуэнь, объявленный ЮНЕСКО всемирным культурным достоянием, создан на месте многолетних раскопок в городе Аньян провинции Хэнань

Раскопки не только подтвердили существование династии Шан — Инь, которую некоторые ученые считали мифической, но и продемонстрировали высокое мастерство и тонкий вкус древних литейщиков, резчиков по нефриту, оружейников, строителей. Множество аллей ведут от одного павильона над раскопами к другому. В залах музея, созданных глубоко под землей на уровне культурного слоя конца эпохи Шан — Инь, выставлены витрины с черепашими панцирями, лопатками и прочими костями крупного рогатого скота, испещренными надписями. В центре одного из залов — квадратный бронзовый ритуальный сосуд, самый большой из найденных в Поднебесной. Среди других экспонатов — бронзовые кубки и чаши размером поменьше, некоторые с иероглифами, изделия из нефрита, боевые колесницы. На одной из музейных табличек написано: «Среди четырех древнейших цивилизаций только китайская никогда не прерывала своего развития». Другая гласит: «Из трех древнейших письменных систем мира только *цзягуэнь*



*Первый в Китае музей, посвященный истории письменности,
открыт осенью 2009 года*

получили развитие в письменность, которая используется в наши дни».

Еще один музей — первый в Китае, посвященный истории письменности в целом (中国文字博物馆 *Чжунго вэньцзы бо 'угуань*), — был торжественно открыт в другой части того же города Аньян осенью 2009 года. Музей имеет общегосударственный статус и содержит в своей коллекции более 11 тыс. экспонатов. Трехъярусный главный павильон с крышей золотого императорского цвета и киноварными круглыми колоннами воспроизводит стиль эпохи Чжоу, пришедшей на смену эпохе Шан — Инь. При входе на территорию установлен золотой знак 字 *цзы* — «иероглиф», выполненный в стиле *цзягувэнь*. Внутри здания использованы достижения новейшей европейской техники: интерактивные панели, устройства для просмотра фильмов в форматах 3D и 4D. По замыслу его создате-

лей музей должен стать международным центром изучения и продвижения китайской письменности.

Экспонаты и целые отделы, имеющие отношение к письменности, есть также во многих других китайских музеях в разных концах страны. Среди них — знаменитый Шанхайский музей (上海博物馆 *Шанхай бо 'угуань*). В конструкциях его нового здания бетон, сталь и стекло воспроизводят древнекитайские представления о строении мира: круглое Небо возвышается над квадратной Землей и находящимся в ее центре Срединным государством (варвары обитают по углам квадрата и лишены покровительства небесных сил). В нескольких современных просторных залах с меняющейся подсветкой размещены уникальные коллекции: свитки и фарфор с образцами каллиграфии, изделия из бронзы, личные и официальные печати с иероглифами особого начертания, монеты. Одно из интересных мест в Пекине, где можно увидеть уникальные надписи в разном стиле, — живописный храм Чжэньцзюэсы (真觉寺), где в 1987 году был открыт музей резьбы по камню (北京石刻艺术博物馆 *Бэйцзин шикэ ишу бо 'угуань*). Этот и другие из числа 3200 старых и новых музеев Китая, многие из которых в разной степени имеют отношение к письменности, служат символом подчеркнутого уважения нынешней власти к культуре, ее творцам и носителям — интеллигенции.

Структура и классификация современных знаков

В алфавитных (фонетических) системах письменные знаки фиксируют звук (фонему), последовательность звуков или слог. Идеографическое письмо ориентировано на имеющие значение слова или морфемы. В китайском языке иероглиф соответствует слогоморфеме, которая равна

здесь не только слог, но почти всегда также значимой единице — морфеме (корню или аффиксу). В результате на письме один и тот же слог передается разными иероглифами, соотнесенными с разными слогоморфемами. Так, чтение *бань*¹ (*bān*) в пекинском диалекте и *путунхуа* имеют иероглифы 扳 «тянуть», 斑 «пятно», 搬 «передвигать» и т. п. В нормативном фонетическом словаре «Синьхуа цзыдянь» («新华字典», «Словарь иероглифов Нового Китая»), изданном в 1988 году, этому слогу в общей сложности соответствует девять корней и девять иероглифов на письме. В древнекитайском языке и основанном на нем *вэньяне* слово чаще всего состояло из одной морфемы и записывалось одним иероглифом. В современном языке слова могут состоять из одной, двух и более слогоморфем и записываются соответствующим количеством знаков, которые пишутся без пробелов независимо от границ между словами (пробелы между словами иногда встречаются в современной учебной литературе — очевидно, как результат влияния европейских языков).

В стандартном почерке *кайшу* каждый иероглиф вписан в воображаемый квадрат и строится из сравнительно небольшого набора так называемых черт. Выделяют до 30 таких черт, из них основными, официально утвержденными в КНР в 1964 году, являются пять: горизонталь —, вертикаль |, откидная влево /, точка ` (и откидная вправо ^), крюк ㇇. Черты иероглифа пишутся в строгой последовательности по отношению к другим чертам сверху вниз и/или слева направо. Структура (число, состав, последовательность черт) стандартно написанного иероглифа имеет принципиальное значение в различных системах расположения и поиска иероглифов в словарях и справочниках. Каждая черта пишется без отрыва кисти или иного орудия письма от бумаги. Черты в составе иероглифа пишутся слитно, без отрыва друг от друга, в скорописи *цаошу* и отчасти в «ходовом письме» *синшу*.

В каллиграфической «бешеной скорописи» 狂草 *куанцао*, которую очень трудно читать, сливаются не только черты внутри иероглифов, но также соседние знаки.

Первая классификация иероглифов, основанная на сопоставлении структуры знаков и значения соответствующих им морфем, появилась в эпоху Чжаньго и позже была описана Сюй Шэнем в его словаре «Шо вэнь цзе цзы». Как в классификации Сюй Шэня, так и в современных классификациях все иероглифы делятся на два вида. В составе простых иероглифов 文 *вэнь* нельзя выделить части, употребляемые в качестве самостоятельных иероглифов. Сложные иероглифы 字 *цзы* созданы в результате объединения в один знак двух или более простых [Кондрашевский 2002; Дун Кунь 2007, с. 63–107; Ху Шуанбао 2008, с. 59–102].

Простые иероглифы — самые древние и малочисленные, исторически они восходят либо к символам, либо к рисункам-пиктограммам. Сохраняется всего несколько сотен простых знаков (примерно 10% иероглифов, употребляющихся в современном языке), хотя именно они являются наиболее частотными в текстах. В качестве примеров современных простых иероглифов, восходящих к символам, можно привести 上 *шан* «верх» и 下 *ся* «низ», числительные 一 *и* «один», 二 *эр* «два», 三 *сань* «три», 四 *сы* «четыре» (в древнем написании последний иероглиф представлял собой четыре горизонтальные черты). К изобразительным знакам восходит сам иероглиф 文 *вэнь*. Первоначально это был рисунок, изображавший линии на теле или одежде человека, позже иероглиф 文 получил значения «узор», «надпись», «письменность», «язык», «культура». В числе изобразительных по своему происхождению современных иероглифов можно назвать также 人 *жэнь* «человек», 耳 *эр* «ухо», 水 *шуй* «вода», 木 *му* «дерево», 犬 *цюань* «собака», 矢 *ши* «стрела», 鼎 *дин* «бронзовый треножник», 門 *мэнь* «ворота» (современное



Каменные стелы с образцами искусства знаменитого средневекового каллиграфа Ван Сичжи вызывают восхищение у туристов со всех концов Китая

упрощенное написание 门), 西 *си* «запад» (в древности — изображение гнезда птицы). Подробнее см., например [Кондрашевский 2002; Ли Лэй 2006].

Сложные иероглифы появились тогда, когда возникла потребность создавать новые знаки для записи все большего числа морфем, в том числе имеющих абстрактное значение.

В составе современных сложных иероглифов-идеограмм (会议字 *хуйшэцзы*) можно выделить две и более части, которые восходят к простым иероглифам, как правило, связанным между собой по смыслу. К числу наиболее этимологически «прозрачных» знаков идеографической категории относятся 休 *сю* «отдыхать» (人 *жэнь* «человек», который в левой позиции в составе других иероглифов имеет особую графическую форму 亻, и 木 *му* «дерево»), 好 *хао* «хороший, любить» (女 *нюй* «женщина» + 子 *цзы*

«ребенок»), 鳴 (鸣) «петь» (口 коу «рот» + 鳥 няо «птица»). Некоторые идеограммы представляют собой удвоенные простых знаков, как, например, знак 朋 пэн «друг», который восходит к изображению двух связок раковин каури 貝 (贝) бэй, использовавшихся в Древнем Китае в качестве денег. Как и простые знаки *вэнь*, идеограммы составляют всего 10% находящихся в употреблении иероглифов.

Вторая разновидность сложных иероглифов — фоноидеограммы 形声字 *синшэнцзы*. Они состоят из смысловой части (形旁 *синпан*, в отечественной синологии — «ключ») и так называемого фонетика (声旁 *шэнпан*). Это сравнительно поздняя и даже в наше время продуктивная категория знаков. Смысловая составляющая фоноидеограммы одновременно является так называемым ключом (部首 *бушоу*), который до сих пор определяет положение иероглифа в словарях, построенных по ключевому графическому принципу. Фонетическая составляющая связана с чтением знака и представляет собой простой или сложный иероглиф, который при самостоятельном употреблении имеет (имел в прошлом) такое же (или приблизительно такое же) чтение. Так, иероглифы 櫺 (современный сокращенный вариант — 栊) «окно, решетчатая изгородь» и 聾 (聾) «глухой» читаются одинаково — лун (*lóng*). Они имеют один и тот же фонетик 龍 (龙) лун (*lóng*) «дракон», в то время как их смысловые ряды отражены в ключах 木 *му* (*mù*) «дерево» и 耳 *эр* (*ěr*) «ухо». В текстах иньских гадательных надписей фоноидеограммы составляли 27,27%, в надписях на бронзовых сосудах — 56,28%, в словаре «Шо вэнь» — 81,24%. В современном языке фоноидеограммы охватывают более 80% иероглифов.

Использоваться для записи двух или даже более двух разных слогомorfем и, соответственно, иметь несколько чтений один и тот же иероглиф может только в виде исключения из общего правила. Так, иероглифом 車 записывают морфему чэ¹ (*chē*) «телега» и морфему цзюй¹

(jū) — название одной из древних триграмм. В некоторых случаях разные чтения одного и того же знака, записывающего одну и ту же слогоморфему, представляют собой исконные для данного диалекта «разговорные» и заимствованные из других диалектов «литературные» варианты произношения этой же слогоморфемы. Корень 薄



*Легенда гласит, что, делая надпись «Гусиный пруд»,
Ван Сичжи вдохновлялся извивающимися шеями гусей
в собственной усадьбе*



«тонкий» в пекинском диалекте и *путунхуа* имеет «разговорное» произношение *бао*² (*báo*) и «литературное» *бо*² (*bó*); ср. 薄饼 *báobǐng* «блин, тонкая лепешка» и 薄礼 *bólǐ* «скромный подарок». У корня 色 «цвет» исконное пекинское произношение *шай*³ (*shǎi*) и «литературное» *сэ*² (*sè*).

Правило, в соответствии с которым одна и та же слогоморфема всегда записывается одним и тем же иероглифом и, наоборот, каждому иероглифу всегда соответствует одна и та же слогоморфема, теоретически должно действовать на протяжении всей истории существования иероглифа. Среди наиболее заметных исключений, которые появлялись на разных этапах развития иероглифической письменности, так называемые заимствованные иероглифы, которые в какой-то момент были использованы для записи других слогоморфем либо с тем же звучанием, либо с тем же значением. В древности, как это уже отмечалось выше, заимствованные иероглифы поначалу получили широкое распространение, однако позже большая их часть была заменена фоноидеограммами. Определенное количество заимствованных иероглифов появилось в Средние века в процессе формирования «понятного» письменного языка — 白话 *байхуа* [Су Пэйчэн 2004, с. 313–316]. Так, древнекитайский иероглиф 不 был использован в среднекитайских текстах на *байхуа* для записи новой служебной морфемы с тем же значением, но с другим звучанием — отрицания *бу*. В текстах на *байхуа* два или более иероглифов иногда объединяли в один наиболее простой знак, этот же способ — причем с использованием примеров из *байхуа* — был задействован в ходе реформы письменности в КНР. Ср. иероглиф 里 *ли* (*lǐ*), обозначающий меру длины *ли*, которым как в средневековых романах, так и в современных текстах в континентальном Китае записывают также более сложный иероглиф 裏 *ли* (*lǐ*) «внутри». Правило взаимодозначного соответствия иероглифа и слогоморфемы нарушали также иероглифы,

в которых ключ был присоединен к исходному знаку для выделения одного из новых значений. В качестве примера можно привести иероглиф 餃 (饺), который был изобретен для выделения одного из поздних значений корня 角 *цзяо* «рог, угол» в составе слова 餃子 *цзяоцзы* «пельмени» (букв. «углы», «пельмени треугольной формы»).

Идеи отмены или упрощения иероглифов

Первая попытка отменить иероглифы была предпринята монголами, которые, завоевав Китай в конце XIII в., хотели искоренить непонятную и потому враждебную культуру Срединного государства. Вместо иероглифов и любых других видов письменности, употреблявшихся в зоне влияния монгольской династии Юань (1271–1368), они попытались ввести особое, так называемое квадратное алфавитное письмо, разработанное на основе тибетского. Не подкрепленное культурной традицией, квадратное письмо исчезло из употребления еще до конца монгольского правления, продлившегося в Китае менее ста лет.

Еще одна серьезная атака на иероглифы была инициирована шесть веков спустя китайскими революционными демократами на волне «движения 4 мая» 1919 года. Все они, даже великий писатель Лу Синь (1881–1936), впоследствии изменивший свое отношение к иероглифам, мечтали о полной и немедленной отмене традиционной письменности. Не страшно, считали революционеры, что с исчезновением иероглифов уйдут в прошлое единый письменный язык и тысячелетнее культурное наследие Китая, — все равно они были доступны лишь избранным, зато каждый будет писать латинскими буквами так, как говорит, — на разноликом диалектном «языке масс» (大众语 *дацзжуньюй*) [Софронов 1979]. Отменить китайские иероглифы вместе с двумя японскими азбуками и даже

весь японский язык в целом и перейти на английский вскоре после разгрома Японии во Второй мировой войне планировали власти Страны восходящего солнца. Причины были тоже политические: язык проигравшей военной диктатуры — реакционный, язык победителей — прогрессивный.

Несколько раньше, на рубеже XIX и XX вв., в Китае была выдвинута более умеренная идея — официально ввести в употребление те простонародные варианты написания знаков (俗字 *суцзы*, 俗体字 *сутицзы*), которые на протяжении тысячелетий употреблялись в неофициальных текстах и существовали параллельно с «правильными» вариантами (正体字 *чжэнттицзы*). Первая статья о необходимости употреблять «простонародные иероглифы» в системе всеобщего образования была опубликована просветителем Луфэй Куем (1896–1941) в учредительном номере журнала «Образование» («教育杂志», «Цзяоюй цзачжи») в 1909 году. В 1920-е годы о необходимости введения «упрощенных иероглифов» (简体字 *цзяньтицзы*) говорили и писали многие реформаторы, в том числе великий лингвист Цянь Сюаньтун (1887–1939). В 1935 году Министерством образования нанкинского правительства был опубликован первый в официальной истории Китая список из 324 упрощенных иероглифов, отобранных Цянь Сюаньтуном («第一批简体字表», «Ди ипи цзяньтицзы бяо»). Еще одно заметное событие того же периода — публикация в 1930 году составленного Лю Фу (1891–1934) и Ли Цзяжуем (1895–1975) свода «простонародных иероглифов» («宋元以来俗字谱», «Сун-Юань илай суцзыпу»), которые употреблялись в литературе на *байхуа* начиная с периодов Сун (960–1279) и Юань [Сян Гуанчжун 2004, с. 73].

Реформа письменности, проведенная вскоре после образования КНР, по сути дела, продолжила начинания Цянь Сюаньтуна и его единомышленников и ограничилась вве-

дением списка упрощенных вариантов написания иероглифов и их графических частей. Многие из узаконенных в КНР упрощений и раньше употреблялись в скорописи или в качестве простонародных иероглифов *суцзы*. Публикация соответствующего решения Госсовета КНР и «Проекта упрощения китайской письменности» («汉字简化方案», «Ханьцзы цзяньхуа фанъань») в газете «Жэньминь жибао» относится к 1956 году. В 1964 году был опубликован сводный список из 2238 иероглифов, полностью или частично затронутых изменениями («简化字总表», «Цзяньхуацзы цзунбяо»), в 1986 году появился его переработанный вариант. Упрощенные знаки составляют примерно треть в опубликованном в 1988 году нормативном списке иероглифов для печатных изданий на современном китайском языке («现代汉语通用字表», «Сяньдай ханьюй тунъюнцзы бяо») и четверть в нормативном списке иероглифов 2009 года («通用规范汉字表», «Тунъюн гуйфань ханьцзы бяо»). О методах, основных мероприятиях и документах, имеющих отношение к реформе письменности, см. в материалах: [Шер 1968; Суханов 1980; Гоцзя юйянь 1996; Чжунго юйянь 2006. Т. 1, с. 422–430; Ху Шуанбао 2008, с. 112–144].

С началом «культурной революции» (1965–1976) языковые реформы и языковое строительство в КНР, равно как и лингвистические исследования, были приостановлены. В 1966 году прекратил свою деятельность Комитет по реформе китайской письменности. Члены комитета и ученые-лингвисты разных специальностей подверглись гонениям. Из заголовка «Жэньминь жибао» 2 июня 1966 года символически исчезла параллельная иероглифической надпись алфавитом *ханьюй пиньинь*, такие же изменения произошли с заголовками других изданий. Был прекращен выход лингвистических журналов, в том числе посвященных проблемам языковых реформ. В том же году был приостановлен выход жур-

нала «Вэньцзы гайгэ» («文字改革», «Реформа письменности») и шанхайского издания «Ханьюй пиньинь сяобао» («汉语拼音小报», основано в 1959 году), посвященного распространению алфавита *ханьюй пиньинь* и *путунхуа*. В августе прекратился выпуск рубрики «Реформа письменности» в газете «Гуанмин жибао» («光明日报»). Оживление лингвистической деятельности намечалось только в начале 1970-х годов. В 1975 году в продолжение реформ первого десятилетия был, в частности, доработан и в 1977 году опубликован предварительный вариант «Второго проекта упрощения китайской письменности» («第二次汉字简化方案», «Ди эрцы ханьцзы цзяньхуа фанъань»). С 1978 года он экспериментально использовался в школах, но уже в 1986 году был отменен как «вносящий хаос» в употребление иероглифов [Ху Шуанбао, 2008, с. 140–145].

Официальные варианты китайской письменности в XXI веке

В современном континентальном Китае те упрощенные варианты иероглифов и их частей, которые были введены здесь в середине прошлого века, по-прежнему являются нормативными. Набор с упрощениями принят также ООН в качестве стандартного для современного китайского языка — одного из официальных и рабочих языков этой организации. Упрощенные варианты употребляются в Сингапуре и других странах Юго-Восточной Азии, где живут миллионы китайских эмигрантов и их потомков. Тем не менее умеренные преобразования, которые, по сути дела, были инициированы Цянь Сюаньтуном и другими лингвистами еще в Китайской Республике, не были восприняты на Тайване: здесь сохраняются полные написания тех знаков, которые были упрощены в КНР.

Продолжали и продолжают употреблять полные варианты иероглифов также те китайцы, которые живут в двух районах, находившихся в период реформы вне юрисдикции КНР, — Гонконге и Макао, и до последнего времени эмигранты из этих двух районов в другие страны мира. В результате всех этих событий и без того непростая ситуация с китайской письменностью стала еще сложнее.

Для чтения текстов на современном китайском языке (в том числе и на экране компьютера) требуется знать два основных набора иероглифов — с включением упрощенных написаний знаков, которые были введены в КНР, и набор, состоящий из иероглифов только в традиционном полном написании. В дополнение к этому в Гонконге и Макао нормативными — наряду с полными знаками — официально считаются около 100 особых местных кантонских иероглифов. Эти же знаки, но только в сочетании с континентальным списком, используют в пособиях и словарях кантонского диалекта, которые издаются в Гуанчжоу. В 1950-е и 1960-е годы и особенно во время «культурной революции» общение между разными китайскими регионами было затруднено и особых неудобств из-за разнобоя в иероглифике не возникало. С началом проведения политики «реформ и открытости» в конце 1970-х годов две основные современные иероглифические системы — назовем их условно континентальной и тайваньской — начали конкурировать и взаимодействовать друг с другом.

С одной стороны, на упрощенные варианты постепенно переходят китайские эмигранты из Гонконга и Макао и особенно их дети и внуки. Все более популярными становятся упрощенные иероглифы в самом Гонконге, где, в частности, открываются книжные магазины, торгующие соответствующей литературой. На официальных гонконгских интернет-сайтах — так же как, впрочем, на информационных континентальных — уже можно выбирать

режим чтения текстов как с полными, так и с сокращенными знаками.

С другой стороны, эмигранты стали тысячами приезжать на историческую родину в КНР, они везли свои газеты и книги, техническую и деловую литературу. Отмененные варианты иероглифов стали ассоциироваться не только с элитарной древней культурой, но также и с современным экономическим процветанием Тайваня, Гонконга, Макао и прочих «азиатских тигров». Неупрощенные варианты, которыми, казалось бы, пользуются повседневно всего лишь 30 млн китайцев, вошли в моду и стали все чаще появляться в рекламе и на вывесках на континенте, особенно за пределами китайской столицы. В КНР стала возможной дискуссия о целесообразности отмены упрощений и возврата к тому набору письменных знаков, который употреблялся в стране до 1949 года [Цзи Чанхун 2004, с. 119–127]. В 2009 году возможность проголосовать «за» или «против» возвращения к традиционному набору иероглифов была предоставлена на сайте Государственного комитета по работе в области языка и письменности. Тем не менее на официальном уровне отмена введенных полвека назад упрощений пока признана нецелесообразной.

На Тайване также не могли далее игнорировать тот вариант письменности, который употребляется миллиардным населением на континенте. Упрощенные иероглифы используют здесь в неофициальных текстах, написанных от руки. Их также не могут не преподавать иностранным студентам, которые приезжают на Тайвань изучать китайский язык. С 1 января 2009 года на острове уже официально введен китайский алфавит *ханьюй пиньинь*. С одной стороны, в декабре 2009 года президент Тайваня Ма Инцзю вновь вернулся к давней идее, выдвинутой его соратником по партии Гоминьдан Овидом Цзэном, — обратиться в ЮНЕСКО с предложением объявить традиционный вариант иероглифической письменности нематериальным

культурным наследием мирового значения. С другой — летом того же года Ма Инцзю предложил компромиссное решение, которое могло бы сблизить системы, использующиеся в двух регионах. Соответствующая формула звучала как 識正書簡 *ши чжэн шу цзянь* «уметь прочесть правильные, но употреблять на письме упрощенные». При цитировании Ма Инцзю на континенте иероглиф 正 *чжэн* при этом был заменен на иероглиф 繁 *фань* «полные, неупрощенные» [Чжунго юйянь 2010. Т. 1, с. 308–310]. В случае успеха предложенной реформы было бы в неприкосновенности сохранено великое иероглифическое наследие в печатных текстах и одновременно упрощено употребление иероглифов на письме. Пока же в рамках сближения КНР и Тайваня летом 2009 года было принято решение о составлении силами континентальных и тайваньских ученых нового совместного фундаментального издания — «Большого китайского словаря» («中华大辞典», «Чжунхуа дацзыдянь»), идея создания которого также принадлежит президенту Ма Инцзю. В настоящее время работа над этим словарем уже завершена.

Диалектные знаки

В китайском языке существуют особые региональные знаки — диалектные иероглифы 方言字 *фаньяньцзы*. Они включены во многие словари, в том числе в нормативные. Так, по данным А. В. Немтиновой, из 11 тыс. иероглифов, вошедших в словарь «Синьхуа цзыдянь» (Пекин, 1988), 122 знака помечены как диалектные. Примерно такое же соотношение общекитайских и диалектных знаков в «Практическом словаре слов китайского языка» («应用汉语词典», «Инъюн ханьюй цыдянь». Пекин, 2002). Большая часть диалектных знаков в этом словаре отнесена к ареалам *гуаньхуа* и У (50 и 25% соответственно), 10%

составляют кантонские иероглифы, остальные употребляются в диалектах Минь или *хакка* [Немтинова 2004]. В последние годы проблеме диалектных иероглифов посвящены многочисленные публикации в китайских научных журналах.

Давние традиции имеет обширная литература на кантонском диалекте [Bauer 1988; Cheung Kwan-hin 2002].

Преобладающие в кантонских текстах общекитайские иероглифы используются по-разному. Большой своей частью они записывают те же слогоморфемы, что и в *путунхуа*, но иногда выступают в качестве фонетических или семантических заимствований для записи кантонских слогоморфем, соответственно, с близким звучанием или, наоборот, примерно с тем же значением.

Наряду с общекитайскими иероглифами в кантонских текстах возможны также две категории знаков, которые не встречаются в *путунхуа*. Во-первых, это «простонародные иероглифы» 俗字 *суцзы* или «разнописи» 异体字 *итицзы*, изобретенные вместо некоторых общекитайских знаков. Во-вторых, это совершенно особые иероглифы для тех местных кантонских слогоморфем, происхождение которых не установлено. Строго говоря, последняя разновидность — это и есть диалектные иероглифы в узком значении этого термина. В сознании носителей кантонского диалекта в группу кантонских переходит часть об-



В текстах на кантонском диалекте употребляются особые иероглифы

щекитайских иероглифов — из-за того, что знаки, очень редко употребляющиеся в *путунхуа*, в кантонских текстах иногда оказываются высокочастотными (особенно это касается фонетических заимствований).

Некоторые слогоморфемы кантонского диалекта записываются также буквами английского алфавита, обычно это грамматические показатели или ругательства. Запись английских заимствований осуществляется, в свою очередь, несколькими способами: 1) стандартными иероглифами; 2) сочетанием латинских букв и стандартных иероглифов; 3) специально изобретенными иероглифами; 4) латинскими буквами в английской орфографии. Такие английские слова (как и слова в иероглифической записи) могут тем не менее читаться с кантонским произношением (ср. русские заимствования в дунганском языке).

Активный поиск иероглифов для записи текстов на местных диалектах идет на Тайване. Эта задача осложняется тем, что распространенные здесь диалекты Миньнань и *хакка* не имеют такой развитой письменной традиции, как кантонский диалект, и многие морфемы уже полностью утратили свою этимологию. Та же проблема, по сути дела, возникла в последнее время при издании различных диалектных словарей и «иероглифировании» дунганских слов или целых текстов в китайских изданиях, ср., например [Дунгань 2011].

Китайские иероглифы за пределами китаеязычного мира

Более тысячи лет назад китайские иероглифы попали в Японию через Корею и до сих пор служат там основой современной письменности. В Южной Корее иероглифов употребляется меньше, чем в Японии, но они не были от-

менены и до сих пор сочетаются в текстах с национальным корейским алфавитом. Решительно исключила себя из «иероглифического пространства» Северная Корея — там иероглифы полностью удалены из всех печатных текстов, хотя в ограниченном числе все же сохраняются в школьном обучении. Всего сто с лишним лет назад иероглифические знаки — как китайские, так и местные, сконструированные по китайским образцам, — употребляли во Вьетнаме. Позднее, после перехода на введенное западными миссионерами латинское алфавитное письмо, иероглифы остались для вьетнамцев одним из средств доступа к своему литературному наследию и элементом изобразительного искусства [Ху Шуанбао 2008, с. 103–107; Дун Кунь 2007, с. 159–163].

На протяжении длительного периода — от возникновения ранних корейских государств в первых веках новой эры до конца XIX в. — официальным письменным языком в Корее был особый вариант *вэньяня* — *ханмун*, кит. 漢 (汉) 文 *ханьвэнь* «ханьское письмо». Специально отобранными иероглифами, употреблявшимися частично семантически, частично фонетически (для записи корейских слов с тем же значением или примерно с тем же звучанием), записывали также тексты на корейском языке. После X в. для облегчения чтения и понимания китайских классических текстов корейцами был изобретен особый способ. Несколько десятков упрощенных иероглифов использовались в качестве слоговых фонетических знаков для вставки в иероглифический текст корейских грамматических форм (ср. ниже аналогичные японские способы) [Концевич 2006; Ху Шуанбао 2008, с. 103–104].

Собственно корейское буквенно-слоговое письмо *хангыль* было разработано в 1444 году (в 1446 году был обнародован соответствующий эдикт короля Седжона). Тем не менее официальным языком корейский — в смешанной записи иероглифами и *хангылем* — стал лишь



За пределами китаеязычного мира самое большое распространение иероглифы имеют в Японии

в 1894 году. После 1949 года в КНДР употребляется только *хангыль*, небольшое количество иероглифов изучают в школе. В Республике Корея использование иероглифов в печатных текстах не является обязательным, но они по-прежнему встречаются в словах китайского происхождения — прежде всего в научных текстах, словарях, на географических картах, иногда в художественной литературе, когда надо уточнить значение какого-либо слова. В газетах иероглифы употребляются для краткости и выразительности заголовков. По образцу китайских корейцы создали около 250 собственных иероглифов.

В Японии китайские иероглифы были предположительно известны уже в первых веках новой эры. В пятом веке через Корею в Японию были завезены китайские буддийские тексты. Древнейшие письменные памятники, созданные в самой Японии, были написаны на особом

местном варианте *вэньяня*. Он также назывался «ханьским письмом» (漢文 *камбун*) и употреблялся в Японии до начала XX в. Уже в VIII в. для облегчения понимания текстов на *камбуне* сбоку вдоль вертикальной строки мелкими иероглифами начали дописывать японские грамматические показатели, позже иероглифы заменили знаками слогового алфавита (*кана*).

Название раннего варианта *каны* — 万葉仮名 *манъё:гана* — восходит к заглавию антологии японской поэзии «Манъё:сю» («萬葉集», «Собрание десяти тысяч листьев», VIII в.). Знаки *манъё:ганы* — это те же китайские иероглифы, но употребляемые фонетически; например, японское слово *яма* «гора» записывалось иероглифом для служебного слова 也 *е* и иероглифом 麻 *ма* «конопля». На рубеже VIII и IX вв. появились новые системы *каны*, важнейшие из которых — *хирагана* и *катакана* — по-прежнему употребляются в Японии. В *хирагане* 47 базовых знаков, они восходят к скорописным формам иероглифов. Знаки *катаканы* — те же по составу и фонетическому значению — возникли на базе стандартного написания элементов иероглифов, реже целых знаков. В начале XX в. *хирагана* и *катакана*, в свою очередь, послужили образцом при создании китайского официального алфавита 注音字母 *чжунинь цзыму* [Алпатов 1981; Ху Шуанбао 2008, с. 105–106].

В современном японском языке иероглифами обычно записывают японские знаменательные слова (полностью или без окончания при наличии такового) и заимствования из китайского, *хираганой* — грамматические элементы. В словарях японизированные китайские чтения иероглифов 音 *он*, как правило, записываются *катаканой*, японские чтения 訓 *кун* — *хираганой*, ср., например, китайское чтение サン *сан* и японское чтение やま *яма* для иероглифа 山 «гора». *Катакана* используется в заимствованиях из западных языков, а также в иностранных именах соб-

ственных. Современный официальный список иероглифов для печати, государственных учреждений и системы образования состоит из 1945 знаков, с учетом фамильных иероглифов это число возрастает до 2229. Для шестилетней начальной школы существует список из 1006 знаков. Японцы изобрели около 300 иероглифов и употребляют некоторые собственные упрощения [Ху Шуанбао 2008, с. 105–106].

Во Вьетнаме наряду с китайскими иероглифами, которые использовались в официальных текстах на *вьньяне* и вообще в китайских заимствованиях, для записи вьетнамских слогоморфем употреблялись иероглифы, созданные по модели китайских. Самые ранние сохранившиеся памятники с включением вьетнамских иероглифов датируются X–XI вв. Поскольку вьетнамский язык типологически близок китайскому, необходимости в особом алфавите в дополнение к иероглифам у вьетнамцев не возникло. В XVII в. западные миссионеры разработали для вьетнамского языка письменность на латинской основе. Она получила широкое распространение в XIX в. и употребляется по настоящее время [Станкевич 1981; Ху Шуанбао 2008, с. 106].

Китайскими иероглифами пользовались в прошлом также некоторые малые народы КНР — чжуаны до перехода на латинское письмо, мяо, яо, бай и шуй. У народности наси до сих пор сохраняется два варианта письма — китаизированный и пиктографический собственный. В начале правления династии Юань китайскими иероглифами записывали свои тексты монголы. Письменные системы, созданные по образцу китайской, некогда изобрели для своих языков кидани, чжурчжэни и тангуты, государства которых существовали на территории нынешнего Китая [Дун Кунь 2007, с. 154–163].

Иероглифы и компьютеры

В континентальном Китае и на Тайване разработано несколько способов набора иероглифов на электронных устройствах с помощью обычной клавиатуры [Гу Сяофэн 2002; Ху Шуанбао 2008, с. 182–186].

При фонетическом способе используется стандартное чтение иероглифа. Его можно набирать не только в официальной латинизированной системе 汉语拼音 *ханьюй пиньинь*, но и в других алфавитных системах, употребляющихся для китайского языка. На Тайване, в частности, был разработан способ набора, ориентированный на алфавит *чжуинь цзыму* (о различных алфавитах, изобретенных для китайского языка, см. ниже).

Графический способ, разработанный в КНР, основан на пяти официально утвержденных чертах (五笔 *уби*), из которых строится иероглиф. Каждой начальной черте соответствует одна из пяти зон клавиатуры. Так, группы знаков, имеющих в качестве первой черты горизонталь —, набираются с помощью пяти левых клавиш ряда А–G. Группы, которые начинаются с вертикальной черты |, сосредоточены на клавишах Н–L и М и т. п.

Основные графические системы, которые были предложены на Тайване, организованы по ассоциативному принципу. В системе «Цанцзе» (仓颉), названной по имени мифического создателя иероглифической письменности, гнездовые иероглифы образуют четыре группы. Первая из них, космологическая, содержит только простые иероглифы: 日 «солнце», 月 «луна», а также знаки для «пяти стихий» 五行 *усин* — 金 «металл», 木 «дерево», 水 «вода», 火 «огонь», 土 «земля» (буквы А и В, С–G). Иероглифы второй группы (Н–N) ассоциируются с семью чертами: иероглиф 竹 «бамбук» символизирует откидную вправо, иероглиф 中 «середина» ассоциируется с вертикалью и т. п. Третья группа (O–R)

связана с человеком и его основными характеристиками. В нее входят знаки 心 «сердце» (китайцы считают, что человек думает сердцем), 手 «рука» и 口 «рот». И наконец, в ряду S–Y представлены иероглифы с одинаковой структурой. Так, иероглиф 山 «гора» объединяет знаки с открытой сверху рамкой, иероглиф 田 «поле» — иероглифы с полными рамками.

В кантонских текстах с точки зрения компьютера употребляются знаки трех основных групп. Первая группа — это набор стандартных общекитайских иероглифов (с упрощениями или без них), не обязательно записывающих в кантонском то же самое, что в *путунхуа*. В дополнительном кодировании для компьютеров эти знаки при всех обстоятельствах не нуждаются. Вторая группа — латинские буквы. Третья — нестандартные иероглифы, для которых официально разработаны дополнительные кодировки.

Иностранцы предпочитают фонетические способы набора, китайцы, которые часто плохо знают стандартное чтение иероглифов, — графические. Вне зависимости от выбранного способа изолированный иероглиф набирается в два этапа. Сначала на экран вызывается вся группа иероглифов, объединенных тем или иным признаком (например, одним и тем же чтением). Затем из этой группы, рассортированной в памяти компьютера по разным признакам (частотность, сочетаемость с предшествующим знаком), выбирается нужный иероглиф. Существуют также дополнительные способы ускорения поиска, вплоть до запоминания кодового номера иероглифа в системе Unicode. При наборе обычного связного текста компьютер часто сам автоматически «угадывает» нужный иероглиф, входящий в то или иное слово или словосочетание, и набор идет очень быстро. В последнее время появились электронные устройства, которые позволяют «писать» иероглифы пальцем на экране.

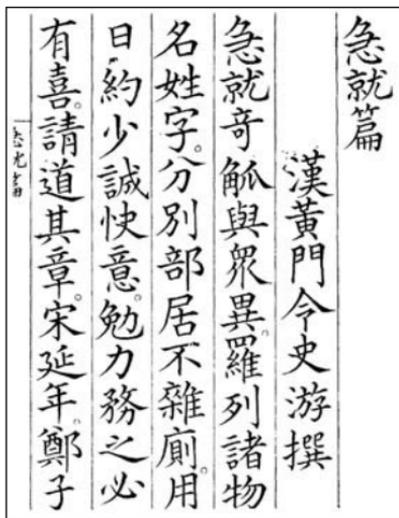
Дискуссия о судьбе и облике древней китайской письменности, таким образом, шла в иероглифической зоне Азии на протяжении всего двадцатого столетия. Упразднение иероглифов и полный переход на фонетическое письмо (латинский алфавит, слоговые знаки) в те или иные периоды казались неизбежными как в самом Китае, так и тем более в Корее и Японии. Тем не менее быстрое приспособление иероглифов к реалиям информационной эры было воспринято в иероглифических странах как само собой разумеющееся — и в массовом, и в научном сознании.



СПИСКИ ИЕРОГЛИФОВ — СТУПЕНИ ГРАМОТНОСТИ

В языках с алфавитным письмом обучение грамоте начинается с небольшого списка знаков — 33 буквы в русской азбуке, 28 букв в арабском алфавите, 26 в английском. Китайские дети уже во втором классе начальной школы узнают в тексте 1800 и умеют писать 1000 иероглифов [Чжунго юйянь 2008. Т. 2, с. 445]. Как выбрать из множества иероглифических знаков те, которые потребуются в первую очередь? Как облегчить процесс их запоминания? Еще в древности китайские филологи попытались дать ответы на эти вопросы и начали организовывать иероглифы — объединять их в учебные стихотворные своды для заучивания наизусть. Иероглифические списки — уже не стихотворные — во множестве составлялись на протяжении всего двадцатого столетия: сначала в связи с необходимостью выработать единое произношение для официального языка 国语 *гоюй*, затем во имя реформы письменности. В начале нынешнего тысячелетия появились списки принципиально нового назначения, которые призваны приспособить множество иероглифов к реалиям информационного мира.

Сводные иероглифические словари, объясняющие значение иероглифов (точнее — записываемых иероглифами морфем), включают десятки тысяч знаков, упо-



Самый ранний полностью сохранившийся учебный свод иероглифов — «Цзи цзю пянь» («Быстрый успех») — был составлен в I в. до н. э.

треблявшихся в истории китайского языка. В образцовом для многих поколений «Словаре Канси» («康熙字典», «Канси цзыдянь» — «Словарь иероглифов, [составленный под девизом правления императора] Канси», впервые издан в 1716 году) содержатся 47 035 словарных статей и соответственно комментируемых гнездовых иероглифов. В «Чжунхуа дацзыдянь» («中华大字典», «Большой китайский словарь иероглифов», 1915 год), созданном в Китайской Республике по мо-

дели «Словаря Канси», более 48 тыс. гнездовых знаков. Самое большое число иероглифов было собрано в сравнительно недавно изданном словаре «Чжунхуа цзыхай» («中华字海», «Море китайских иероглифов». Т. 1–4. Пекин, 1994), он содержит 87 019 знаков. В их числе иероглифы, которые встречаются только в буддийских текстах; простонародные и диалектные иероглифы разных эпох; знаки, которые употребляются только в именах собственных; местные иероглифы, имеющие хождение на Тайване, в Гонконге и Макао; особые иероглифы, созданные японцами и корейцами в дополнение к китайским. Примерно 80 тыс. иероглифов представлено на сводных сайтах, предлагающих пользователям самые известные китайские словари с древности до наших дней.

Авторы списков-сводов — в отличие от составителей словарей — обычно собирают только те иероглифы, кото-

рые имеют хождение в тот или иной период, и не объясняют их значение. Подсчитано, что в течение 2008 года в газетах, на интернет-сайтах, в материалах, озвученных на радио и телевидении, авторы использовали свыше 9 тыс. разных иероглифов [Чжунго юйянь 2009. Т. 2, с. 009]. В «Своде чтений частоупотребительных иероглифов в государственном языке» («*国音常用字汇*», «Гоинь чанъюн цзы хуэй»), обнародованном в 1932 году, содержалось 9920 иероглифов. И наконец, в новый нормативный список («*通用规范汉字表*», «Тунъюн гуйфань ханьцзыбяо»), составленный с использованием современных технологий и обнародованный в 2009 году, китайские лингвисты включили 8300 знаков.

Древние иероглифические своды

Самый ранний свод иероглифов «Ши Чжоу пянь» («*史籀篇*») был составлен еще до эпохи Цинь (221–207 гг. до н. э.) и не сохранился до наших дней. Его авторство приписывается главному историографу восточножоуского правителя Сюаньвана (на троне в 827–782 гг. до н. э.). Обычный перевод заголовка — «Список историографа Чжоу», но иероглифы 史 *ши* «история, историограф» и 籀 *чжоу* «читать», возможно, просто были первыми в тексте: именно так — по двум первым иероглифам — называли более поздние своды. Известно также, что в ходе реформы письменности эпохи Цинь «Ши Чжоу пянь» был использован при составлении трех нормативных списков, созданных по указу императора Цинь Шихуана. При династии Восточная Хань (25–220) этот же список послужил одним из источников при составлении первого в истории китайского языкознания полного словаря «Шо вэнь цзе цзы» («*说文解字*», «Объяснение простых и рассечение сложных знаков», 100 г. н. э.). Автор словаря Сюй Шэнь



Средневековый список фамильных иероглифов «Бай цзя син» из коллекции академика В. М. Алексеева



писал в своем послесловии: «Историограф Сюаньвана по фамилии Чжоу составил сводный список иероглифов “большой печати” (大篆 *дачжуань*) из 15 глав» [Яхонтов 1980, с. 95; Чжан Минхуа 2007, с. 28]. Термины 籀文 *чжоувэнь* («письмо [историографа] Чжоу») и 大篆 *дачжуань* до сих пор используются в китайском языкознании. Ими называют те варианты иероглифов, которые существовали в эпоху Западная Чжоу (XII/XI в. до н. э. — 771 г. до н. э.) и в государстве Цинь до объединения им Китая в 221 г. до н. э. (подробнее см. в предыдущей главе).

В ходе реформы письменности, осуществленной императором Цинь Шихуаном (на троне в 221–210 гг. до н. э.), *дачжуань* была усовершенствована, новый вариант письменности получил название — 小篆 *сяочжуань* («малая *чжуань*»), «[знаки] малой печати»). Тогда же придворными сановниками были составлены три новых свода иероглифов. В качестве ос-

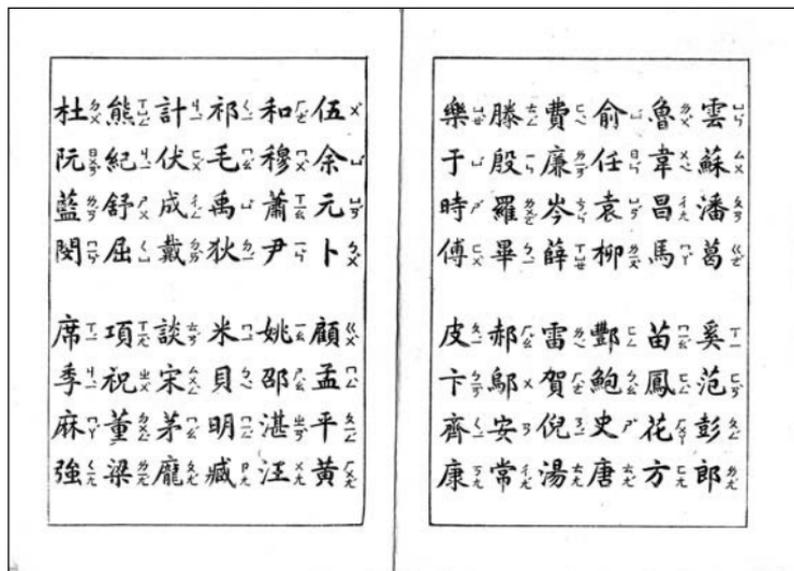
новного император выбрал тот список, который был подготовлен его первым министром Ли Сы и назван «Цанцзе пянь» («仓颉篇», «Список Цанцзе»). В начале династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.) списки, составленные циньскими сановниками, были объединены в один под общим названием «Цанцзе пянь». Сводный вариант состоял из 55 глав, по 60 знаков в каждой, и, таким образом, включал 3300 иероглифов. При династии Восточная Хань «Цанцзе пянь» дополнили двумя новыми списками и стали называть «Сань Цан» («三仓», «Тройной [список] Цанцзе»). Позже все эти списки были полностью утрачены, но в XX в. археологи обнаружили бамбуковые планки с ханьскими фрагментами «Цанцзе пянь», самые ранние из которых относятся ко II в. до н. э. Иероглифы в списке собраны по четыре в строке, каждая вторая строка рифмуется. Некоторые фоноидеограммы — возможно, случайно, так их легче было вспоминать составителю — объединены по признаку наличия общего семантического элемента — ключа [Хуан Дэкуань 1994, с. 8–16; Чжан Минхуа 2007, с. 28–29]. Часть знаков сгруппирована по тематическому принципу, как и в первом полностью сохранившемся учебном рифмованном списке «Цзи цю пянь» («急就篇», «Быстрый успех»), составленном придворным сановником Ши Ю в период правления императора Юаньди (на троне в 48–33 гг. до н. э.).

«Цянь цзы вэнь», «Сань цзы цзин», «Бай цзя син» в современном Китае

В современном Китае популярные в прошлом учебные своды иероглифов снова включены в школьную программу. Они издаются массовыми тиражами с иллюстрациями. В правильном пекинском произношении своды можно послушать на дисках или в Интернете — на сайтах, по-

священных традиционной культуре. Детям предлагаются учебные мультфильмы, сопровождающиеся субтитрами. Два самых известных и популярных учебных списка не только в средневековом, но также и в современном Китае — это «Цянь цзы вэнь» («千字文», «Тысячесловие», или «Текст из тысячи иероглифов») и «Сань цзы цзин» («三字经», «Троесловие», или «Книга, записанная трех-слогами») [Сань цзы цзин 2007]. Первый список был составлен за одну ночь в виде рифмованных строк придворным сановником Чжоу Синсы для обучения сына императора Уди (502–549). В основе списка — иероглифы в стиле великого каллиграфа Ван Сичжи (321–379). Они распределены по четырем тематическим частям, посвященным космологии, воспитанию, управлению страной и ее прекрасным обширным землям, сельской жизни и ремеслам. Автором второго списка, «Сань цзы цзин», считается ученый-конфуцианец Ван Инлинь (1223–1296), живший при династии Южная Сун (1127–1279). В последующие эпохи «Сань цзы цзин» неоднократно расширялся, совершенствовался и даже был переведен на монгольский, маньчжурский и западные языки. В 1829 году появился перевод «Троесловия» на русский язык, выполненный одним из основоположников отечественного китаеведения Н. Я. Бичуриным (о. Иакинф, 1777–1853).

Определенный научный интерес представляют традиционные списки китайских фамилий. Самый известный из них — «Бай цзя син» («百家姓», «Фамилии ста / всех семей», «Все фамилии»), составленный неизвестным автором в эпоху Сун (960–1279) [Бай Цзясин 1999]. В разных изданиях списка содержится от 400 до 550 фамилий (примерно столько же — около 450 фамилий — носят жители современного Пекина). В каждой строке четыре односложные фамилии или две двусложные. Первой приведена фамилия сунских императоров Чжао 趙, следующие принадлежат знати и императорским наложницам.



«Бай цзя син» с транскрипцией алфавитом чжуньюнь цзыму, разработанным в Китае в начале XX века

В конце списка авторы поместили 60 двусложных фамилий. Выяснилось, что односложные фамилии в основном корпусе располагаются по частотности — от самых распространенных к редким.

Современные китайские фамилии восходят к наследственным именам двух видов, существовавшим до эпохи Цинь, — 姓 *син* «фамилия» и 氏 *ши* «род». Мужчина носил имя-*ши* в сочетании с личным именем, но знал, к какому *син* он принадлежит. У женщины до замужества имя состояло из прозвища (排行 *пайхан*) и наследственного имени-*син*. Замужних женщин именовали сочетанием двух наследственных имен — собственного *син* и *ши* мужа без личного имени. Так, у мужчины Кун Цзя (*ши* + личное имя) была дочь Бо Цзи («старшая сестра» + *син*). Выйдя замуж за человека по имени Лян Дун (*ши* + личное имя), она стала Лян Цзи (*ши* мужа + собственное *син*). Со временем имена-*ши* стали превращаться в имена-*син*,

как это произошло у потомков мифического императора Хуанди: они основали 14 новых родоплеменных групп, в которых исходные *ши* стали новыми *син* [Крюков 1967; Крюков 1971; Крюков 1978; Крюков 1980; Ван Цюаньчэнь 2000].

Уже в эпоху Хань сформировалась современная китайская антропонимическая модель. На первом месте стоит фамилия 姓 *син*, 姓氏 *синши*, наследуемая по мужской линии, затем следует личное имя 名 *мин*, 名字 *минцзы*. Фамилии чаще односложные, например 李 Ли, 张 Чжан, 王 Ван, реже состоят из двух слогов, например 司马 Сыма, 欧阳 Оуян. Личное имя, напротив, обычно двусложное и реже односложное. Современное персональное имя китайца, таким образом, состоит из трех или двух, реже из четырех слогов и, соответственно, записывается тремя-двумя или четырьмя иероглифами: 吕叔湘 Люй Шусян (односложная фамилия + двусложное имя), 王力 Ван Ли (односложная фамилия + односложное имя), 司马迁



Составленный в XIII веке список «Сань цзы цзин» («Троеслобие») был переведен на монгольский, маньчжурский и западные языки. Список снова изучают в начальной школе и читают в Интернете

Сыма Цянь (двусложная фамилия + односложное имя); 郑张尚芳 Чжэнчжан Шанфан (двусложная фамилия + двусложное имя). Женщины после брака сохраняют фамилию отца. Еще совсем недавно китайцы имели в течение жизни несколько имен. Сначала ребенку давали детское имя, потом школьное. После совершеннолетия человек получал официальное имя, после смерти — по-



Текст «Сань цзы цзина»
на бамбуковых дощечках — хороший подарок

смертное. Сложной была система имен и титулов императоров, их личные имена при жизни табуировались. Сейчас система из нескольких имен исчезла, но как в прошлом, так и в настоящем параллельно с официальными именами существовали и существуют прозвища, домашние имена, псевдонимы.

В комментарии к списку «Бай цзя син», находившемуся в коллекции академика В. М. Алексеева и сейчас хранящемуся в Синологической библиотеке РАН (автор этого комментария неизвестен [Бай цзя син 1906]), содержатся краткие пояснения к каждой фамилии со следующими данными: место, с которым связано происхождение фамилии; сведения об исходной фамилии *син* или *ши*; обстоятельства появления фамилии (например, пожалование надела тому или иному историческому лицу); известные личности, носившие ту или иную фамилию. Все сведения относятся к древности, когда формировался корпус китайских *син* и *ши*. С учетом этого комментария и работ современных китайских ученых можно выделить следующие основные типы китайских фамилий: топонимы (по месту

жительства человека, по названиям пожалованных земель и т. п.); восходящие к имени предка или его посмертному имени; названия должностей; титулы предков; тотемы предков; пожалованные императорами; появившиеся в результате табуирования исходной фамилии; пожалованные инородцам или выбранные самими инородцами (так, фамилия 马 Ма характерна для китайских мусульман хуэй); фамилии, которые на самом деле представляют собой варианты написания какой-то другой фамилии (они считаются разными) [Тавровский 1990].

Разделы, посвященные фамилиям, содержатся во многих письменных памятниках разных периодов. Один из самых ранних — книга доханьской эпохи «Ши бэнь» («世本», «Корни поколений»), в которой приведено 18 *син* и 875 *ши* чиновников и князей, живших в период от мифического императора Хуанди до эпохи Чуньцю (770–476 гг. до н. э.). Более ста фамилий включено в упоминавшийся выше учебный список «Цзи цю пянь». Существуют также иные списки фамилий, составленные в разное время. В современных словарях собрано в общей сложности примерно 12 тыс. фамилий, которые употреблялись в разные эпохи в разных районах Китая, см., например [Чжунхуа синши 2000].

Новые и новейшие списки для печатных и электронных изданий

Составление иероглифических списков нового типа было начато в Китайской Республике и активно продолжено в КНР. В настоящее время теоретическими и практическими аспектами стандартизации письменности занимается созданный в 2004 году в системе Министерства образования КНР Государственный центр мониторинга и изучения языковых ресурсов (国家语言资源监测与研究 中心 *Гоцзя юйянь цзыюань цзяньцэ юй яньцзю чжунсинь*).

Применяя современные методы, он отбирает иероглифы, которые используются в средствах массовой информации. Этот же центр составляет списки слов и словосочетаний в зависимости от частотности их употребления в текстах на современном китайском языке, отбирает неологизмы, особые слова, употребляющиеся в Интернете, а также латинизированные сокращения. Полученные материалы печатаются в виде отдельного тома ежегодника, посвященного языковой ситуации в стране. См. [Чжунго юйянь 2006] и последующие выпуски. Данные за 2010 год представлены уже в электронной форме на диске, приложенном к основному тому [Чжунго юйянь 2011].

За тридцатилетний период «реформ и открытости» состав иероглифов, использующихся в текстах на современном китайском языке в КНР, расширился как в связи с активным употреблением элементов архаичного языка *вэньянь*, так и в связи с появлением огромного количества новых слов. Существует также проблема нестандартных чтений, употребляющихся наряду с основными стандартными, как правило, в именах собственных и прежде всего в географических названиях. Сложности в процессе стандартизации письменности создают также сохраняющиеся разнописи (异体字 *итицзы*) — традиционно сложившиеся варианты структуры одного и того же знака [Ханьцзы гуйфань 2004; Ханьцзы цзысин 2004; Итицзы 2004; Ли Юйминь 2005]. Первая, но не единственная составляющая программы стандартизации письменности, таким образом, — определение состава и тем самым числа иероглифов, находящихся в употреблении. Вторая — разделение находящихся в употреблении знаков на уровни в зависимости от частотности в разных текстах — обычных, специальных, архаичных. Третья — устранение сохраняющихся разнописей-дубликатов и выбор нормативной формы (состава и расположения черт) каждого из оставленных в списке знаков. В меньшей степени списки имеют отношение к определению норма-

тивного чтения каждого иероглифа с учетом тона — эта задача скорее решается в фонетических словарях.

В КНР первый нормативный иероглифический документ появился в 1955 году. Это был список, упорядочивающий разнописи с отбором наиболее простых общепринятых вариантов написания из нескольких существовавших в то время («第一批异体字整理表», «Ди ипи итицзы чжэн-либяо»). Позже появились другие нормативные списки разного назначения и разного объема. Важнейший из них, определивший состав иероглифов в континентальной иероглифической системе, — «Сводный список упрощенных иероглифов» («简化字总表», «Цзяньхуацзы цзунбяо»). Он публиковался дважды — в 1964 году и в усовершенствованном виде в 1986 году [Гоцзя юйянь 1996, с. 169–194]. В первой части списка помещены 350 упрощенных иероглифов, которые употребляются только как самостоятельные знаки. Вторая часть включает 132 упрощенных иероглифа, которые могут использоваться также в качестве частей сложных иероглифов. Сюда же добавлены 14 упрощенных частей иероглифов, которые не могут функционировать в качестве самостоятельных знаков. И наконец, в третьей части объединены простые иероглифы из второго списка и сложные иероглифы, которые содержат упрощенные части. В итоге список содержит те 2238 упрощенных иероглифов, которые используются в континентальной иероглифической системе.

Первый полный свод всех знаков, которые употребляются в изданиях на современном китайском языке («印刷通用汉字字形表», «Иньшуа тунъюн ханьцзы цзысин-бяо»), был опубликован и введен в действие в 1965 году. Он включал 6196 иероглифов, для каждого из которых были определены число черт, их состав и порядок следования в стандартном «сунском» шрифте (宋体 *сунти*), который с XIV в. употребляется в качестве основного в печатных изданиях. В 1988 году, уже в период «реформ и открытости», появился усовершенствованный вариант

этого документа. Он назывался «Список иероглифов, употребляющихся в современном китайском языке» («现代汉语通用字表», «Сяньдай ханьюй тунъюнцзы бяо») и содержал 7 тыс. знаков. Тогда же, в 1988 году, был опубликован первый документ, составленный с учетом частотности употребления иероглифов в текстах, — «Список частоупотребительных иероглифов современного китайского языка» («现代汉语常用字表», «Сяньдай ханьюй чанъюнцзы бяо»). В список включили 3500 знаков: 2500 самых частотных и 1000 менее частотных. Иероглифы, которые не входят в список из 3500 знаков, на самом деле составляют лишь небольшую часть в неспециальных текстах на китайском языке [Гоцзя юйянь 1996; Чжунго юйянь 2006, с. 422–437; Ху Шуанбао 2008, с. 112–197].

Последний, итоговый нормативный документ, опубликованный в КНР, — это «Список находящихся в употреблении стандартных китайских иероглифов» («通用规范汉字表», «Тунъюн гуйфань ханьцзы бяо») [Чжунго юйянь 2010. Т. 1, с. 045–050]. На протяжении восьми лет он разрабатывался Министерством образования КНР и Государственным комитетом по работе в области языка и письменности с учетом всех предыдущих достижений в области стандартизации китайских иероглифов. В 2009 году список был опубликован для всенародного обсуждения на официальном сайте Государственного комитета по работе в области языка и письменности и в газете «Чжунго цзяюй бао» («中国教育报», 13.08.2009). Основным (хотя и не единственным) источником при составлении списка послужили тексты на современном китайском языке, объединенные в компьютерной базе данных Государственного комитета по работе в области языка и письменности. Тексты датируются 1919–2002 годами, их общий объем — 91 млн знаков. В дополнительных базах данных собраны публикации в средствах массовой информации, тексты из школьных учебников (в том числе из учебников *вэньяня*) за

период с 1952 по 2003 год, детская художественная литература, изданная после 1949 года в КНР. Кроме того, проанализированы данные ряда словарей.

В итоге в список включены 8300 иероглифов, представленных в сунском шрифте. Знаки разделены на несколько уровней в зависимости от своей частотности. Первый уровень включает 3500 самых частотных знаков, второй уровень — 3000 менее частотных. Знание иероглифов первого и второго уровня (6500 знаков) считается достаточным для чтения современных печатных текстов на китайском языке. К третьему уровню относятся 1800 более редких знаков, которые употребляются в именах и фамилиях, географических названиях, научных терминах и, наконец, в учебниках *вэньяня* для начальной и средней школы.

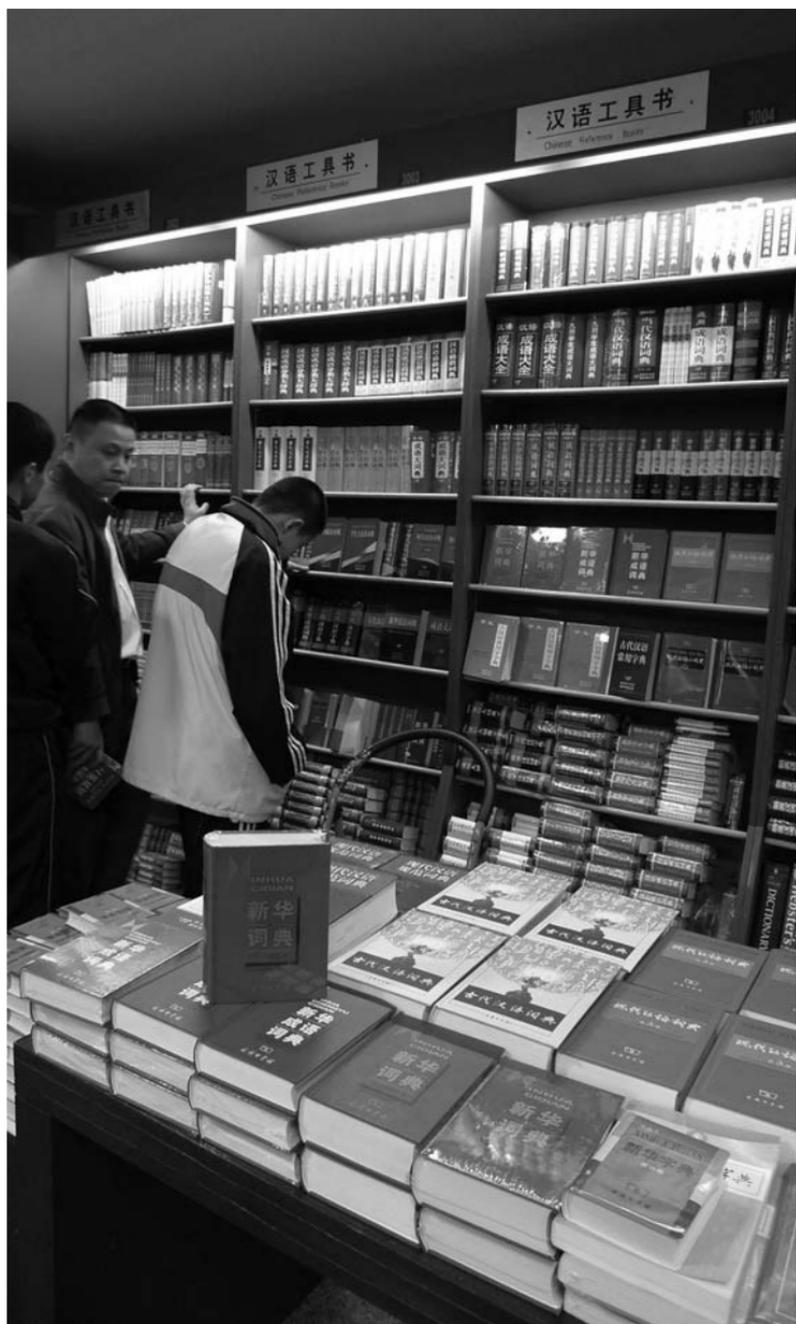
Без составления списков иероглифов, которые в отличие от знаков алфавитного письма исчисляются тысячами, невозможно цифровое кодирование, набор и поиск иероглифов в электронных словарях. Для китайского языка было создано несколько (как минимум десять) систем кодирования, две основные разработаны в КНР и на Тайване. Государственный стандарт КНР — *Гоцзя бяочжунь* (国家标准, *Guójīā biāozhǔn*, сокр. GB) — был впервые разработан в 1980 году, его последний вариант относится к 2005 году и допускает использование как сокращенных, так и полных иероглифов. Национальным стандартом кодирования иероглифов на Тайване *de facto* стала система 大五 *Дау* («Большая пятерка», Big 5). Она была разработана пятью тайваньскими компьютерными фирмами в 1984 году и включала только традиционные полные знаки. В Гонконге, где употребляются, с одной стороны, неупрощенные варианты написания, с другой — особые кантонские иероглифы, в 1994 году появилось местное дополнение к тайваньскому списку — «Сянган цзэнбу цзыфу» («Дополнительный список [с кодировками] иероглифов для Гонконга» — *Hong Kong Supplementary Character Set, HKSCS*).

В 2009 году Министерство образования и Комитет по работе в области языка и письменности опубликовали три нормативных документа, ориентированные прежде всего на компьютерные программы. Первый — это переработанный список стандартных ключей (部首 *бушоу*), которые должны употребляться в любых поисковых системах, прежде всего в словарях, а также при компьютерном наборе иероглифических текстов («汉字部首表», «Ханьцзы бушоу бяо»). Второй — список иероглифов для компьютерного кодирования GB13000.1, распределенных по стандартным ключам. Третий документ представляет собой перечень 256 простых частоупотребительных иероглифов и перечень 441 составной части (ключа или фонетика), употребляющейся в составе сложных частоупотребительных иероглифов, а также стандартные названия этих частей¹.

* * *

Иероглифы являются главным богатством, ценнейшим ресурсом китайской цивилизации, ее фундаментом и несущей конструкцией. Как всякое богатство, они нуждаются в строгом учете и упорядочении. Неудивительно поэтому, что составление списков иероглифов сопровождает китайскую письменность на протяжении всей ее истории. Совершенно очевидно, что эта работа будет продолжена и в новом тысячелетии, хотя и в нетрадиционных формах и на совершенно новом техническом уровне. Это же относится к подготовке словарей. Списки — это перечень иероглифов. Словари же, о которых пойдет речь в следующей главе, связывают письменные знаки-иероглифы с теми значимыми единицами, которые эти иероглифы записывают.

¹ Информация от 24 марта 2009 года на сайте Министерства образования: www.china-language.gov.cn/14/2009_3_31/1_14_4124_0_1238463336764.html.



СЛОВАРИ — КОМПАС В МОРЕ ИЕРОГЛИФОВ

Лексикография с древности занимала важное место в китайском языкознании и в жизни образованных людей. Без словарей была немыслима подготовка к экзаменам 科舉 *кэцзюй*, позволявшим занять государственные должности разного уровня. Официальные словари издавались по указу императоров, которые сами были высокопросвещенными людьми. Приоритетным направлением языкознания лексикография остается также в современном Китае. Словари занимают специальные отделы крупных книжных магазинов. У полок можно увидеть не только покупателей, но и молодых людей, усердно отыскивающих нужные данные для своих школьных или университетских заданий. Компактно изданные недорогие словари помещаются в рюкзаки школьников, их можно купить даже в газетных киосках.

В течение последних трех десятилетий «реформ и открытости» выпущены тысячи наименований старых и новых словарей разного объема, уровня и назначения, в том числе посвященных тем или иным эпохам в развитии китайского языка или терминам, которые относятся к разным областям знаний. Многие словари, в том числе фундаментальные, доступны уже не только в печатном, но также и в электронном виде — на дисках и в Интере-

те. Крупнейшее специализированное издательство «Шанхай цышу чубаньшэ» («上海辞书出版社», «Шанхайское издательство словарей») наряду с широким ассортиментом справочников выпускает уникальный журнал «Цышу яньцзю» («辞书研究», «Лексикография» / «Словарные исследования»). В стране создано Лексикографическое научное общество. Изданием словарей занимаются другие специализированные издательства, такие как «Сычуаньское издательство словарей» («四川辞书出版社») в Чэнду и «Хубэйское издательство словарей» («Хубэй цышу чубаньшэ», «湖北辞书出版社») в Ухане. В основе современных справочников — многолетние нормотворческие усилия языковедов XX в. и, конечно же, тысячелетние традиции китайского языкознания. Как в древних, так и в современных словарях используются три основных способа расположения и поиска иероглифов — тематический, графический и фонетический.

Структура древнекитайских словарей: «Эр я», «Фан янь», «Шо вэнь»

Тематический принцип расположения иероглифов был использован в самом древнем китайском словаре — «Эр я» («尔雅», «Приближение к правильному [языку]» — *эр я* [*янь*]). Танский комментатор Лу Дэмин (около 550 — 630 г.) разъяснял: «Слово 尔 *эр* имеет значение 近 *цзинь* “приближаться”, 雅 *я* — это 正 *чжэн* “правильный”». Слово 雅 *я* переводят также как «изысканный». Китайская традиция приписывала авторство «Эр я» Чжоугуну — брату первого чжоуского правителя Чжоувана (XI в. до н. э.), великому философу Конфуцию (около 551 — 479 г. до н. э.) или его ученикам. На самом деле словарь был составлен несколькими поколениями китайских филологов, которые соби-

рали и объясняли редкие малопонятные слова из древних памятников — «Ши цзин» («诗经», «Книга песен»), «Шу цзин» («书经», «Книга истории»), «Гунъян чжуань» («公羊传», «Предание Гунъяна»), «Шань хай цзин» («山海经», «Канон гор и морей»), «И цзин» («易经», «Книга перемен»). Чтение иероглифов в «Эр я» никак не обозначалось. Для записи редких слов часто использовали такие же редкие, необычные иероглифы, иногда «заимствовали» распространенные знаки. Установлено, что в своем первоначальном виде словарь был создан в эпоху Чжаньго (475–221 гг. до н. э.) и окончательно оформлен в начале династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). При династии Сун (960–1279) он был включен в конфуцианское собрание древнекитайских письменных памятников «Тринадцать канонов» («十三经», «Ши сань цзин»). Первоначально, как это засвидетельствовал знаменитый историк древности Бань Гу (I в. н. э.) в своей «Истории [династии] Хань» («汉书», «Хань шу»), в составе «Эр я» было 20 глав. В сохранившемся варианте содержатся 2094 словарные статьи, они распределены по 19 главам [Эндо 2001г; Гурьян 2009а; Гурьян 2009б; Эр я 1996; Чжан Минхуа 2007, с. 35–48].

В первых трех главах, посвященных объяснению древних слов 诂 gu, обыч-



Иллюстрированное издание древнейшего китайского словаря «Эр я», созданного в V–III вв. до н. э. несколькими поколениями интеллектуалов

ных слов 言 *янь* и «толкований» 訓 *сюнь*, собраны разные части речи. Названия третьей и первой глав вошли в состав термина 训诂学 *сюньгусяо* «схолиастика», который используется в качестве наименования одного из разделов традиционного китайского языкознания. Этот раздел, по определению С. Е. Яхонтова, «занимается толкованием древних слов и выяснением их значений путем просто перевода и путем описания предметов и явлений, существовавших в древности, но потом забытых или изменившихся» [Яхонтов 1980].

В остальных главах собраны только существительные. Четыре главы имеют непосредственное отношение к человеку, они посвящены семье, строительству, утвари и одежде, музыке и танцам. Следующая группа глав связана с природой — небом, землей, а также с ландшафтом — холмами, горами, реками. И наконец, последние семь глав посвящены флоре и фауне: они включают названия трав, деревьев, насекомых, рыб, птиц, диких зверей и домашних животных. Среди важнейших критериев, определивших строение «Эр я», — «антропонимичность» слов: именно степень их близости или отдаленности от человека обуславливает состав и последовательность глав, которая не совпадает с последовательностью частей мироздания (небо — земля — человек), характерной для китайской философской концепции мира [Гурьян 2009б]. Рубрикация «Эр я» стала образцовой при составлении многих более поздних словарей, построенных по тематическому принципу, но она не обязательна в современных китайских справочниках и тематических указателях, которые по классической схеме могут начинаться с раздела «Небо»; ср., например, тематический указатель к словарю диалекта Иньчуаня [Ли Шуянь 1996, с. 326–376].

Словарные статьи в «Эр я» построены по нескольким моделям. Так, в первой главе, где собраны самые древние слова из памятников V в. до н. э., преобладает модель «А,

В, С, х 也». В ее составе А, В, С — перечень связанных по значению объясняемых слов (в среднем семь слов входят в перечень в первой части главы, пять слов — во второй), х — общее поясняющее слово и 也 е — древний глагол-связка «есть, является». В сравнительно поздних главах, которые датируются концом эпохи Чжаньго — началом эпохи Хань, основной становится модель «А + В» (объясняемое слово / словосочетание + поясняющая часть). И наконец, в последней главе (I в. до н. э.) возможны словарные статьи в виде небольшого связного текста. Разные модели в составе одной и той же главы свидетельствуют о наличии в ней нескольких слоев, созданных разными авторами в разное время [Эндо 2001в]. «Эр я» до сих пор считается одной из сложнейших канонических книг. Уже в эпоху Восточная Хань (25–220) появились комментарии к его словарным статьям; самый ранний сохранившийся комментарий составлен знаменитым комментатором Го Пу (276–324) при династии Цзинь (265–420) [Колоколов 1977].

По тематическому принципу был организован также первый диалектный словарь «Фан янь» («Местные слова», «方言»), автором которого традиционно считается ханьский филолог Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.). Он родился на юге страны, в области Шу (современная провинция Сычуань), но жил на севере, в ханьской столице Чаньань (современный город Сиань в провинции Шэньси). На протяжении многих лет Ян Сюн собирал местные китайские и не только китайские слова, расспрашивая людей, которые прибывали в столицу из разных областей страны. Материалы словаря охватывают обширную территорию, в тексте упоминаются десятки географических названий. Некоторые примеры Ян Сюн заимствовал из более ранних источников, в том числе из «Эр я» — традиция собирать «местные слова» существовала уже при династиях Чжоу (XII/XI–III вв. до н. э.) и Цинь (221–207 гг. до н. э.). Изна-

начально «Фан янь» был разделен на 15 тематических глав, они содержали 658 словарных статей, объединивших примерно 9 тыс. иероглифов. Чтение иероглифов не обозначалось, статьи были построены по нескольким моделям [Яхонтов 1980, с. 96; Чжан Минхуа 1998, с. 48–58; Эндо 2001в].

Как об этом свидетельствуют материалы словаря, основная, хотя и не единственная лингвистическая граница Древнего Китая проходила в меридиональном направлении и делила страну на два ареала — к востоку и к западу от заставы Ханьгу в современной провинции Хэнань (ср. современные карты, составленные по материалам словаря «Фан янь» [Seruyus 1962]). Это же политическое и культурное деление было отражено в восточных и западных вариантах иероглифической письменности, которые существовали в эпоху Борющихся царств — Чжаньго. Две основные современные диалектные границы, в отличие от древних, проходят не с севера на юг, а с востока на запад: вдоль природного рубежа по реке Хуайхэ и хребту Циньлин и южнее вдоль реки Янцзы. И государство Цинь со столицей Сяньян (неподалеку от современного города Сиань), и древние восточные государства попадают в единую подгруппу 中原 Чжунъюань (подгруппа Центральной равнины) внутри диалектов группы 官话 гуаньхуа. Она протянулась от Синьцзяна и Ганьсу на западе до Шаньдун и севера Цзянсу на востоке. Лингвистическое противопоставление север — юг вдоль реки Хуайхэ было впервые зафиксировано в «Комментарии к “Местным словам”» («方言注», «Фан янь чжу») известного филолога Го Пу (276–324). В противоположность Ян Сюну Го Пу родился на севере, но после захвата кочевниками Северного Китая переехал на юг, где на месте современного Нанкина была основана столица династии Восточная Цзинь (317–420). Го Пу не только собирал новые материалы, но также объяснял северные слова из «Фан яня», используя местные



«Шо вэнь цзе цзы» — самый первый полный китайский словарь, составленный Сюй Шэнем в 100 году н. э.

эквиваленты из района нижнего течения Янцзы. Анализ «Фан яня» и других древних диалектных памятников был продолжен в более поздних комментариях, в том числе составленных при династии Цин (1644–1911).

Первый полный словарь в Китае появился через полтора века после словаря «Фан янь» и назывался «Шо вэнь цзе цзы» («说文解字», «Объяснение простых и рассечение сложных знаков»), сокращенно «Шо вэнь» («Объяснение знаков»). Впервые в истории китайского языкознания он был построен по графическому принципу. Автор «Шо вэня», ханьский филолог Сюй Шэнь (около 58 г. — около 147 г.) завершил составление словаря к 100 году. В 121 году «Шо вэнь» был представлен ханьскому императору Аньди (на троне в 107–126 гг.) сыном Сюй Шэня, которого звали Сюй Чун. При составлении словаря были использованы более ранние источники, в том числе «Эр я» и несохранившийся учебный список иероглифов «Ши Чжоу пянь», который Сюй Шэнь упоминает в послесло-

вии. В XX в. данные «Шо вэнь», в свою очередь, привлекались при дешифровке древнейших памятников китайской письменности — иньских гадательных надписей 甲骨文 *цзягувэнь* и надписей на бронзе 金文 *цзиньвэнь*. Всего в «Шо вэне» содержится 9353 иероглифа. Они даны в записи нормативным письмом эпохи Цинь — 小篆 *сяочжужуань* («малая чжжуань», «[знаки] малой печати»), которое уже вышло из употребления в эпоху Хань (стандартный почерк этой эпохи — 隶书 *лишу* «деловое письмо»). Для некоторых иероглифов указаны древние варианты написания, которые существовали до унификации письменности императором Цинь Шихуаном в 213 г. до н. э. Общее число вариантов составляет 1163 знака [Сюй Шэнь 1989; Яхонтов 1980, с. 96–99; Чжу Миньшэнь 1989; Чжан Минхуа 1998, с. 58–85].

В словаре «Шо вэнь», таким образом, были впервые собраны и впервые последовательно распределены по графическим ключам не только редкие, но также все другие известные к тому времени иероглифы. Чтение Сюй Шэнь указывал лишь в случае редких знаков — с помощью другого иероглифа с таким же или близким чтением, который в свою очередь также мог оказаться сравнительно редким (этот метод назывался методом «прямого звучания» 直音 *чжиинь*). Все иероглифы распределены по 540 разделам (部 *бу*), объединенным одинаковым графическим элементом — ключом (部首 *бушоу*, букв. «возглавляющий раздел»). Этот «главствующий» графический элемент помещен в начале соответствующей группы. Первым ключом в списке был определен иероглиф — *и* «единица», последним — циклический знак 亥 *хай*, символизирующие начало и завершение мироустройства в китайской натурфилософии. По своему числу и составу ключи в «Шо вэне» отличаются от современных: ключом, в частности, мог быть «назначен» не только простой, но и сложный знак.

В некоторых статьях «Шо вэня» содержится также информация о графической структуре соответствующих гнездовых иероглифов. Анализ структуры основан на так называемых «шести категориях» (六书 *лю шу* «шесть [категорий] письма»), которые были выделены уже в эпоху Чжаньго и не обязательно под одними и теми же названиями в разном порядке перечислялись некоторыми ханьскими авторами. Полное же описание «шести категорий» и примеры иероглифов, относящихся к каждой из них, впервые в истории китайского языкознания дал Сюй Шэнь в послесловии к своему словарю.

Прежде чем распределить иероглифы по шести категориям, Сюй Шэнь разделил их на простые (文 *вэнь*) и сложные производные знаки (字 *цзы*). Простые знаки, так же как в современных классификациях иероглифов, которые во многом восходят к классификации Сюй Шэня, состоят из одной или более графических составляющих — черт, которые не могут употребляться в качестве самостоятельных иероглифов. В составе сложных знаков можно выделить два или более исходных знака *вэнь*. Четыре из шести категорий *лю шу* основаны на сопоставлении значения и графической структуры иероглифа. Простые знаки распределены по двум категориям: «указательные» (категория 指示 *чжи ши*, 125 знаков), восходящие к символам (например 上 *шан* «верх», 下 *ся* «низ»), и «изобразительные» (категория 象形 *сян син*, 364 знака) — рисунки по происхождению (日 *жи* «солнце», 月 *юэ* «луна» и т. п.). Сложные иероглифы-фоноидеограммы (категория 形声 *син шэн*, 7697 знаков) состоят из смысловой части, указывающей значение (ее современное название — 形旁 *синпан*, англ. *radical*, рус. «детерминатив», также «ключ»), и фонетической, указывающей чтение (声旁 *шэнпан* «фонетик»). Так, в составе иероглифа 河 *хэ* «река» выделяется ключ 氵 (水) «вода» и фонетик 可 *кэ* «можно». Сложные иероглифы-идеограммы (категория 会议 *хуэй и*, 1167 зна-

ков) состоят из двух и более простых иероглифов, связанных между собой по смыслу (например, 休 *сю* «отдыхать» включает знаки 人 *жэнь* «человек» и 木 *му* «дерево»). Пятая и шестая категории лю шу были основаны на принципах общности иероглифов, не имеющей отношения к графической структуре знаков. Немногочисленные связанные между собой по смыслу и форме иероглифы (например 老 *лао* «старый» и 考 *као* «доживать до глубокой старости») отнесены к «видоизмененным» знакам (категория 传注 *чжуань чжу*). «Займствованные» иероглифы (категория 假借 *цзя цзе*) использовались как в древности, так и позже для записи другой слогоморфемы с тем же или похожим звучанием без добавления к исходному знаку смыслового ключа.

Средневековые словари рифм: «поворачивание и разрезание» слога

Фонетический способ расположения иероглифов появился гораздо позже, чем графический, в словарях рифм 韵书 *юньшу*. С эпохи Тан (618–907) стихосложение стало составной частью государственных экзаменов *кэцзюй*. Списки рифм и распределение иероглифов по рифмам утверждались императорами. Предполагается, что отраженная в официальных рифмах фонетика в значительной степени была условной и отличалась от реального произношения — как столичного, так и диалектного, поэтому при подготовке к экзаменам приходилось использовать поэтические справочники.

Рифма — важнейший элемент китайского стихосложения, она представляет собой часть слога без начальнослогового согласного (инициали) и следующего за инициальной неслогообразующего гласного (медиали). В результате рифма состоит либо из одного гласного (*-a, -i, -u*

и т. п.), либо из слогаобразующего гласного в сочетании с конечным неслогообразующим элементом. В качестве конечного элемента может выступать гласный (например, в составе рифмы *-ai*), сонант (например, в рифме *-an*), а также имплозивный согласный *-p*, *-t* или *-k* в среднекитайском языке и некоторых современных диалектах. В поэзии эпохи Тан слоги **ka* и **kua* содержат рифму **-a*; слоги **dai* и **luai* — рифму **-ai*; слоги **loŋ* и **pionŋ* — рифму **-oŋ*; слоги **dok* и **kiok* — рифму **-ok* [Ван Ли 1985]. В списке китайских фамилий «Бай цзя син» («百家姓», «Фамилии ста семей»), составленном в эпоху Сун, рифмуются фамилии 康 Кан [k'ɑŋ], 黄 Хуан [xuaŋ], 龐 Пан [p'ɑŋ] и 梁 Лян [liɑŋ], имеющие рифму *-aŋ*.

Слоги, которые имеют одинаковые по составу звуков рифмы, но разные тоны, не могут рифмоваться между собой. В среднекитайском языке было четыре тона: 平 *пин* (или 平声 *пиншэн*) — «ровный», соответствующий современным пекинским первому и второму тонам, 上 *шан* (上声 *шаншэн*) — «восходящий» (пекинский третий), 去 *цюй* (去声 *цюйшэн*) — «уходящий» (пекинский четвертый) и 入 *жу* (入声 *жушэн*) — «входящий» (распределен по разным современным пекинским тонам). Все четыре приведенные выше фамилии из списка «Бай цзя син» относятся к среднекитайскому тону *пин*, в настоящее время — к первому (Кан) и второму (Хуан, Пан, Лян) пекинским тонам. К «входящему» тону в китайском языкознании и поэзии традиционно относят слоги с конечными имплозивными согласными *-p*, *-t*, *-k*. В звуковом отношении слоги с этими согласными считают параллельными, но не рифмующимися со слогами, имеющими конечные *-m*, *-n*, *-ŋ* (например, трем рифмам с **-en* в тонах *пин*, *шан*, *цюй* соответствует рифма **-et* в тоне *жу*). В словарях традиционного типа рифмы разных тонов помещали в разные разделы. Начиная с эпохи Юань (1271–1368) рифмы одинакового звукового состава, но разных тонов, напро-

тив, были объединены в одну группу. Определение тона в китайской классической поэзии было важным не только с точки зрения рифмы, но также с точки зрения правильного расположения слогов в стихотворной строке, где ровный и остальные «неровные» (仄 цзэ) тоны чередовались по определенным правилам, которые сейчас снова преподают детям в школе.

Самый ранний из упомянутых в письменных источниках, но не сохранившихся словарей рифм — «Категории звуков» («声类», «Шэн лэй») Ли Дэна (династия Вэй, 220–265 гг.). Первый сохранившийся в рукописных отрывках и в более поздних вариантах — знаменитый словарь «Це юнь» («切韵», «Разрезания и рифмы»), составленный в 601 году Лу Фаянем при участии восьми его друзей — любителей филологии. Фрагменты «Це юня», относящиеся к периодам Тан и Пяти династий (907–960), в XX в. были найдены в библиотеке пещерных храмов Могао (Дуньхуан, современная провинция Ганьсу), в Турфане (современный Синьцзян) и — самый полный текст — в библиотеке императорского дворца Гугун в Пекине. В настоящее время эти документы хранятся в различных библиотеках мира, в том числе в фонде Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге — наследника знаменитого Азиатского музея [Endo 2001, с. 181].

Долгое время фонетику, отраженную в «Це юне», изучали по тексту его официального переработанного сунского варианта — словаря «Гуан юнь» («广韵», «Расширенный “[Це] юнь”»), составленного по указу сунского императора Чжэньцзуна в 1008 году. В «Це юне» было 11 500 иероглифов, которые распределялись по 193 рифмам, словарь «Гуан юнь» включал 26 194 иероглифа и 206 рифм. К эпохе Сун относится еще одна официальная переработка «Це юня» — словарь «Цзи юнь» («集韵», «Полный “[Це] юнь”», 1037 г.), который был известен тем, что содержал самое большое число иероглифов — 53 525,

значительную часть которых составляли, впрочем, разнописи и местные знаки [Яхонтов 1981; Эндо 2001б, с. 9–98; Чжан Минхуа 2007, с. 157–169].

Главы в словарях рифм объединяли иероглифы, читающиеся с одним и тем же тоном. Разделы внутри глав, в свою очередь, включали иероглифы, которые читались с одинаковым тоном и одинаковыми в звуковом отношении рифмами. И наконец, иероглифы, имевшие совершенно одинаковое чтение — не только рифму и тон, но также инициаль и медиаль, — объединялись в «малые рифмы» (小韵 *сяо юнь*). Последовательность «малых рифм» внутри звуковой рифмы, как и иероглифов внутри них, была произвольной. Чтение иероглифа, возглавлявшего «малую рифму», передавалось при помощи двух других

иероглифов по методу 反切 *фаньцзе* — «разрезание», точнее — «поворачивание и разрезание», изобретенному во II–III вв. Первый, «верхний» (上 *шан*) иероглиф читался с той же инициальной, что и «транскрибируемый» знак, а второй, «нижний» (下 *ся*) — с той же финалью и тоном. Так, чтение иероглифа 東 *дун* описывалось как 德紅切 *дэ хун цзе* — «разрезание *дэ хун*». Метод *фаньцзе* считается важнейшим открытием в истории китайского языкознания. До его изобретения китайские филологи умели передавать чтение иероглифа только через чтение другого знака, который



Тридцать шесть
среднекитайских согласных
на старинной схеме,
приложенной к таблицам рифм

мог также оказаться неизвестным тому, кто хочет навести справку [Вахтер 1992].

Со временем в дополнение к словарям рифм были созданы фонетические таблицы (韵图 *юньту* «таблицы рифм»), в которых иероглифы группировались на основе сложных многоуровневых принципов классификации с учетом всех характеристик соответствующего слога. Многие термины и правила, лежащие в основе таблиц рифм, возникли в результате знакомства китайцев с неслоговым языком — санскритом и санскритским алфавитно-слоговой письменностью после проникновения в Китай буддизма [Юй Минь 1999]. Ср.: 转 *чжуань* «тип рифм» от *parivarta* «поворот, изменение, раздел»; 摄 *шэ* «класс рифм» от *parigraha* «обобщать, резюмировать». С одной стороны, изучение таблиц дает представление о традиционной китайской фонологии 等韵学 (*дэньюньсюэ* «наука о классификации рифм», букв. «наука о рядах фонетических таблиц и рифмах»). С другой — модернизированные таблицы, составленные по образцу традиционных с использованием традиционной же терминологии, и сейчас имеют практическое применение. Они используются как при обследовании, так и при описании современных диалектов.

Самые ранние таблицы — «Юнь цзин» («韵镜», «Зеркало рифм») были предположительно составлены во второй половине VIII в. и содержали 206 рифм. От «Юнь цзина» почти не отличается «Ци инь люэ» («七音略», «Обзор семи категорий звуков»), включенный Чжэн Цяо (1104–1162) в его знаменитую «Энциклопедию» («通志», «Тун чжи»). В первой половине XIII в. система официальных рифм была упрощена и сведена к 106 или 107 рифмам, получившим название «пиншуйских» (平水韵 *пиншуйюнь*) — по местности Пиншуй, откуда был родом Лю Юань, автор первого словаря в этой системе. Пиншуйские рифмы, которые, впрочем, также не были основаны на реальном произношении, были обязательны на госу-

дарственных экзаменах вплоть до их отмены в 1905 году. Элементы живого произношения впервые появились в таблицах рифм, включенных в «Книгу об управлении миром в соответствии с высшим совершенством императора» («皇极经世书», «Хуан цзи цзин ши шу») Шао Юна (1011–1077) [Яхонтов 1980а; Яхонтов 1981].

Словари, полностью ориентированные на реальное произношение, были составлены лишь после завоевания Китая монголами и установления династии Юань, при которой поначалу отменили государственные экзамены и хотели отменить иероглифическую письменность. Первым среди словарей нового типа стал «Чжуньюань инь юнь» («中原音韵», «Рифмы произношения Центральной равнины», 1324 г.), основанный на произношении монгольской столицы Даду (Пекина) и признанный в истории китайского языкознания вторым по значению фонетическим справочником после «Це юня» [Исияма 1925; Stimson 1966; Pulleyblank 1984, с. 238–254]. Автор «Чжуньюань инь юнь», драматург Чжоу Дэцин (1277–1365), составил этот справочник в помощь другим сочинителям и актерам, игравшим в юаньской драме, которая наряду с прозаической речью включала стихи. В традиционных словарях рифм слоги разных тонов с одинаковой звуковой рифмой считались относящимися к разным рифмам, иероглифы распределялись по главам в зависимости от тона соответствующего слога и лишь затем делились на звуковые рифмы. Чжоу Дэцин, наоборот, сначала распределил 5866 иероглифов по 19 звуковым рифмам и только потом внутри рифм — по тонам. В «Чжуньюань инь юнь» можно обнаружить следующие фонетические особенности пекинского и других близких ему диалектов *гуаньхуа*.

1. Вместо традиционных среднекитайских тонов (*пин, шан, цюй и жу*) представлены четыре современных пекинских тона: 阴平 *иньпин* (пекинский первый тон), 阳平 *янпин* (второй), 上声 *шаншэн* (третий), 去声 *цюйшэн* (четвертый).

2. Отражено современное «тройное» хэбэйско-шаньдунское развитие среднекитайского «входящего» тона. Тон 入 *жу* по схеме Чжоу Дэцина в слогах со звонкими инициалами превращается в тон 阳平 *янпин*, в слогах с сонорными и глухими — в тоны 去声 *цюйшэн* и 上声 *шаншэн* соответственно, как, например, в современном диалекте Чанли провинции Хэбэй. Слоги любого типа со среднекитайским конечным *-k у Чжоу Дэцина интерпретируются как слоги с рифмами-дифтонгами, ср. 薄 **raw*, 色 **ʂaj*, 德 **dej* (о рифмах с конечным *-k в современных диалектах *гуаньхуа* см. Завьялова 1996).

Как и в большей части современных диалектов, среднекитайские звонкие согласные в системе «Чжунъюань инь юнь» перешли в глухие. К сравнительно архаичным особенностям относятся заднеязычные инициалы в слогах с финалями палатального типа и исчезнувший в современных диалектах *гуаньхуа* конечный *-m: 金 **kim*, 三 **sam* (в современном пекинском — [tɕin], [san]).

Системы расположения и поиска иероглифов в современных печатных и электронных словарях

Китайские фонетические словари современного типа, по сути дела, сочетают фонетический способ с графическим. Порядок иероглифов с одинаковым чтением, записанным алфавитом, определяется графической структурой знаков. Поскольку сами китайцы, особенно носители диалектов, не всегда знают нормативное пекинское чтение иероглифов, фонетические словари обычно дополнены графическими указателями. Основным графическим способом расположения и поиска иероглифов остается ключевой. Система по числу черт удобна в сравнительно небольших списках, например в указателях к географи-

ческим атласам. Иероглифы в этом случае группируются сначала по общему числу образующих их черт и лишь потом либо по ключам, либо по первым чертам. Сравнительно редко встречаются тематические справочники, например диалектные лексиконы. В одном и том же электронном словаре пользователи могут воспользоваться самыми разными поисковыми системами — как фонетическими, так и графическими.

Современная ключевая система заметно отличается от той, которая была использована в словаре «Шо вэнь» [Ли Юймин, 2005, с.161]. В 1615 году, в конце династии Мин, Мэй Инцзо в своем словаре «Цзы хуэй» («字汇», «Свод иероглифов») впервые предложил список из 214 ключей, который оставался стандартным вплоть до реформы письменности в КНР. В качестве ключей в «Цзы хуэй» использовались только простые знаки, которые не могут быть разделены на части, способные употребляться в качестве самостоятельных иероглифов. Внутри раздела, объединенного ключом, иероглифы располагались в зависимости от числа черт, что значительно облегчало поиск. Появление системы из 214 ключей было, в частности, обусловлено переходом словарей с древней графической формы иероглифов *сяочжуань*, которую использовал автор словаря «Шо вэнь», на форму *лишу*, лежащую в основе современного стандартного написания иероглифов 楷书 *кайшу* (список ключей *сяочжуань* см. [Березкин 2003]). Наиболее важный традиционный словарь, основанный на системе Мэй Инцзо, — «Канси цзыдянь» («康熙字典», «Словарь иероглифов, [составленный под девизом правления императора] Канси», 1716 г.), который оказал огромное влияние на китайскую лексикографию более позднего времени. В верхней части каждой страницы в «Словаре Канси» приведено также написание иероглифов почерком *сяочжуань* (см., например, современное издание [Канси 1955]).

В КНР список из 214 ключей по-прежнему используется в словарях с полными иероглифами — как в переизданных старых, так и в тех новых справочниках, которые ориентированы на тексты без упрощений. В словарях, появившихся в КНР с конца 1970-х годов, можно было найти самые разные списки — из 189, 200, 201, 209, 250 ключей [Ли Юйминь 2005, с. 161]. В 1983 году был разработан проект нормативного списка, который включал 201 ключ. И наконец, в 2009 году опубликован основанный на этом проекте окончательный вариант из 201 ключа, подготовленный Министерством образования и Комитетом по работе в области языка и письменности [Ханьцзы бушоу 2009].

При выделении ключей в составе иероглифов действуют следующие принципы.

В составе иероглифов-фоноидеограмм поисковым ключом 部首 *бушоу* служит их семантическая графическая часть 形旁 *синпан*. Так, иероглифы-фоноидеограммы 妹 *мэй* «младшая сестра», 姐 *цзе* «старшая сестра», 媳 *си* «невестка», 媽 *янь* «кокетливый, прелестный», 妖 *яо* «коварный, колдовской», 奴 *ну* «раб» относятся к одному и тому же ключу 女 *нюй* «женщина» (международный стандарт кодирования символов Юникод содержит 411 знаков с этим ключом). Семантическая связь между ключом и современной фоноидеограммой может оказаться весьма отдаленной, как, например, в иероглифе 始 *ши* «начало». Следует также иметь в виду, что в древности некоторые знаки имели совершенно другую структуру, чем сейчас. Так, иероглиф 虹 *хун* «радуга» поначалу представлял собой изображение двухголового змея, но позже стал фоноидеограммой с ключом 虫 *хуэй* «ядовитая змея» и фонетиком 工 *гун* «ремесленник».

В составе сравнительно редких иероглифов-идеограмм, состоящих из двух или более смысловых частей, в качестве поискового ключа условно «назначается» одна

из них. Так, в составе иероглифа 休 сю «отдыхать» («человек» + «дерево») ключом считается «человек».

В остальных случаях ключ определяется традицией. Ср. ключ 一 и «единица» в составе иероглифа 不 бу, который в древности имел значение «зародыш, семя», но был в разное время заимствован для записи других слов, в том числе современного глагольного отрицания. Тот же ключ «назначен» в составе иероглифов 上 шан «верх» и 下 ся «низ» (исторически — точка над и под горизонтальной линией) или упрощенного знака 万 вань «десять тысяч», который традиционно использовали и сейчас используют в КНР вместо полного 萬. Последний иероглиф, в свою очередь, является так называемым «заимствованным» знаком и восходит к изображению скорпиона.

Иероглифы с трудноопределимыми ключами иногда помещают в отдельный список-указатель. Одни и те же ключи могут занимать разные позиции в составе иероглифа — находиться слева, сверху, внизу, охватывать остальную часть иероглифа слева и справа, обрамлять иероглиф. Графическая форма некоторых ключей зависит от их местоположения. Ср., например, ключ 水 «вода» в составе иероглифов 泉 цюань «источник» и 江 цзян «река». Порядок ключей определяется числом черт и традицией для ключей с одинаковым числом черт. Как в классическом



Современная брошюра рассказывает о многочисленных системах расположения и поиска иероглифов, разработанных китайцами на протяжении тысячелетий

списке Мэй Инцзо, так и в новейшем стандартном списке первым стоит ключ — и «единица», состоящий из одной черты, последним — ключ 龠 юэ «флейта» из семнадцати черт. Порядок внутри раздела, в свою очередь, обусловлен количеством черт в дополнительной (без учета ключа) части иероглифа.

Помимо ключевого в современных словарях можно встретить еще один, менее распространенный способ расположения и поиска иероглифов. Он называется метод «по четырем углам» 四角 *сыцзяо*, точнее — метод с нумерацией четырех углов (四角号码检字法 *сыцзяо хаома цзяньцзыфа*). Автор этого метода — публицист и государственный деятель Ван Юньу (Y. W. Wong, 1888–1979) — в 1920-х годах возглавлял издательство «Шаньу иньшугуань» («商务印书馆») в Шанхае, бывал в Японии. Считается, что в Токио он мог познакомиться с О. О. Розенбергом — одним из разработчиков особой русской графической системы поиска иероглифов, созданной в XIX в. академиком В. П. Васильевым, — и под влиянием этого знакомства в 1925 году придумал и к 1928 году разработал свой новый метод. Автором небольшого стихотворения, помогающего запомнить основную классификацию черт по десяти классам, был знаменитый публицист и общественный деятель Ху Ши (1891–1962), которого Ван Юньу познакомил со своей системой [Цао Найму 2009, с. 37–41].

В системе поиска «по четырем углам», как и в традиционной китайской каллиграфии, иероглиф мыслится вписанным в квадрат. Каждый из четырех углов квадрата обозначают цифрой от 0 до 9, код каждого иероглифа записывается четырехзначной цифрой. Черты и сочетания черт сгруппированы в десять классов: (0) точка в сочетании с горизонтальной чертой; (1) непересекающиеся горизонтальные черты в разных вариантах; (2) непересекающиеся вертикальные черты и откидные влево; (3) точки и откидные вправо; (4) пересекающиеся черты; (5) черта,

пересекающая две или более черт; (6) замкнутые рамки; (7) различные углы; (8) конфигурация черт, напоминающая иероглиф 八 *ба* «восемь»; (9) конфигурация черт, напоминающая иероглиф 小 *сяо* «маленький». Цифры записываются от верхнего левого угла через верхний правый и нижний левый к нижнему правому. Существует также система введения дополнительной цифры для иероглифов с одинаковыми четырехзначными кодировками.

Метод поиска «по четырем углам» использовался в довоенных публикациях издательства «Шаньзу иньшугуань», в том числе в Гонконге, в библиотечных каталогах и различных картотеках того времени, а также в указателях к некоторым более поздним словарям, в частности в Японии. В КНР несколько раз издавался небольшой «Новый словарь “по четырем углам”» («四角号码新词典», «Сыцзяо хаома синь цыдянь»). Указатель «по четырем углам» с подробной инструкцией по его использованию, написанной Г. А. Ткаченко, включен в «Большой китайско-русский словарь» под редакцией И. М. Ошанина (М., 1983–1984. Т. 1, с. 185–321).

Помимо описанных выше графических поисковых систем в истории китайского языкознания было создано множество других, менее известных и менее популярных [Цао Найму 2009]. В отечественных китайско-русских словарях основной системой



Важнейший словарь, использующий 214 поисковых ключей, «Канси цзыдянь», впервые опубликован в 1716 году и не утратил своего значения в наши дни

расположения и поиска иероглифов пока остается русская графическая. Впервые она была разработана и описана в 1866 году академиком В. П. Васильевым (1818–1900) и нашла практическое применение в его учебном пособии «Графическая система китайских иероглифов: Опыт первого китайско-русского словаря» (СПб., 1867). Впоследствии по именам других, более поздних своих разработчиков она была названа «системой Васильева — Пещурова — Розенберга — Колоколова». Как и другие графические системы расположения и поиска иероглифов, русская система ориентирована на стандартный печатный шрифт (宋体 *сунти*), сложившийся в период династии Сун с развитием ксилографии — печатания с резных досок. Система основана на следующих основных принципах.

1. Место иероглифа в словаре определяется чертой, находящейся в его правом нижнем углу. При отсутствии черт в правом углу в качестве поисковой используется черта, которая спускается вертикально вниз либо наискосок, например вертикаль | в составе иероглифа 下, откидная вправо 丿 в знаке 木, откидная влево в составе 广.

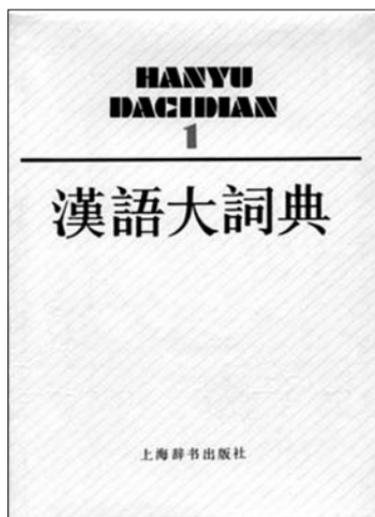
2. Указатель к отысканию иероглифов в словаре, помещаемый обычно на форзаце — внутреннем развороте между переплетом и блоком книги, — делится на пять отделов. Эти отделы соответствуют пяти основным чертам иероглифов в следующем порядке: горизонталь (I), вертикаль (II), откидная влево (III), откидная вправо (IV), точка (V) (несколько иной состав и порядок основных черт утвержден в КНР в 1964 году).

3. Каждый из пяти отделов, в свою очередь, включает несколько разделов (общим числом 24) и подразделов (всего 60), которые соответствуют 24 чертам печатного иероглифического шрифта и 60 комбинациям этих черт, которые «приращиваются» к основной черте. Шестьдесят

комбинаций черт, таким образом, образуют своеобразный графический алфавит, который последовательно используется на разных этапах поиска иероглифа.

4. Порядок расположения простых иероглифов, объединенных основной чертой, определяется чертами, которые последовательно добавляются («приращиваются») сверху. Так, в иероглифе 二 к горизонтали сверху добавлена еще одна горизонталь, в иероглифе 工 к нижней горизонтали добавлена вертикаль и затем снова горизонталь и т. п.

5. Порядок расположения сложных иероглифов, которые помещают после простых, определяется, в свою очередь, структурой простых знаков, последовательно добавляемых к основному, — слева, охватом сверху и слева, сверху: 目, 相, 眉, 冒 и т. д.



Среди фундаментальных многотомных изданий, выпущенных в период «реформ и открытости», — словарь иероглифов «Ханьюй да цзыдянь» и словарь слов «Ханьюй да цыдянь»

С наступлением компьютерной эры все традиционные проблемы, которые издавна стояли перед пользователями и составителями словарей, возникли также при разработке информационных систем. В электронных словарях иероглиф можно отыскать через стандартное чтение в разных алфавитных системах, диалектное чтение (кантонское, 閩南 *миньнань* и客家 *хакка*), японское и корейское чтение, через слово в другом языке (например, английском), если речь идет о двуязычных словарях, а также с помощью графических способов.

Словари слов и словари иероглифов

Древние словари иероглифов и более поздние справочники, ориентированные на древнекитайский язык или *вэньянь*, — это в то же время словари слов, поскольку в древнекитайском языке слово обычно состояло из односложного корня и записывалось своим индивидуальным иероглифом. В современном языке слово может состоять из одной, двух или нескольких слогоморфем и записываться соответствующим числом иероглифов, поэтому современные китайские словари подразделяются на словари иероглифов 字典 *цзыдянь* и словари слов 词典 (辞典 *цыдянь*). Первые — это, по сути дела, словари знаков, записывающих слогоморфемы. Поиск в словарях второго типа включает два этапа: поиск гнездового иероглифа, которым записывается первая слогоморфема в слове или словосочетании, и затем поиск слова или словосочетания внутри соответствующей словарной статьи, «возглавляемой» гнездовым иероглифом.

Предшественниками современных толковых словарей, выпущенных в КНР и на Тайване, послужили многочисленные издания первой половины прошлого века. Выпущенный в Китайской Республике «Чжунхуа да цзыдянь»

(«中华大字典», «Большой китайский словарь иероглифов», 1915) основан на словаре «Канси цыдянь». Он учитывает совокупность иероглифов, употреблявшихся в китайском языке на протяжении всей его истории, и включает более 48 тыс. знаков. В том же 1915 году был опубликован первый китайский словарь слов — «Цыюань» («辞源», «Источник слов»), работа над которым была начата на закате династии Цин в 1908 году. Первый в истории китайского языка полный словарь слов, который был ориентирован на современный китайский язык и построен по фонети-



Словарь слов современного китайского языка «Сяндай ханьюй цыдянь» отражает лексические нормы путунхуа и рассматривается как важнейшее достижение языковых реформ в КНР

ческому принципу, восьмитомный «Гоюй цыдянь» («国语辞典», «Словарь государственного языка гоюй»), выпускался на протяжении ряда лет (1937–1945) [Линь Юйшань 1992, с. 155–158; Чжан Минхуа 2007, с. 157–169]. После 1949 года он неоднократно переиздавался на Тайване, в частности для учебных целей, и доступен в онлайн-варианте в качестве официального словаря современного китайского языка. Среди наиболее значительных современных тайваньских изданий — «Чжунвэнь да цыдянь» («中文大辞典», «Большой словарь слов китайского письменного языка». Т. 1–40. Тайбэй, 1962–1968). Он содержит 49 905 гнездовых иероглифов, но в отличие от словаря «Гоюй цыдянь» ориентирован не только на современный язык, но также и на *вэньянь*.

Два словаря современного китайского языка, изданные в КНР, рассматриваются как нормативные (слово 规范 *гуифань* «нормативный» употребляется в заголовках некоторых других словарей, но официально и по сути они таковыми не являются) [Чжунго юйянь 2007. Т. 1, с. 267].

Первый — словарь иероглифов «Синьхуа цыдянь» («新华字典», «Словарь иероглифов Нового Китая») — издан в 1957 году. Принцип построения словаря — фонетический, иероглифы расположены по алфавиту в зависимости от своего чтения в официальной латинской системе 汉语拼音 *ханьюй пиньинь*. Словарь выпускается в небольшом формате и рассчитан на широкий круг пользователей, которые хотят проверить написание и значение иероглифов, чтение которых им уже известно. Таблица слогов, включенная в пособия по подготовке к официальному «Тесту на уровень знания *путунхуа*», была составлена на базе «Синьхуа цыдянь». Десятое, юбилейное издание словаря 2004 года содержало более 11 200 иероглифов, употребляющихся в современном китайском языке.

Второй нормативный по своему назначению словарь, ориентированный на лексические стандарты 普通话 *путунхуа*, — «Сяньдай ханьюй цыдянь» («现代汉语词典», «Словарь современного китайского языка»). Работа над ним началась в Институте языкознания АОН КНР еще до «культурной революции», первое и последнее шестое издания появились соответственно в 1978 и 2012 годах. Словарь также построен по фонетическому принципу: гнездовые иероглифы следуют друг за другом по алфавиту в зависимости от чтения в системе *ханьюй пиньинь*. Те из них, которые имеют одинаковое чтение, располагаются по возрастающему числу черт в составе иероглифа. Порядок следования иероглифов с одинаковым чтением и одинаковым числом черт определяется первыми чертами (имеются в виду пять черт, официально утвержденных в КНР в качестве основных в 1964 году). Слова и словосочетания,



*В последние годы
переизданы старые
и составлены новые
китайско-русские
и русско-китайские
словари разного
назначения*



имеющие один и тот же начальный гнездовой иероглиф, объединены, как это принято в современной лексикографической практике, внутри соответствующей словарной статьи. Шестое издание содержит 13 тыс. гнездовых иероглифов и 69 тыс. лексических единиц — соответственно на 600 и 3000 больше, чем предыдущее издание 2005 года. В новый вариант, в частности, добавлены последние заимствования из английского и японского языков, а также тайваньского и гонгонгско-макаоского вариантов китайского языка, особая лексика Интернета, новейшие «буквенные слова», которые полностью или частично записываются латиницей. В соответствии со стандартами, разработанными в последние годы, изменено чтение и написание многих иероглифов, уточнен список слов с эризацией и легким тоном. «Сяндай ханьюй цыдянь» рассматривается как важнейшее достижение кампании по нормализации современного китайского языка и распространению *путунхуа*, начало которой было положено в первые годы существования КНР.

Наряду с нормативными изданиями, рассчитанными на массового пользователя, в КНР выпущены фундаментальные многотомные словари, которые ориентированы как на современный, так и на древний язык. Эти словари адресованы ученым разных специальностей, университетским преподавателям и многочисленным ценителям родного языка, которые читают классические произведения разных эпох.

Пяти томный словарь иероглифов «Ханьюй да цыдянь» («汉语大字典», «Большой словарь иероглифов китайского языка». Т. 1–8. Чэнду–Ухань, 1986–1990) включает 56 тыс. гнездовых знаков в стандартном стиле *кайшу*, его второе издание 1999 года содержит более 60 тыс. гнездовых знаков. Там, где это возможно, представлены также варианты написания, обнаруженные в иньских гадательных надписях *цзягувэнь*, на бронзовых изделиях

эпохи Чжоу *цзиньвэнь*, а также характерные для двух более поздних стилей письма — *сяочжжуань*, сложившегося в эпоху Цинь, и *лишу*, который начал формироваться в эпоху Чжаньго, употреблялся при Цинь и стал основным при Хань. Тринадцатитомный «Ханьюй да цыдянь» («汉语大词典», «Большой словарь слов китайского языка», Шанхай, 1986–1993, т. 13 — справочный) содержит 22 тыс. гнездовых иероглифов и 375 тыс. слов. В качестве гнездовых иероглифов в нем используются традиционные полные знаки (современные упрощенные варианты приводятся в скобках). Принцип организации гнездовых иероглифов как в «Большом словаре слов», так и в «Большом словаре иероглифов» — ключевой.

В 2009 году к составлению нового фундаментального словаря слов — «Чжунхуа да цыдянь» («中华大辞典», «Большой китайский словарь слов») — приступили тайваньские лексикографы вместе с континентальными учеными. В словаре будут не только параллельно приведены полные и упрощенные варианты написания иероглифов, но также учтена разная современная лексика, имеющая хождение в континентальном Китае и на Тайване. Еще одна особенность нового словаря — унифицированное иероглифическое написание китайских и иностранных географических названий и личных имен; пока они часто пишутся по-разному в разных китайских регионах.



Словарь кантонского чтения иероглифов, изданный в Гуанчжоу

В 2012 году работа над словарем завершена, он готов к публикации.

Помимо китайско-китайских словарей выпускаются также многочисленные двуязычные, в том числе русско-китайские и реже китайско-русские. Первый и, по-видимому, единственный в период до «культурной революции» китайско-русский словарь («*华俄辞典*», «Хуа'э цыдянь»), о существовании которого даже специалисты-русисты старших поколений сейчас вспоминают с трудом, был составлен и издан в Пекине в 1955 году Ху Шивзем и другими авторами. Через два десятилетия лексикографы из Шанхайского института иностранных языков (ныне Шанхайский университет иностранных языков, 上海外国语大学 *Шанхай вайгоюй дасюэ*) завершили работу над «Китайско-русским словарем» принципиально иного уровня («*汉俄词典*», «Хань'э цыдянь»). В 1977 году он был выпущен в Пекине издательством «Шаньу иньшугуань», в 1989 году тем же издательством был опубликован новый вариант, который содержал 50 тыс. лексических единиц и учитывал быстрые изменения в жизни Китая и, соответственно, в китайском языке в 1980-е годы. Словарь неоднократно перепечатывался и до последнего времени являлся базовым китайско-русским словарем, изданным в КНР, хотя на протяжении последних двух десятилетий были опубликованы другие китайско-русские словари разного назначения и объема.

Материалы издания 1989 года были использованы лексикографами из того же Шанхайского университета иностранных языков при создании нового фундаментального «Большого китайско-русского словаря» («*汉俄大词典*», «Хань'э да цыдянь»). Он выпущен в мае 2009 года издательством «Шанхай вайной цзяюй чубаньшэ» («上海外语教育出版社», «Шанхайское издательство литературы по преподаванию иностранных языков») и учитывает новейшую русскую и китайскую лексику. Словарь включает

9 тыс. гнездовых иероглифов и примерно 120 тыс. словарных статей, адресован китайским русистам, но также незаменим в работе российских ученых, переводчиков, журналистов, студентов — словом, всех тех, кто работает в нашей стране с китайским языком.

* * *

Преодоление «компьютерного барьера» иероглифами стало приятным сюрпризом для многих специалистов, выразивших сомнение в совместимости самой древней системы письменности и самых современных информационных методов. Компьютеризация, оцифровывание записанного иероглифами огромного письменного наследия Китая, и в том числе многочисленных словарей, открывает небывалые возможности доступа к нему самых широких слоев общества вне зависимости от места проживания. Электронные словари укрепляют культурное единство как самой китайской нации, так и этнических китайцев, рассеянных по всему миру. Кроме того, доступ к современным и старинным словарям получают миллионы иностранцев, изучающих китайский язык. Именно так раздвигаются границы большого мира китайского языка.



АЛФАВИТЫ ДЛЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Перед китайскими учеными и педагогами всегда стояла сложная задача — обозначить чтение иероглифа. Еще в древности китайцы изобрели метод «прямого звучания» 直音 *чжиинь* — подбирали другой, по возможности более распространенный иероглиф, который читается так же, как «транскрибируемый» редкий знак, и скорее всего известен тому, кто будет наводить справку. Позже был придуман более удобный способ, который расширял круг «транскрибирующих» иероглифов: чтение передавали с помощью двух других знаков по методу 反切 *фаньцзе*, о котором шла речь в предыдущей главе. Огромное влияние на китайскую лингвистическую науку оказало знакомство с неслоговым языком — санскритом — и с алфавитным письмом в системе *брахми*, пришедшими из Индии вместе с буддийскими миссионерами и книгами [Яхонтов 1980; Юй Минь 1999; Ху Шуанбао 2008, с. 198–199]. В результате этого знакомства в Китае появились совершенно новые фонологические представления. Они использовались в средневековых фонетических таблицах 韵图 *юньту* при классификации и расположении слогов с учетом самых разных фонетических признаков — тона и деления слога на инициаль, медиаль и финаль. Именно тогда в китайском языкознании впервые появилось понятие «30 началь-но-

слоговых согласных», позже согласных стало 36 (三十六字母 *саньшилю цзыму*). Эти согласные определяли порядок расположения в таблицах столбцов иероглифов, в то время как горизонтальные ряды формировались в зависимости от тона и подробной характеристики финали того или иного слога. Записанные условными иероглифами средневековые 36 инициалей и сейчас можно увидеть в анкетах для обследования современных диалектов.

Несмотря на все проблемы, которые создает иероглифическая письменность, алфавитное письмо для китайского языка появилось сравнительно поздно. Первая система транскрипции латинскими буквами была создана при династии Мин (1368–1644). Основоположники западной синологии, миссионеры-иезуиты Микеле Руджери (1543–1607) и Маттео Риччи (1552–1610), разработали ее для своего китайско-португальского словаря, также первого в западной синологии [Ли Лэи 2000, с. 2]. Несколько позже эту же транскрипцию усовершенствовал еще один западный миссионер — Николя Триго (1577–1628), автор учебника китайского языка «Си жу эр му цзы» («西儒耳目资», «В помощь ушам и глазам западных ученых»), написанного в 1626 году [Ху Шуанбао 2008, с. 199]. В учебнике отражена диалектная фонетика уезда Цзяньсянь в провинции Шаньси, и он удивительно сочетает западные фонетические методы с китайскими. Иероглифы протранскрибированы латиницей, но при классификации слогов используются принципы традиционной китайской фонологии [Яхонтов 1981, с. 244; Ли Синькуй, 1983, с. 337–341].

Многочисленные алфавитные системы для китайского языка разного назначения и на разной графической основе стали появляться со второй половины XIX в. — после того как Опиумные войны открыли Китай для внешнего мира. Эти системы создавали — не обязательно на латинской основе — как иностранцы, так и сами китайцы в рамках движения за фонетическое письмо (切音字运动 *цзиньцзы*)

юньдун, 1892–1910) [Сун Бояо 1995]. Некоторые латинизированные системы предназначались для записи целых китайских текстов, в том числе диалектных миссионерских. Другие употреблялись только как вспомогательные транскрипционные — в словарях, справочниках, на географических картах, для передачи китайских слов в публикациях на иностранных языках.

Основной, самой распространенной вплоть до 1970-х годов системой записи китайских слов в словарях и текстах на английском языке была система Уэйда — Джайлса (*Wade — Giles Romanisation*). Она была разработана двумя английскими дипломатами-синологами — Томасом Уэйдом (1818–1895) и затем Гербертом Джайлсом (1845–1935). До последнего времени транскрипция Уэйда — Джайлса широко использовалась на Тайване и до сих пор сохраняется в латинском написании личных имен не только многих тайваньцев, но также других китайцев, живущих за пределами континентального Китая. Кроме того, с системой Уэйда — Джайлса можно столкнуться в не утративших своей ценности фундаментальных словарях прошлых лет и в изданных раньше книгах на английском языке, содержащих китайские слова.

Первая официальная алфавитная система в истории китайского языка была разработана в период монгольской династии Юань (1271–1368). Гораздо позже три официальных алфавита появились в Китайской Республике и затем в КНР.

Первый официальный алфавит — письмо Пагба-ламы

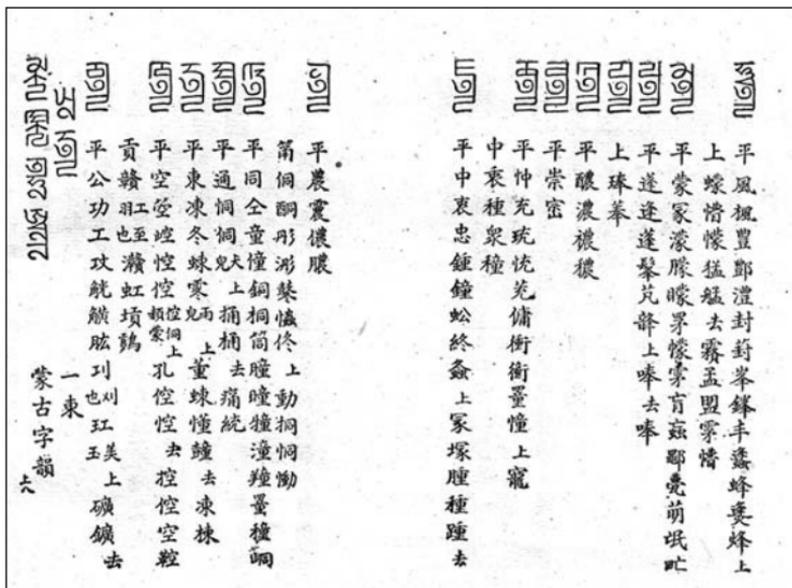
Письмо Пагба[-ламы] (八思巴字 *басыбацзы*, ‘*Phags-pa script*), «квадратное письмо» (方体字 *фантцицзы*), «государственное письмо» (国字 *гоцзы*), разработал по указу

хана Хубилая (китайское имя — Шицзу, на китайском троне в 1271–1294 гг.) тибетский лама Суматидхваджа, более известный как Пагба (1234?–1280). В 1269 году письмо было официально введено в употребление с конечной целью заменить любые другие виды письменности в зоне влияния монгольской империи. В основе квадратного письма лежит видоизмененное тибетское, которое, в свою очередь, восходит к индийским письменным системам *брахми*. Известны две графические формы букв квадратного письма — стандартная и для печатей, аналогичная китайскому иероглифическому стилю *сяочжуань* 小篆 («малая *чжуань*»). К буквам уставного тибетского письма было добавлено несколько санскритских и новых специально изобретенных, это давало возможность по-разному записывать неодинаковые звуки разных языков. Те буквы, которые обозначали звуки внутри слога, были графически объединены в воображаемом квадрате. Квадраты-слоги отделялись друг от друга пробелом (в тибетском письме в качестве знака слогораздела используется точка). Вертикальные строки (в отличие от тибетских горизонтальных) писались слева направо, как в уйгурском или собственно китайском письме. Тоны в китайском языке никак не обозначались. Основные сохранившиеся тексты квадратного письма написаны на монгольском и китайском языках, меньше текстов на тибетском, санскрите и уйгурском [Владимирцов 2005; Dragunov 1930; Ло Чанпэй 1959].

Сохранившиеся китайские материалы в записи квадратным письмом представляют собой прежде всего (но не только) указы императоров династии Юань, выбитые на каменных стелах. Стелы в буддийских и даосских храмах и монастырях обычно содержали монгольский текст в записи квадратным письмом и его перевод на китайский «разговорный» язык *байхуа*, который, как любые другие тексты, исходившие из монгольской

канцелярии, обнаруживал сильное влияние монгольского языка. Перевод записывали либо иероглифами, либо квадратным письмом (сочетание параллельного иероглифического и алфавитного варианта встречается редко). В конфуцианских храмах исходный текст на монгольском языке отсутствовал, перевод указа на 文 言 *вэньянь* в иероглифической записи делали образованные китайцы. Здесь же, главным образом для того, чтобы показать, что переведенный документ исходил от монгольских правителей, приводилась параллельная запись китайского текста квадратным письмом. Практического значения она не имела, поскольку архаичный *вэньянь*, в основе которого лежит древнекитайский язык, в алфавитном варианте был непонятен не только монголам, но и самим китайцам [Зограф 1984].

Официальные и неофициальные китайские тексты, записанные квадратным письмом, представляют определенную ценность также в связи с тем, что они в той или иной степени отражают фонетическую систему пекинского диалекта монгольской эпохи (столица была названа Даду и перенесена в современный Пекин в 1264 году). В стихотворном списке «Бай цзя син» («百家姓», «Фамилии ста семей») каждая фамилия представлена неизвестным переписчиком в иероглифическом варианте и в записи квадратным письмом. Словарь рифм «Мэнгу цзы юнь» («蒙古字韵», «Рифмы в записи монгольским письмом») составлен в 1308 году Чжу Цзунвэнем, по-видимому, лишь исправившим и дополнившим существовавшую ранее под тем же названием книгу неизвестного автора. По структуре «Мэнгу цзы юнь» во многом аналогичен собственно китайским памятникам монгольской эпохи, самый ранний из которых — «Чжунъюань инь юнь» («中原音韵», «Рифмы произношения Центральной равнины») — был составлен Чжоу Дэцином в 1324 году. Главы соответствуют



В словаре рифм «Мэнгу цзы юнь», составленном в 1308 году, чтение иероглифов указано с помощью квадратного письма — первого официального алфавита в истории китайского языка

15 звуковым рифмам без учета тоновых различий (в официальной поэзии использовалось 106 или 107 так называемых пиншуйских рифм, в «Чжунъюань инь юнь» — 19 рифм). Внутри глав иероглифы объединены в группы с омонимичным чтением (одинаковые инициали, медиали и рифмы). Внутри «звуковых омонимов» иероглифы распределены по тонам [Ло Чанпэй 1959].

Наиболее характерная черта пекинского и других близких ему диалектов 官话 *гуаньхуа*, которая зафиксирована в памятниках квадратного письма, — наличие дифтонгов в слогах с конечным среднекитайским *-k. Ср. 塞 *shij* «крепость», 百 *baj* «сто» (транслитерация А. А. Драгунова; в современном пекинском соответственно *сай/сэ*, *бай*). Аналогичные дифтонги отражены в «Чжунъюань инь юнь», подробнее об этих рифмах в

среднекитайских памятниках и современных диалектах *гуаньхуа* см. [Zavjalova 1983, с. 154; Завьялова 1996, с. 116]. В то же время памятники квадратного письма сохраняют по неясной причине одну архаическую черту, которая исчезла на севере Китая скорее всего уже в эпоху Сун (960–1279), — наличие среднекитайских звонких согласных наряду с глухими непридыхательными и глухими придыхательными.

Китайский язык арабскими буквами

Тогда же, в эпоху Юань, появилась арабографичная система, которая называлась 亦思替非 *исытифэй*. Китайские исследователи считали ее полностью утраченной [Ху Чжэньхуа 1989], но именно к этой системе, возможно, относится датирующаяся монгольской эпохой так называемая персидская транскрипция медицинского трактата «Май цзюэ» («脉诀», «Методы [исследования] пульса») Ван Шухэ (210–258) [Завьялова 1996, с. 142–143; Сюй Вэнькань 2005, с. 31]. Рукопись с транскрипцией, датирующаяся 1313 годом, содержит китайский источник, его транскрипцию арабскими буквами и перевод на персидский язык. Она была обнаружена российским академиком В. В. Бартольдом в библиотеке собора Айя-София в Стамбуле и затем по фотокопии двенадцати страниц исследована А. А. Драгуновым [Dragunov 1931]. Буквы, которые были созданы в персидском языке в дополнение к арабским, в транскрипции не встречаются, зато имеются семь знаков необычной формы, не характерной для арабского письма. Один из этих знаков, использующийся для звука [ε], возможно, является еврейской буквой ם. Как и памятники квадратного письма, транскрипция обнаруживает дифтонги пекинского типа в слогах со среднекитайским конечным *-k, например 客 *kiāi «гость», 乐 *lāu «радо-

ваться». Неизвестный автор рукописи, сохранившейся в мечети Айя-София, жил, таким образом, в эпоху Юань. Он говорил по-пекински, владел *вэньянем* и иероглифической письменностью, знал персидский язык. Естественно предположить, что он был также знаком с той официальной системой записи китайских слов арабскими буквами, которая называлась *исытифэй* и использовалась монгольской администрацией при контактах с исламскими государствами.

Вторая арабографичная система (точное время ее появления не установлено) до сих пор используется мусульманами 回族 *хуэйцзу* для записи целых текстов на китайском языке — как рукописных, так и современных печатных. Название этой письменности, возможно, является фонетическим заимствованием, утратившим связь с исходным словом. На северо-западе Китая и у дунган бывшего СССР она известна как *сяоцзин* (小经 «малый канон» или 消经 «усвоенный канон»). За пределами северо-западного ареала — в Пекине и провинции Хэбэй, а также в Юньнани — этот же термин известен не только как *сяоэрцзин* (小儿经 «малый канон»), но чаще как *сяоэрцзинь* (小儿锦 — специальная вышивка для младенцев). В отличие от исчезнувшей из употребления *исытифэй* система *сяоцзин* и поныне используется китайскими мусульманами *хуэйцзу* вместо иероглифов. С ее помощью записывают целые тексты на китайском языке, причем не только религиозные, но также иногда бытовые. В 1902 году рукопись в системе *сяоцзин* была обнаружена в Кашгаре (Forke 1907). К XVII в. скорее всего относятся пока не описанные рукописные документы, хранящиеся в фонде Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге (приблизительная датировка этих рукописей по моей просьбе была установлена известным иранистом, специалистом по арабографичным памятникам С. И. Баевским).

Тексты в системе *сяоцзин* до недавнего времени были почти недоступны и неизвестны за пределами мира китайских мусульман. Поскольку они имели сакральный характер, их сжигали, если у муллы не было преемника, особенно во времена гонений на мусульман. В последние десятилетия арабографичные издания выпускаются и свободно продаются в разных местах Китая, в том числе на северо-западе. В городе Линься провинции Ганьсу их пишут от руки, затем печатают типографским способом, в Синине провинции Цинхай разработана система набора арабописьменных

китайских текстов на компьютере со всеми буквами и многочисленными огласовками. Арабские и персидские слова, встречающиеся в текстах системы *сяоцзин*, сохраняют свою исходную орфографию и пишутся, как в арабо-персидских учебных и поэтических изданиях и в Коране, со специальными значками для гласных звуков — огласовками. В некоторых арабских и персидских словах китайские авторы вставляют лишние гласные. В результате персидское слово *namāz* «намаз, омовение» превращается в *namāzi* и т. п.



Предположительно в эпоху Юань появилась система записи китайских слов арабскими и персидскими буквами, которая до сих пор используется мусульманами хуэйцзу в текстах на китайском языке

В отечественной синологии система *сяоцзин* была впервые исследована в 1990-х годах на основе перевода руководства по исламскому ритуалу *Fiqh al-Kaydānī* («Кайданитское право») [Завьялова 1992; Zavyalova 1999]. Перевод текста на китайский язык выполнен неким Мухаммадом из Линчжоу (очевидно, это современный Линьбу в Нинся) и напечатан в 1906 году в известной арабописьменными изданиями типолитографии О. А. Порцева в Ташкенте. Текст арабского оригинала, разделенный на небольшие части, сопровождается переводом на китайский язык, записанным арабскими и персидскими буквами. Для записи собственно китайских слов — как и в других текстах *сяоцзин* — в издании употребляется не только большая часть букв арабского алфавита, но также буквы پ, چ, ژ, گ, созданные в персидском языке на основе арабских. Этими буквами записывают китайские инициалы, которые в современной латинизированной системе 汉语拼音 *ханьюй пиньинь* представлены как *p-, ch-, r-, g-* (*n-, ч-, ж-, z-* в традиционной русской транскрипции китайских слов). Кроме того, для передачи китайской инициали *с-* (*ц-*) используется особая созданная на основе арабо-персидской графики буква ض. Как и во многих других алфавитных системах, разработанных для китайского языка, непридыхательные инициалы записываются буквами для звонких, придыхательные — буквами для глухих. Употребление огласовок в системе *сяоцзин* является обязательным, иначе многие финалы китайских слогов будут ничем не отличаться друг от друга. Тоны не обозначаются.

Каждый китайский слог, как правило, пишется отдельно, как в иероглифическом тексте, хотя встречаются исключения, см. [Завьялова 1992, с. 119]. О персидском влиянии свидетельствуют не только персидские буквы, но также сравнительно большое число персидских заимствований в текстах, а также особенности употребления некоторых собственно арабских букв. Тексты на *сяоцзин*, в том

числе современные, могут отражать диалектные особенности. Так, в северо-западных изданиях не различаются финалы с пекинскими рифмами *-en* и *-eng*, что в пределах ареала диалектов Чжунъюань характерно для провинции Ганьсу и запада долины Гуаньчжун в провинции Шэньси.

Официальные алфавиты в Китайской Республике и на Тайване

Две официальные алфавитные системы — 注音字母 *чжуинь цзыму* и 国语罗马字 *гоюй ломацизы*, разработанные самими китайцами, — появились лишь через много столетий после монгольского эксперимента с квадратной письменностью. Они были созданы в ходе «движения за национальный язык» (国语运动 *гоюй юньдун*) в Китайской Республике и употреблялись как вспомогательные транскрипционные или учебные.

Алфавит *чжуинь цзыму* («алфавит для указания произношения»), также 国音字母 *гоинь цзыму* «алфавит для государственного языка», 注音符号 *чжуинь фухао* («знаки для указания произношения») создан по графическому образцу японской азбуки 片假名 *катакана* с использованием простейших иероглифов либо частей иероглифов. Система *чжуинь цзыму* разрабатывалась с 1913 года и в 1918 году была опубликована Министерством образования Китайской Республики. В 1919 году для *чжуинь цзыму* была утверждена определенная последовательность знаков в алфавите. Подробнее об истории создания *чжуинь цзыму* см., например [Софронов 2007, с. 615–617; Концевич 2002, с. 149–154; Ху Шуанбао 2008, с. 200–202]. В основе *чжуинь цзыму* — традиционное китайское деление слога на инициаль, затем на медиаль и фонологически неделимую остальную часть слога — рифму. Тоны указываются диакритическими знаками — такими же, как в ныне



Алфавит чжунь цзыму был достаточно популярен в КНР в середине прошлого века

действующем алфавите ханьюй пиньинь, но первый тон не обозначается, в то время как нейтральный тон помечается точкой, стоящей перед соответствующим слогом.

Первая версия алфавита — как и раннее произношение «государственного языка» 国语 *гоуй*, на который она ориентирована, — была в значительной степени наддиалектной и отражала некоторые архаичные явления, утраченные к тому времени в пекинском диалекте (прежде всего звонкие инициалы и «входящий» тон). Среди иероглифов-образцов, иллюстрировавших чтение знаков, были редкие иероглифы с нестандартным чтением, в частности записывающие междометия и звукоподражания.

Модернизированный вариант чжунь цзыму, опубликованный в 1930 году и получивший тогда название чжунь фухао, уже отражал стандартное пекинское произношение «государственного языка». В КНР чжунь цзыму применялся для передачи чтения иероглифов в нормативных словарях главным образом до, но отчасти

также и после введения в 1958 году официального латинизированного алфавита *ханьюй пиньинь*, как правило, параллельно с последним. Основанный на традиционной иероглифической графике, алфавит *чжуинь цзыму* тем не менее оказался удивительно жизнеспособным и органично вписался в современный мир информационных технологий. На Тайване он называется *чжуинь фухао* и используется (или, во всяком случае, использовался до последнего времени) в школьном обучении, для передачи чтения иероглифов в словарях, учебниках, детских книгах, а также при компьютерном наборе иероглифов. Стандартная тайваньская клавиатура — в том числе на мобильных телефонах — содержит знаки *чжуинь цзыму* наряду с латиницей.

Второй официальный алфавит, введенный в Китайской Республике, — основанный на латинской графике 国语罗马字 *гоюй ломацзы* (*Gwoyeu Romatzyh*, «романизированный алфавит для государственного языка»). Он был разработан группой ученых по инициативе знаменитого лингвиста Чжао Юаньжэня (1892–1982) и опубликован в 1928 году. *Гюй ломацзы* никогда широко не употреблялся, его можно обнаружить главным образом в словарях. Основной недостаток этого алфавита — очень сложное обозначение тонов через разное написание одного и того же слога без использования диакритических знаков или цифр. Базовым исходным считается вариант в первом тоне. Прочие тоны обозначаются либо дополнительными буквами, либо заменой букв основного варианта на другие. Так, слог *ай* (*āi, ái, ǎi, ài* в системе *ханьюй пиньинь*) в *гоюй ломацзы* представлен соответствующими четырьмя тонам вариантами *ai, air, ae, ay*; слог *цунь* (*tsun*) — вариантами *tsuen, tswen, tsoen, tsuenn*; слог *дан* (*dang*) — вариантами *dang, darnq, daang, danq* [Концевич 2002, с. 148–149, 155–165; Софронов 2007, с. 617–620; Ху Шуанбао 2008, с. 202].



Глобальная латинизированная система записи китайских слов ханьюй пиньинь вошла в учебный и повседневный китайский обиход. Она используется параллельно с иероглифами в заголовках газет и книг, на денежных знаках и дорожных указателях, в логотипах фирм, на вывесках магазинов



После 1949 года на Тайване долгое время официально признавались только алфавиты, созданные в Китайской Республике, — *чжуинь цзыму* и *гоюй ломацзы*. В 1984 году достаточно сложная система *гоюй ломацзы* со строчным обозначением тонов была упрощена, но так и не получила широкого распространения. На практике китайские слова, в том числе географические названия, обычно передавались латинскими буквами в транскрипции Уэйда — Джайлса, самой распространенной в мире до введения *ханьюй пиньинь*.

Главный недостаток системы Уэйда — Джайлса обусловлен тем, что она была создана как транскрипционная для передачи чтения иероглифов и, соответственно, для записи отдельных слогов, границы которых в двусложных и многосложных словах оказывались не всегда четко обозначенными. Для устранения этого недостатка были введены дефисы между слогами, в том числе в географических названиях и в двусложных именах. Ср. *Nan-ching*, *Mao Tse-tung* и т. п. Второй недостаток этой системы — наличие большого количества диакритических знаков, в том числе апострофа, который используется для обозначения придыхательных инициалей. Ср., *t* — *t'* вместо *d* — *t* в *ханьюй пиньинь* (*d* — *t* в традиционной русской транскрипции). В массовых изданиях диакритические знаки чаще всего опускаются, разные слоги записываются одинаково. Ср. *Taipei* вместо *T'aipei* для «Тайбэй» или современные персональные имена тайваньцев, в которых не различаются придыхательные и непридыхательные начальнослоговые согласные: *Chao Chun-hsiao* (по правилам — *Chao Ch'un-hsiao*, Чжао Чуньсяо) и *Chen Chi-nan* (*Ch'en Chi-nan*, Чэнь Цзинань). Все это, в частности, приводит к ошибкам в написании китайских имен собственных и терминов при переводе английских текстов на русский язык.

Упрощенная транскрипция Уэйда — Джайлса легла в основу китайской почтовой и картографической системы

латинизации (Chinese Postal Map Romanisation, 邮政式拼音 *ючжэньши пиньинь*), принятой на конференции Императорского почтового союза (帝国邮电联席 迪国 юдянь лянъси) в Шанхае в 1906 году. Почти весь XX век этой системой пользовались западные картографы, на Тайване она до последнего времени сохранялась в официальном почтовом атласе. Диакритические знаки в почтовой системе полностью отсутствуют, слоги *chi*, *ch'i* и *hsi* (в *ханьюй пиньинь* — *ji*, *qi* и *xi*) заменены, в частности, на *tsi*, *tsi* и *si* или *ki*, *ki* и *hi* в зависимости от исторического и диалектного произношения, например *Pei-ching* → *Peking* (Пекин), *T'ien-chin* → *Tientsin* (Тяньцзинь), *Chi-nan* → *Tsinan* (Цзинань) и т. п. Еще одна заметная особенность почтовой системы — диалектная форма некоторых названий, например, *Amou* вместо *Hsia-men* в системе Уэйда — Джайлса, *Swatow* вместо *Shan-t'ou* (в русском языке таким же образом Амой вместо Сямынь, Сватоу вместо Шаньтоу). В почтовой системе было сохранено название Кантон (*Canton*), которое традиционно использовалось западными синологами для города Гуанчжоу (*Kuang-chou*). На самом же деле Кантон — это название провинции Гуандун в местном диалектном произношении.

В 2002 году на Тайване была введена новая официальная система записи китайских слов латинскими буквами, получившая название 通用拼音 *тунъюн пиньинь* («общепотребительный алфавит») [Taiwan 2003]. *Тунъюн пиньинь* была разработана в 1998 году профессором Юй Боцюанем (В. С. Yu) и одобрена Министерством просвещения Тайваня. В ее основе фактически лежит официальная континентальная система *ханьюй пиньинь*, в которой были устранены некоторые неудачные элементы. Так, буквы *x* и *q*, которые действительно вызывают затруднение при чтении, Юй Боцюань заменил на *s* и *c*. Вместо *zh* он использовал *jh*, букву *ü* заменил сочетанием *ui*, чтобы устранить диакритический знак. Тоны обозначаются так же, как

в *ханьюй пиньинь*, но по модели *чжунинь цзыму* первый тон не имеет знака, а нулевой тон обозначен точкой, стоящей перед слогом. В двусложных китайских именах, как в системе Уэйда — Джайлса, ставятся дефисы, но географические названия пишутся слитно. В течение нескольких лет новая тайваньская система хаотически использовалась на острове наряду с традиционной транскрипцией Уэйда — Джайлса и системой *ханьюй пиньинь*. После избрания в мае 2008 года члена партии Гоминьдан Ма Инцзю президентом Тайваня система *ханьюй пиньинь* была введена с 1 января 2009 года в качестве единственной официальной.

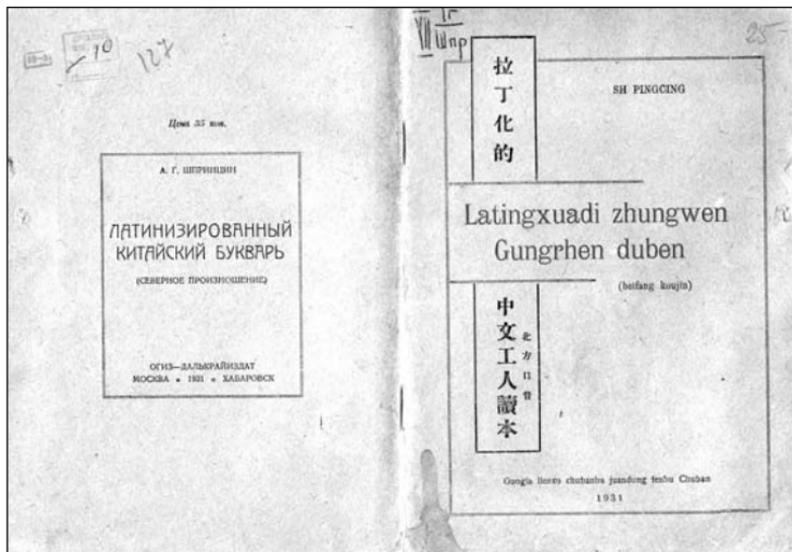
«Ханьюй пиньинь фанъань» — глобальная латинизированная система записи китайских слов

«Ханьюй пиньинь фанъань» («汉语拼音方案», букв. «Проект транскрипции для китайского языка») был одобрен на V сессии ВСНП в 1958 году. Сокращенно эту систему записи китайских слов называют 汉语拼音 *ханьюй пиньинь* «транскрипция китайского языка», иногда просто *пиньинь* «транскрипция», в отечественных работах — обычно «китайский алфавит». Разработка и внедрение системы *ханьюй пиньинь* считается в настоящее время едва ли не главным достижением языковых реформ первых десятилетий существования КНР [Ли Лэи 2000, с. 5–8; Чжунго юйянь 2009. Т. 1, с. 039–044]. Среди основных разработчиков проекта — патриарх движения за реформы языка и письменности в КНР Чжоу Югуан (родился в 1906 году), столетний юбилей которого был торжественно отмечен в КНР. При создании и обсуждении *ханьюй пиньинь* был учтен весь опыт движения за алфавитное письмо в Китае. На волне дружбы с Советским Союзом китайские ученые не могли также не принимать во вни-

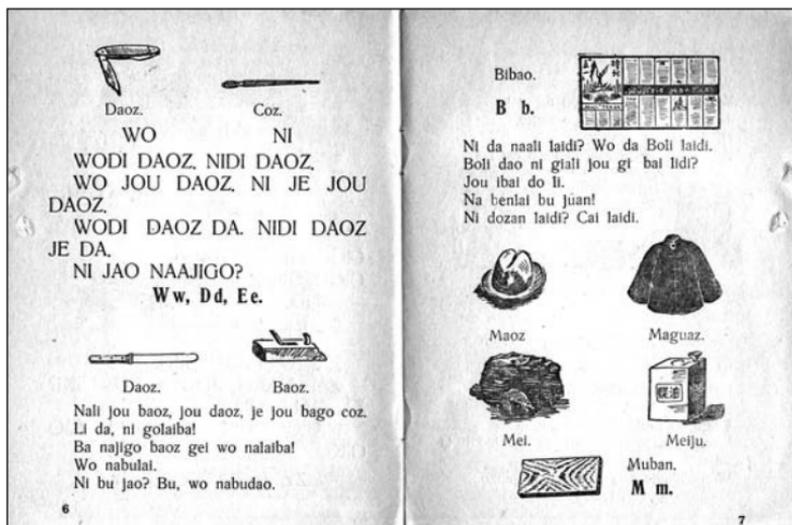
мание достоинства «новой латинизированной письменности» (*Latinxua Sin Wenz*), разработанной в 1929–1930-х годах при участии выдающихся советских лингвистов. Один из ее создателей, У Юйчжан (1878–1966), стоял к тому же во главе Комитета по реформе письменности, созданного в КНР в 1954 году.

С 1970-х годов *ханьюй пиньинь* становится основной системой записи китайских слов латинскими буквами. Уже в 1971 году она была введена в лингвистически ориентированном на КНР Сингапуре, где также используется набор иероглифов с упрощенными знаками и аналог *путунхуа* (*хуаюй*) является официальным языком. В 1977 году решением III Конференции ООН по стандартизации географических названий *ханьюй пиньинь* принята в качестве международной системы записи китайских имен собственных и географических названий. В 1982 году Международная организация по стандартизации утвердила *ханьюй пиньинь* в качестве нормы записи латинскими буквами любых китайских слов (ISO 7098:1982); последний, уточненный вариант этого документа относится к 1991 году (ISO-7098:1991). Начиная с 1998 года в Библиотеке Конгресса США была проделана огромная работа по переводу каталога с транскрипции Уэйда — Джайлса на *ханьюй пиньинь* [Ли Лэй 2000, с. 46–53]. И наконец, с 1 января 2009 года, как уже было сказано выше, система *ханьюй пиньинь* официально введена на Тайване. В Законе о языке и письменности, вступившем в силу 1 января 2001 года, *ханьюй пиньинь* характеризуется как единый стандарт алфавитной записи и транскрипции слов *путунхуа*, который применяется в тех случаях, когда использование иероглифов является неудобным или невозможным.

В проекте 1958 года был представлен не только набор букв — алфавит, но также вся система записи китайских слогов латинскими буквами, отраженная в таблицах инициалей и финалей *путунхуа*. Отдельно объяснялось, как



В 1930-х годах в СССР была разработана новая латинизированная письменность для китайского языка. Букварь А. Г. Шпринцина предназначался многочисленным китайским рабочим на советском Дальнем Востоке



писать так называемые «эризованные» финали и обозначать тоны. К числу основных особенностей *ханьюй пиньинь* можно отнести следующие (таблицы соответствия *ханьюй пиньинь* другим системам см., например [Концевич 2002]).

1. Как и в большинстве других систем записи китайских слов, непридыхательные инициалы передаются буквами для звонких, придыхательные — буквами для глухих, ср. *b-*, *d-*, *g-* и *p-*, *t-*, *k-*.

2. Употребление диакритических знаков при передаче звуков ограничено буквой *ü*. Она не включена в алфавит, рассматривается как позиционный вариант буквы *u* и встречается только в слогах *lü*, *nü*, *lüe*, *nüe*.

3. Палатальные инициалы передаются буквами *j-*, *q-*, *x-*, например *ji*, *qi*, *xi*, в традиционной русской транскрипции соответственно *цзи*, *ци*, *си*. Особое значение букв *x* и *q* в системе *ханьюй пиньинь* может вызывать затруднения при чтении соответствующих китайских слов иностранцами или при переводе *ханьюй пиньинь* в традиционную русскую транскрипцию. Так, слог *xing* в российских средствах массовой информации иногда записывают как *ксинг* (правильно — *син*). Именно этот недостаток *ханьюй пиньинь* хотел устранить автор тайваньской системы *тунъюн пиньинь*, предлагая писать *s* и *c* вместо *x* и *q*.

4. Диакритические знаки используются также при обозначении тонов: *mā*, *má*, *mǎ*, *mà* и т. п. На вывесках, дорожных указателях, в параллельных алфавитных вариантах заголовков книг и газет, при латинизированной записи имен собственных, при компьютерном наборе иероглифов с помощью *ханьюй пиньинь* тоны обычно не обозначаются.

5. Проблема разграничения слогов при их слитном написании частично решена введением разделительных букв *y* и *w* в слогах, которые не имеют инициалей, но

включают начальные неслогообразующие гласные (медиали) или финали; ср. *yí, yíng, yu, yuán, wu, wán* и т. п. Перед гласными *a* и *e* предлагается при необходимости ставить разделительный апостроф: *Xi'an* (Сиань), но *xian* (сянь).

В иероглифическом тексте все знаки пишутся на одинаковом расстоянии друг от друга. Границы слов, включающих в современном языке один, два или более слогов, никак не обозначаются, отсутствуют какие бы то ни было выделения, соответствующие прописным буквам алфавитных текстов. Специальная комиссия, призванная решить комплекс орфографических проблем — слитно-раздельного написания и введения прописных букв в латинизированных текстах, — была создана в 1984 году, уже в период «реформ и открытости». В 1988 году опубликован пробный вариант «Основных орфографических правил ханьюй пиньинь» («汉语拼音正词法基本规则», «Ханьюй пиньинь чжэнцзыфа цзибэнь гуйцзэ») [Гоцзя юйянь 1996, с. 268]. Окончательный вариант этого документа в системе государственных стандартов относился к 1996 году и занимал всего около десяти страниц — ничтожно мало, если сравнить с орфографическими комментариями к европейским языкам. Слоги внутри двусложных и многосложных слов в соответствии с этим документом должны писаться слитно, но отличить слово от словосочетания в китайском и других изолирующих языках иногда бывает очень трудно. В связи с этим в некоторых неясных случаях «Орфографические правила» допускали употребление дефиса, например в сочетании 第一 *dì-yī* «первый». Что же касается современной практики, то даже обычные двусложные географические названия могут писаться латиницей по-разному, например *Hangzhou* на дорожных указателях и *Hang zhou* на посадочном талоне в самолете. В связи с этим в настоящее время готовится новый, переработанный вариант «Орфографических правил», обсуждением которого заня-

ты специалисты и должностные лица, отвечающие за языковую политику¹.

Система *ханьюй пиньинь* играет в современном Китае роль вспомогательной транскрипции, дополняющей иероглифы в самых разных областях. Она используется при распространении 普通话 *путунхуа*, иначе говоря, при обучении пекинскому произношению носителей диалектов. В начальной школе преподавание *ханьюй пиньинь* было введено уже в 1958 году, в диалектных районах готовятся специальные латинизированные учебные тексты на *путунхуа* для школьников [Ли Лэй 2000]. Латинские надписи, параллельные иероглифическим, можно увидеть в заголовках газет и книг, на дорожных указателях и вывесках магазинов, обычно без обозначения тонов. По фонетическому принципу с использованием латиницы строятся словари и справочники, в том числе электронные, библиотечные и иные каталоги или картотеки. *Ханьюй пиньинь* используется в качестве одного из способов набора иероглифов на компьютере, без латиницы немыслим современный Интернет. Стандартной система *ханьюй пиньинь* является для почтового ведомства и на географических картах. Даже флажковая сигнализация на флоте переведена в систему *ханьюй пиньинь*. После официального утверждения в 2009 году на Тайване *ханьюй пиньинь* стала единственной мировой системой записи китайских слов латинскими буквами. Тем не менее статистика свидетельствует о том, что в полной мере владеют официальным латинизированным письмом лишь 31,68% жителей континентального Китая, 44,63% не умеют ни читать, ни писать в системе *ханьюй пиньинь*².

¹ www.china-language.gov.cn/31/2010_4_15/1_31_4518_0_1271294942281.html.

² www.china-language.gov.cn/LSF/LSFrame.aspx.

Алфавиты для китайского языка в России и СССР

В России и затем в СССР для китайского языка были разработаны три алфавитные системы разного назначения — палладиевская транскрипция, «новое латинизированное письмо» и латинское / кириллическое письмо для дунганского языка.

Традиционная русская, или палладиевская, система записи китайских слов сложилась в XIX в. и ориентирована на пекинское произношение. Она была создана как транскрипционная и до сих пор является нормативной в текстах на русском языке. Первый системный опыт записи китайских слогов кириллицей был представлен в пособии «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами, для их подлинного произношения». Оно было составлено бывшим учеником в составе 2-й Российской духовной миссии И. К. Россохиным (1717–1761), когда в 1741 году после возвращения в Петербург из Китая он был направлен Коллегией иностранных дел в Академию наук «для переводов и для обучения китайского и маньчжурского языков» [Скачков 1977, с. 45]. Сравнительно законченная система транскрипции китайских слов была разработана о. Иакинфом (Н. Я. Бичуриным) в 1839 году ([Н. Я. Бичурин]. «О произношении букв, входящих в состав китайских звуков». СПб., 1839) и позже модифицирована академиком В. П. Васильевым (1818–1900) в его первом китайско-русском словаре (В. П. Васильев. «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря». СПб., 1867).

Своим вторым названием — палладиевская — русская транскрипция обязана архимандриту Палладию, в миру — П. И. Кафарову (1817–1878), который был членом двенадцатой (1840–1849) и начальником тринадцатой (1850–1858) Российской духовной миссии в Пекине и считается

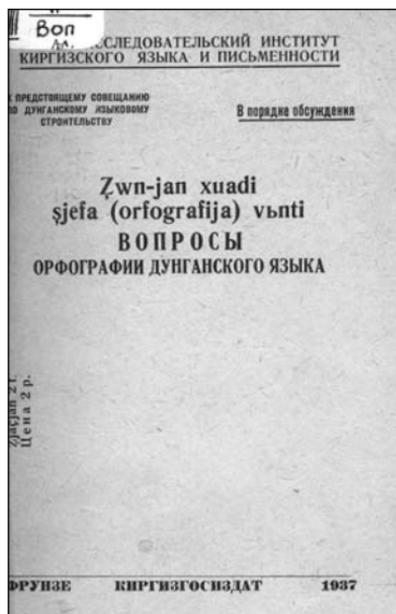
самым крупным синологом XIX в. не только в России, но также и в Европе. Разработанную своими предшественниками транскрипцию китайских слов П. И. Кафаров использовал в построенном по фонетическому принципу китайско-русском словаре, работу над которым завершил П. С. Попов («Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым». Т. 1–2. Пекин, 1888). Транскрипция Бичурина — Кафарова с поправками, связанными главным образом с реформой орфографии 1917–1918 годов (замена букв «ять» и «ижица» на буквы *e*, *и*, а также изъятие твердого знака в конце слов), дошла до наших дней. В 1930–1950-е годы были предприняты попытки (В. С. Колоколов, Н. Н. Коротков и др.) заменить ее новыми системами, но они не получили распространения.

Как и в большей части других алфавитных систем, созданных для китайского языка, непридыхательные и придыхательные начальнослоговые согласные передаются в палладиевской транскрипции буквами для звонких и глухих соответственно, например *д* и *т* для [t] и [tʰ]. Среди отличительных особенностей этой системы — необычная интерпретация конечных [n] и [ŋ] (соответственно *-n* и *-ng* в латинизированных транскрипциях, включая *ханьюй тиньинь*), ср. *вань* (*wan*), *ван* (*wang*). Твердый знак появляется после *-н*, когда возникает необходимость отделить последующий слог, начинающийся с гласного: Чанъань, Динъюань. Тоны в традиционной русской транскрипции обозначаются цифрами только в словарях и учебных изданиях.

В прошлом для решения проблемы слогоделения в двусложных и многосложных китайских словах российские синологи, так же как в транскрипции Уэйда — Джайлса, широко использовали дефис. Ко второй половине прошлого века в массовых и многих научных издани-

ях дефис остался только в двусложных китайских именах. В 1970-е годы, несмотря на острую фазу советско-китайского идеологического спора, по просьбе китайской стороны написание имен через дефис было отменено в СССР уведомлением соответствующих инстанций. При отсутствии дефиса проблема слогаделения в китайских двусложных и многосложных словах решена в традиционной русской транскрипции лишь отчасти. Так, без апострофа сочетания слогов *шу + ан*, *ту + ань*, *ю + э*, *сю + э*, *цзю + э* ничем не отличаются от слогов *шуан*, *туань*, *юэ*, *сюэ*, *цзюэ*. На протяжении трех с лишним десятилетий дефис не употребляется в массовых изданиях, но все же сохраняется в некоторых научных. Сторонником употребления дефиса в китайских именах был, в частности, крупнейший ленинградский синолог Л. Н. Меньшиков.

Вторая система, разработанная в нашей стране для китайского языка в 1929–1930-х годах, — новая латинизированная письменность (*Latinxua Sin Wenz*, *Latinxua*). Идея создать алфавитную письменность вместо иероглифов, в том числе для многочисленных китайских эмигрантов, которые проживали в то время на Дальнем Востоке и в массе были неграмотными, возникла не только под влия-



Латинизированное и затем кириллическое письмо для говорящих на китайских диалектах дунган Средней Азии и Казахстана было создано советскими учеными и до сих пор широко используется в школах и в изданиях на дунганском языке

янием китайских левых, но также на волне создания новых латинских письменных систем для народов СССР [Дацышен 2008]. Среди разработчиков латинизированной письменности — известные советские синологи В. М. Алексеев (1881–1951), А. А. Драгунов (1900–1955), В. С. Колоколов (1896–1979), автор латинизированного букваря А. Г. Шпринцин (1907–1974) [Ши Пинцин 1931]. В ее создании участвовали также находившиеся в СССР китайские коммунисты, в их числе — У Юйчжан (1985–1996), возглавивший впоследствии Комитет по реформе письменности в КНР, а также один из руководителей КПК Цюй Цюбо (1927–1928) и биограф Мао Цзэдуна Сяо Сань (1896–1983), писавший под псевдонимом Эми Сяо. «Новую» письменность использовали не только при обучении китайских эмигрантов на Дальнем Востоке, но также в разных районах Китая. В обозначении звуков многое сближает латинизированную письменность с *ханьюй пиньинь*, хотя есть и некоторые различия. Тоны не обозначаются и должны пониматься из контекста (ср. описанную выше арабографичную систему *сяоцзин*). Поскольку новая письменность была создана прежде всего для записи целых текстов, в том числе на диалектах, слоги в составе слов писались слитно. А. А. Драгунов совместно с Чжоу Суньюанем издал записанный новой письменностью учебник грамматики китайского языка [A. Long и S. Zhou. *Wenfa chubu giaokoshu* (Начальная грамматика китайского языка). Москва — Хабаровск — Владивосток, 1934]. Позже учебник был в иероглифической форме переиздан сначала в Тайюане и затем в Шанхае [Драгунов 1952, с. 26].

Третьей алфавитной системой, разработанной в СССР для китайского языка, по сути дела, является латинское (создано в 1928–1932 годах) и затем кириллическое (принято в 1953–1954 годах) письмо, которым до сих пор пользуются дунгане Средней Азии и Казахстана. У истоков этой письменности — первый дунганский ученый-лингвист

Ю. Я. Яншансин и выдающийся отечественный языковед Е. Д. Поливанов (1891–1938), сосланный в 1934 году во Фрунзе [Вопросы 1937]. В создании дунганской письменности принимали участие другие блестящие ученые — В. М. Алексеев, Л. В. Щерба (1880–1944), А. А. Драгунов, написавший вместе с Е. Н. Драгуновой первую системную статью о дунганском языке и издавший первое фундаментальное исследование его грамматики [Драгунов 1937; Драгунов 1940]. На дунганском литературном языке, в основе которого лежит один из его диалектов — ганьсуйский, создана обширная литература, как научная, так и художественная. На протяжении многих лет издаются газеты, выпускаются словари и школьные учебники. Разработаны правила слитно-раздельного написания слов, система обозначения тонов римскими цифрами, которая, правда, применяется только в специальной лингвистической и справочной литературе либо при обучении детей. Дунганская письменность, таким образом, — это инициированный в СССР уникальный опыт длительного успешного использования алфавитного письма для китайского языка, осуществляющийся за пределами иероглифического ареала Азии.



КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ

Китайский язык в России прошел долгий путь — от заучивания наизусть классических памятников учениками Российской духовной миссии в Пекине до блестящих теоретических достижений в советский период. Российской синологии, включая ее лингвистическую составляющую, посвящены многочисленные исследования отечественных китаеведов. Среди наиболее значительных — монография и библиография П. Е. Скачкова [Скачков 1977; Скачков 1960]; сборники статей при участии и под редакцией А. Н. Хохлова и его же многочисленные публикации на разные темы, связанные с историей отечественного китаеведения; специальное исследование В. Г. Дацышена о китайском языке в дореволюционной России [Дацышен 2002]. Детальный анализ отечественного китаеведения вплоть до 1917 года, основанный как на общедоступных, так и на ранее неизвестных данных, содержится в недавно опубликованной монографии китайского исследователя-русиста Янь Годуна [Янь Годун 2006]. Ее появление символично и связано с растущим в последние годы в Китае интересом не только к западноевропейской, но также и к российской синологии.

Первые шаги в изучении китайского языка

До середины XIX в. основным источником сведений о Китае, закрытом для постоянных посольств, но не для иностранных миссионеров, оставалась Российская духовная миссия в Пекине, основанная в 1715 году по решению Петра Первого. В 1729 году император Шицзун, который правил под девизом Юнчжэн и известен своим особым интересом к языковым проблемам, назначил местных преподавателей для учеников Российской духовной миссии. Обучение китайскому языку было основано на традиционных методах — заучивании наизусть стихотворных списков иероглифов и классических текстов. При необходимости пользовались китайско-латинскими словарями, составленными западными миссионерами. Изучать приходилось сразу три языка. Китайский позволял россиянам общаться с местными людьми и познавать огромный мир соседней страны. Маньчжурский в качестве государственного языка цинского периода служил инструментом дипломатических отношений. И наконец, монгольский долгое время являлся языком-посредником в контактах России с Китаем.

Первое в России краткое описание грамматики китайского языка, на котором говорили, по-видимому, в 泉州 Цюаньчжоу (Chin Cheu) провинции Фуцзянь, появилось на латыни. Оно было помещено в сборнике работ немецкого ученого Зигфрида Байера (1694–1738), который приехал из Кенигсберга в Петербург по приглашению основанной Петром Первым Академии наук (в то время — Академии наук и художеств). Сборник содержал также китайско-латинский лексикон, основанный на материалах, собранных западными миссионерами (Theophilus Sigefridus Bayerus. *Museum Sinicum. In quo Sinicae Linguae et Litteraturae ratio explicatur.* Petropoli, 1730).

В 1739 году крещеный китаец или, возможно, маньчжур Чжоу Гэ (Федор Петров Джога) начал преподавать китайский язык сначала в Петербурге и затем в Москве [Скачков 1977, с. 56–61; Дацышен 2000]. Позже его сменили в Петербурге два ученика Российской духовной миссии, ставшие основателями отечественного китаеведения. Первый из них, И. К. Рассохин (также Россохин, 1717–1761), разработал, в частности, вариант транскрипции китайских географических названий на картах. Его рукопись «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами, для их правильного произношения» была скопирована одним из учеников и в этом варианте сохранилась до наших дней [Скачков 1977, с. 45]. А. Л. Леонтьев (1716–1786) составил разговорник, озаглавленный «Русско-маньчжуро-китайский словарь, расположенный по материям». Это пособие также доступно в рукописном варианте, который находится сейчас в архиве Академии наук в Петербурге [Скачков 1977, с. 63, 396].

Первую в России кафедру китайского языка возглавил один из бывших членов Российской духовной миссии Д. П. Сивиллов (архимандрит Даниил, 1798–1871), она была открыта на восточном факультете Казанского университета в 1837 году. В 1855 году, после основания факультета восточных языков в Петербурге, преподаватели кафедры переехали в столицу, туда же были перевезены востоковедные фонды и учебные пособия. В Казани, в семинарии и Духовной академии начинали свой путь два крупнейших российских синологов XIX в. — Н. Я. Бичурин (о. Иакинф, 1777–1853) и П. И. Кафаров (архимандрит Палладий, 1817–1878).

В 1807 году Н. Я. Бичурин был назначен начальником девятой Российской духовной миссии и прожил в Пекине четырнадцать лет. Уделявший гораздо больше времени научным трудам и светским занятиям, чем церковной деятельности, по возвращении в Россию он оказался под цер-



*Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) —
автор первой российской
грамматики китайского языка,
изданной в 1838 году*

ковным следствием, был лишен сана архимандрита и до 1826 года находился в ссылке в Валаамском монастыре. Тем не менее уже в 1828 году Н. Я. Бичурин был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду литературы и древностей Востока, с 1828 по 1851 год опубликовал свыше 100 крупных научных работ, приобрел мировую известность. Он же составил несколько китайско-русских словарей, которым было суждено остаться в рукописи, в том числе уникальный девяти-

томный [Хохлов 1977]. В 1835 году в пограничном русском городке Кяхта, служившем в то время основным центром торговли с Китаем, по инициативе о. Иакинфа было официально открыто училище китайского языка, «столь нужное для ежедневных торговых сношений».

Для Кяхтинского училища о. Иакинф (Бичурин) написал первую китайскую грамматику на русском языке («Хань-вынь-ци-мын. 漢文啟蒙. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом». СПб., 1838). Она была ориентирована на *вэньянь* (Бичурин считал, что разговорный язык вообще не имеет грамматики) и служила пособием по изучению китайского языка не только в Кяхте, но также в Казанском и затем Петербургском университете. В апреле 1838 года российский министр иностранных дел К. В. Нессельроде писал в своем докладе императору Николаю I: «Состоящий при Азиатском департаменте

монах Иакинф по возвращении своем из Кяхты окончил печатание второй части составленной им китайской грамматики. Польза сей книги, в которой давно был ощущаем недостаток, вполне оправдалась на опыте при преподавании китайского языка в учрежденном на Кяхте училище; и занимавшиеся при пособии оной молодые люди в несколько месяцев приобретали такие познания в языке, на которые без того нужны были бы целые годы». В предисловии о. Иакинф проанализировал грамматики своих предшественников, в том числе первую в истории китайского языка грамматику миссионера-синолога Франциско Варо (1627–1687), изданную в 1703 году. Подобно другим ранним сочинениям западных миссионеров, она находилась под влиянием методов, которые использовались при описании латыни и, по мнению Бичурина, были неуместны в грамматиках китайского языка [Яхонтов 1957, с. 3–5; Янь Годун 2006, с. 180].

Лингвистические итоги XIX века

Среди достижений нескольких поколений российских синологов — система записи китайских слов в пекинском произношении, которую принято называть «традиционной русской», или «палладиевской», транскрипцией. Усовершенствованная Н. Я. Бичуриным и позже академиком В. П. Васильевым (1818–1900) в первом печатном китайско-русском словаре (см. ниже), она обязана своим названием выдающемуся синологу XIX в. — П. И. Кафарову, работавшему в составе и затем возглавлявшему в сане архимандрита тринадцатую и пятнадцатую Российскую духовную миссию. После смерти П. И. Кафарова его знаменитый словарь, организованный по фонетическому принципу, был завершен и издан в Пекине П. С. Поповым (1842–1913) («Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальни-

ком Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым». Т. 1–2. Пекин, 1888). По тому же фонетическому принципу были построены другие, более поздние словари. Среди них — крупнейший словарь первой половины XX в., составленный И. А. Фигуровским (1863–1931) — митрополитом китайским и пекинским Иннокентием, возглавлявшим восемнадцатую Российскую духовную миссию («Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архимандрита Палладия и П. С. Попова и дру-

гим, под редакцией епископа Иннокентия». Т. 1–2. Пекин, 1909); подробнее см. [Дацышен 2000]. С незначительными изменениями, обусловленными, в частности, реформой русской орфографии 1918 года, палладиевская транскрипция дожила до наших дней и используется (или, во всяком случае, должна использоваться) в любых текстах на русском языке — научных, публицистических, художественных, на картах и в справочниках — и лишь в учебных изданиях заменяется китайской латинизированной системой 汉语拼音 ханьюй пиньинь.

Второе оригинальное достижение российского китаеведения XIX в., име-



Среди достижений нескольких поколений российских синологов — система записи китайских слов, которую принято называть «традиционной русской», или «палладиевской», транскрипцией. Знаменитый «Китайско-русский словарь» был подготовлен П. И. Кафаровым (архимандрит Палладий) и завершен после его смерти П. С. Поповым в 1888 году

ющее не только практическое, но и теоретическое значение, — особый графический метод расположения и поиска иероглифов в словарях, который отличается от всех многочисленных китайских. Он был разработан В. П. Васильевым, который стал заведующим кафедрой китайского и маньчжурского языков Петербургского университета после перевода туда факультета восточных языков из Казани. В соответствии со своей программой преподавания китайского языка В. П. Васильев готовил грамматики и хрестоматии, издал два учебных пособия: «Анализ китайских иероглифов» (ч. 1, 1866; ч. 2, 1884) и «Графическая система китайских иероглифов: Опыт первого китайско-русского словаря» (1867). Система В. П. Васильева не только была удобной при поиске иероглифов, но и, по его собственным словам, давала «сконцентрированную картину постепенного разрастания китайской письменности».

Система В. П. Васильева неоднократно совершенствовалась впоследствии. В конце XIX в. появились словари дипломата, переводчика, преподавателя факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета Д. А. Пешурова (1833–1913). В 1916 году российский буддолог О. О. Розенберг (1888–1919) издал китайско-японский словарь иероглифов в Токио. Тем самым он, возможно, познакомил с системой Васильева Ван Юнью, разработавшего в 1920-х годах метод поиска иероглифов по «четырем углам». С именем Розенберга обычно связывают русскую графическую систему западные синологи.

Расцвет теоретических исследований в советский период

Уже в советское время блестящий знаток китайского языка, выросший в Китае и много лет преподававший в военных академиях и училищах В. С. Колоколов (1896–

1979), адресовал свои построенные по русской графической системе и изданные в 1920–1930-х годах словари советским и китайским военным специалистам. Русская графическая система, которая известна в нашей стране также как система Васильева — Пещурова — Розенберга — Колоколова, нашла применение во многих других изданиях советского периода, в том числе в популярных словарях современного китайского языка Г. М. Григорьева и составленных под редакцией Б. Г. Мудрова. Она же использована в четырехтомном «Большом китайско-русском словаре» под редакцией профессора И. М. Ошанина (1900–1982), явившемся итогом многолетней лексикографической работы отечественных синологов. При составлении этого фундаментального издания были, в частности, учтены материалы неопубликованного «Китайско-русского словаря», который был подготовлен в Ленинграде в довоенные и первые послевоенные годы по инициативе и под руководством академика В. М. Алексеева (1881–1951), а также личные картотеки ленинградских авторов-составителей. Основу словаря, содержащего около 16 тыс. гнездовых иероглифов и свыше 250 тыс. слов и выражений, составляет как современная, так и архаическая лексика разных эпох, прежде всего древнекитайская. Разные слои лексики при этом часто в словаре не различаются.

Советский период можно назвать эпохой расцвета не только лексикографии, но также практического и теоретического китаеведного языкознания в целом. Внимание к практическому изучению китайского языка в его разных аспектах не в последнюю очередь объяснялось политическими, экономическими и военными интересами Советского Союза. В «коминтерновский период» 1920–1940-х годов переводы на китайский язык классиков марксизма-ленинизма, уставов и инструкций к военной технике, обучение многих сотен китайских студентов и курсантов в советских учебных заведениях требовали разнообразной

методической, учебной и справочной литературы. Рост числа изучающих китайский язык в вузах и специализированных учебных заведениях вызвала также масштабная помощь СССР в первые годы существования КНР, что, в свою очередь, привело к появлению новых пособий. «Языкового сопровождения» потребовало также ухудшение отношений между Москвой и Пекином в 1960–1980-е годы, когда резко выросла численность китаеязычных пропагандистских и военных кадров.

Прикладная лингвистика всегда стимулировала фундаментальные исследования в области китайского языкознания. И все же в советский период их расцвет не в последнюю очередь был связан с общим развитием фундаментальной науки в СССР. Были созданы крупные научные китаеведные школы — московская и ленинградская, накоплены богатейшие библиотечные фонды. Советские ученые, в том числе работающие в университетах и ряде институтов Академии наук СССР, занимались самыми разными теоретическими проблемами китайского языкознания — фонетическими, лексическими, грамматическими [Янкивер 1991; Милибанд 2008]. Научные конференции, посвященные китайскому языку и китайскому языкознанию, регулярно проводились по инициативе академика В. М. Солнцева (1928–2000) в Институте востоковедения и позже в Институте языкознания Академии наук.

Еще в 1906 году В. М. Алексеевым, тогда мало кому известным молодым русским китаеведом, в Коллеж де Франс в Париже и позже в Пекине впервые в истории синологии было предпринято изучение фонетики китайского языка экспериментальными методами. В результате В. М. Алексеев сделал важное фонетическое открытие — первым обнаружил в китайском языке наличие слабых глухих согласных, противопоставленных глухим придыхательным, на месте европейских звонких и глухих [Алексеев 1910]. Через двадцать с лишним лет уже ученый с

мировым именем и широчайшим кругом интересов, виднейший советский синолог, академик В. М. Алексеев вновь обратился к проблемам фонетики. На этот раз его заинтересовала идея создания алфавитного письма вместо иероглифов, которая с конца XIX в. стала предметом оживленного обсуждения в самом Китае и за его пределами. В Советском Союзе она проходила на фоне кампании по созданию новых латинизированных алфавитных систем письменности для народов СССР и даже дискуссии о возможности перевода русского языка с кириллицы на латиницу.

К работе комиссии по латинизации, созданной под руководством В. М. Алексеева при Китайском кабинете Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, были привлечены другие известные синологи — Б. А. Васильев, А. А. Драгунов, А. Г. Шпринцин, Ю. К. Щуцкий. Практические и теоретические результаты ее деятельности, которая в конечном итоге привела в начале 1930-х годов к созданию «новой латинизированной письменности» для китайского языка (新文字 *Sin wenz*, 拉丁化新文字 *Latinxua sin wenz*), были обобщены В. М. Алексеевым в его работе «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» (Л., 1932). После образования КНР опыт создания и использования «новой латинизированной письменности» при ликвидации неграмотности среди китайских эмигрантов на Дальнем Востоке и в ряде районов Китая был учтен в процессе разработки официального алфавита *ханьюй пиньинь*.

Решающую роль в развитии теоретической фонологии китайского языка сыграли в 1930–1940-е годы исследования выдающегося лингвиста-синолога А. А. Драгунова (龙果夫, 1900–1955), идеи которого были впоследствии развиты В. Б. Касевичем на материале не только китайского, но также других слоговых (изолирующих) языков. Труды А. А. Драгунова, посвященные самым разным

аспектам теоретического китайского языкознания, в том числе исторической фонетике, до сих пор не утратили своего значения и цитируются китайскими учеными во многих современных работах. К экспериментальному изучению фонетики официального китайского языка 普通话 *путунхуа* со второй половины XX в. обращаются М. К. Румянцев в Москве и Н. А. Спешнев в Ленинграде. Оригинальный результат экспериментального исследования, предпринятого Т. П. Задоемко, — выявление особых единиц (фонетических слов), ограничивающих в китайском языке любые морфонологические процессы, и прежде всего чередования тонов [Задоемко 1980]; позже этот результат был подтвержден на материале различных диалектов китайскими и западными учеными. Исследования в области фонетики древнекитайского языка были представлены во второй половине XX в. сначала работами С. Е. Яхонтова, см., например [Яхонтов 1976], и затем С. А. Старостина, монография которого [Старостин 1989] послужила основой его дальнейших исследований в области сравнительного сино-тибетского и сино-кавказского языкознания.



Особый графический метод расположения и поиска иероглифов в словарях, который отличается от всех многочисленных китайских, был разработан профессором Санкт-Петербургского университета В. П. Васильевым в середине XIX века. Этот метод и поныне используется в отечественных китайско-русских словарях

Основным объектом грамматических исследований в советской синологии также стал современный официальный язык *путунхуа*. Важнейшая теоретическая работа, предопределившая направление этих исследований, — монография А. А. Драгунова, посвященная проблеме выделения частей речи в китайском и, по сути дела, в других изолирующих языках, где имеется ограниченное словоизменение и порядок слов не подкреплён морфологией [Драгунов 1952]. Идеи А. А. Драгунова нашли свое развитие в диссертации и одноименной монографии С. Е. Яхонтова о китайском глаголе [Яхонтов 1957]. О различных проблемах, связанных с изучением грамматики *путунхуа*, идет речь также в десятках теоретических и практических работ отечественных лингвистов, работавших и работающих в разных городах нашей страны; см. также обзор многочисленных отечественных публикаций, посвященных китайской лексике и лексикографии [Сюй Гаоюй 2011].

Системный анализ грамматики древнекитайского языка был впервые представлен в отечественном китаеведении монографией С. Е. Яхонтова [Яхонтов 1965а]. Справочные и учебные пособия по древнекитайскому языку подготовлены в разное время М. В. Крюковым и Хуан Шуин, Т. Н. Никитиной, А. М. Карапетьянцем и Тань Аошуан. Теоретическому изучению языка последующих периодов — позднего древнекитайского, среднекитайского 白话 *байхуа*, языка монгольской канцелярии в Китае, позднего *вэньяня* (文言) — посвящены многочисленные публикации ленинградских (петербургских) исследователей И. С. Гуревич и И. Т. Зограф. Оригинальное направление советского и отчасти постсоветского периода — изучение этими же двумя авторами языка уникальных рукописных памятников, которые хранятся в имеющем мировое значение фонде Института восточных рукописей РАН. Начало этому фонду было положено в 1728 году, когда находившийся на русской службе швед Лоренц Ланг привез в Рос-

сию китайские и маньчжурские книги, полученные им от католических миссионеров в Пекине [Скачков 1977, с. 32]. Именно тогда была основана китайская и маньчжурская библиотека Академии наук, которая позже превратилась в сокровищницу мирового значения — китайскую часть Азиатского музея, ставшего в 1930 году Институтом востоковедения АН СССР. После переезда института в Москву в 1951 году в Ленинграде оставалось его отделение, которое недавно стало самостоятельным Институтом восточных рукописей РАН.

Первым оригинальным исследованием древнекитайских иероглифов в нашей стране стала книга Ю. В. Бунакова о надписях на гадательных костях из Хэнани [Бунаков 1935]. В 1970-е годы к изучению китайской письменности разных периодов приступили многие другие ученые. Историко-культурному анализу древнекитайской эпиграфики эпох Инь и Чжоу посвящена блестящая монография трагически скончавшегося молодого востоковеда В. М. Крюкова [Крюков В. М. 2000]. И наконец, проблемы развития китайского языка, письменности и филологической традиции в связи с этнической историей китайцев освещены М. В. Софроновым в соответствующих разделах шеститомной серии, подготовленной совместно с М. В. Крюковым, В. В. Малявиным, Л. С. Переломовым и Н. Н. Чебоксаровым (М., 1978–1993). М. В. Софроновым напи-



Первое исследование древней китайской письменности Ю. Бунакова было издано в 1935 году

сана также единственная в нашей стране монография, в которой представлены история и анализ реформ языка и письменности в Китае в новое и новейшее время [Софронов 1979].

В советский период особой областью исследований впервые в отечественной синологии стала китайская диалектология, которая возникла в 1930-х годах на волне интереса к изучению и сохранению десятков больших и малых языков на советском пространстве. Именно тогда в работах А. А. Драгунова по фонологии и особенно грамматике китайского языка появились примеры из диалектов — в основном шаньдунских по своему происхождению, на которых говорили многие эмигранты на Дальнем Востоке, приехавшие из Китая. Элементы диалектов — как сибирских русских, так и китайских — были также зафиксированы А. Г. Шпринциным в русско-китайском пиджине, существовавшем в пограничных районах предположительно с XVIII в. [Шпринцин 1968; Шпринцин 1972]. В 1932 году Е. Н. и А. А. Драгуновы обнаружили среди китайских студентов, обучавшихся в СССР, выходцев из уездов Сянтань и Сянсян провинции Хунань и дали первое полное описание фонетики диалектов, которые впоследствии были отнесены китайскими учеными к группе Сян [Драгунов 1932]. До Драгуновых хунаньские диалекты этого типа были выделены из состава группы 官话 *гуаньхуа* только в краткой классификации Джозефа Эдкинса, который также отмечал наличие в них среднекитайских звонких инициалей [Edkins 1894, p. 86–87].

Лишь спустя тридцать с лишним лет после публикации Драгуновых появились важнейшие статьи С. Е. Яхонтова, посвященные китайской диалектологии и лингвистической географии Китая [Яхонтов 1966а, Яхонтов 1966б; Яхонтов 1967]. В основе этих работ и неопубликованных карт лежали материалы всекитайского диалектного обследо-

дования, которые автор привез из Пекина или законспектировал в библиотеке Пекинского университета. В своих публикациях С. Е. Яхонтов впервые в истории китайской диалектологии предложил выделить в отдельную группу из состава 官话 *гуаньхуа* диалекты, которые распространены в северной части провинции Шэньси, на большей части Шаньси и в прилегающих к ним районах и сейчас называются диалектами группы 晋 Цзинь. Тайский субстрат диалектов 粤 Юэ, наличие которого в настоящее время считается общепризнанным фактом, — еще одна новаторская в то время тема, затронутая С. Е. Яхонтовым в его диалектологических публикациях.

В начале 1970-х годов к изучению диалектов китайского языка приступили языковеды в составе группы, возглавляемой М. В. Софроновым в Институте Дальнего Востока АН СССР. Среди прочих методов славянской диалектологии Е. Б. Астрахан впервые использовала при картографировании китайских лексических признаков так называемый метод семантического микрополя (или семантического поля). Семантическое поле многозначного слова образуется совокупностью всех его значений в разных диалектах. Набор значений этого слова в том или ином диалекте именуется конфигурацией семантического поля, которая часто оказывается различной как в пределах одной и той же диалектной группы, так и тем более в далеко отстоящих друг от друга диалектах разных групп. Каждой конфигурации присваивается свой особый знак, который и наносится на лингвистическую карту [Астрахан 1980; Астрахан 1985, с. 196–288]. На фонетических картах, которые были подготовлены О. И. Завьяловой и включали более 1000 пунктов, учитывались не изолированные явления (чтение отдельных иероглифов, как это часто делается в китайских работах), но фрагменты фонетических систем. В результате была обнаружена ранее не известная диалектная граница, которая образована пучком

фонетических изолиний и проходит вдоль хребта Циньлин и реки Хуайхэ [Завьялова 1982; Завьялова 1996]. Морфонологические явления в китайских диалектах — еще одна тема исследований тех лет [Завьялова 1990]. Позже лингвистической географии Китая была посвящена диссертация о диалектах провинции Сычуань [Шапиро 2004]. Эта же работа содержит прогноз развития китайской фонетики с учетом изменений, претерпеваемых не только сычуаньскими, но также другими диалектами китайского языка.

Особая область отечественной синологии связана с дунганским языком. Начало его изучению было положено А. А. и Е. Н. Драгуновыми, Е. Д. Поливановым и Ю. Яншансином в 1930–1940-е годы. В 1970-е годы дунганский язык в сравнении с диалектами северо-западной части Китая был исследован методами лингвистической географии и экспериментальной фонетики. В результате были сделаны два новых вывода. Первый — дунганские диалекты (если не принимать во внимание поздние миграции в Синьцзян) восходят к диалектам небольшого района, охватывающего юг провинции Ганьсу и запад долины Гуаньчжун в Шэньси. Второй — различие четырех тонов в ганьсуйском диалекте дунганского языка — как и во многих других собственно китайских диалектах — обусловлено конечной / неконечной позицией слога внутри фонетического слова [Завьялова 1973; Завьялова 1979].

Отечественные работы по истории китайского языкознания

Китайское языкознание делится на два больших периода. Первый, традиционный, охватывает более двух тысячелетий и завершился на рубеже XIX и XX вв. с началом модернизации китайского общества, сопровождавшейся проникновением в страну европейских идей и теорий, в

том числе лингвистических. Начало второму периоду, для которого характерно использование как западных, так и отчасти некоторых традиционных методов, было положено в 1898 году выходом в свет первой в истории китайского языкознания грамматики «Маши взнь тун» («*马氏文通*», «Объяснение правил письменного языка господина Ма») Ма Цзяньчжуна (1844–1900). В нашей стране обзор китайских лингвистических методов в их традиционном варианте содержался уже в «Опыте мандаринской грамматики» (1902) П. П. Шмидта. В 1926 году была опубликована работа впоследствии репрессированного Н. М. Попова-Тативы (1883–1937), посвященная реформам китайского языка начала XX в. и идеям Ху Ши — одного из вдохновителей этих реформ и лидеров движения за переход с традиционного письменного языка *вэньянь* на «разговорный» *байхуа* (*白话文运动 байхуавэнь юньдун*). В упомянутой выше книге Ю. В. Бунакова, снабженной обширной библиографией, был представлен очерк истории открытия и изучения иньских надписей в первые десятилетия XX в.

Вскоре после образования КНР в 1949 году там начался новый период языковых реформ, в обсуждении которых приняли участие советские ученые, имевшие обширный опыт языкового строительства в СССР. Одновременно в отечественной синологии появилась серия статей о языковой политике и лингвистических воззрениях, в частности грамматических, ученых КНР (работы 1950-х — начала 1960-х годов Б. Г. Мудрова, И. М. Ошанина, Г. П. Сердюченко, Ю. В. Рождественского, И. С. Гуревич). Главное место китайская грамматика занимает также в опубликованных позже справочных статьях В. М. Солнцева, помещенных в энциклопедических изданиях в 1973 и 1990 годах. Интерес автора к грамматическим исследованиям можно объяснить двумя причинами. С одной стороны, грамматика отсутствовала в китайской лингвистической традиции и ее разработка применительно к китайскому и другим

изолирующим языкам является несомненным достижением прежде всего западной синологии. С другой — именно исследования по грамматике современного официального языка *путунхуа* находились в центре внимания московских китаистов во второй половине XX в.

Грамматические исследования оказались также первыми работами китайских лингвистов, переведенными на русский язык. «Основы китайской грамматики» Ван Ли (Ван Ляои) были изданы в 1954 году в переводе Г. Н. Райской под редакцией А. А. Драгунова и Чжоу Сунъюаня с предисловием А. А. Драгунова и Л. Д. Позднеевой. Перевод «Очерков грамматики китайского языка» Люй Шусяна был подготовлен в первой половине 1960-х годов И. М. Ошаниным. Статьи о грамматике наряду с репрезентативными публикациями 1950-х — первой половины 1980-х годов на иные темы (лексикография, диалектология, историческая фонетика, история иероглифической письменности, нормализация китайского языка) представлены также в сборнике работ китайских лингвистов, появившемся через двадцать лет после публикации двух первых грамматик. Составление и общая редакция сборника, вышедшего в серии «Новое в зарубежной лингвистике», были осуществлены М. В. Софроновым. Он же является автором предисловия, посвященного анализу китайского языкознания соответствующего периода. Особое внимание при этом М. В. Софронов уделяет развитию грамматических исследований в Китае с начала XX в.

Среди публикаций 1950-х годов особняком стоит статья Н. И. Конрада о национальной традиции в китайском языкознании (1959 год). Сведения о китайском языкознании традиционного типа содержатся также в опубликованных позже «Очерках по истории лингвистики» (1975 год). Системный анализ традиционного китайского языкознания появился в отечественной синологии лишь в начале 1980-х годов с выходом в свет работ С. Е. Яхонтова.

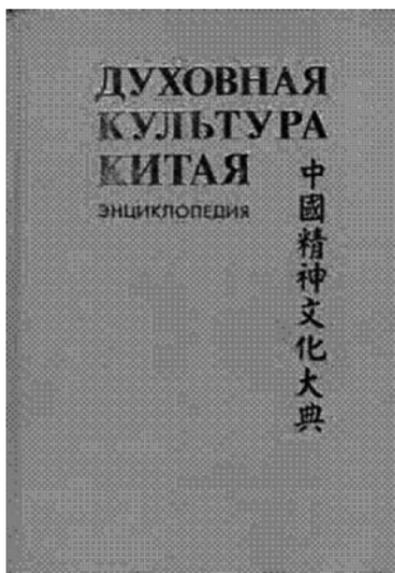
Эти работы стали результатом многолетних новаторских исследований автора по истории собственно китайского языка, в которых в качестве источников использовались, в частности, древние и средневековые лингвистические памятники. Нормативные списки и словари иероглифов, словари рифм, фонетические таблицы проанализированы С. Е. Яхонтовым в ряду других таких же памятников с точки зрения эволюции методов и теоретических воззрений китайских лингвистов с середины 1-го тыс. до н. э. до конца XIX в. [Яхонтов 1980; Яхонтов 1981].

Сведения о китайских лингвистических исследованиях XX в. можно обнаружить также во многих отечественных работах, посвященных различным аспектам изучения китайского языка и письменности. Особое значение для изучения истории китайского языкознания второй половины XX в. имеет двухтомная библиография, составленная в 1991–1993 годах коллективом авторов (Н. В. Солнцева, А. Л. Семенас, П. Ф. Толкачев) под руководством С. Б. Янкивер. В библиографии представлена литература на русском языке, вышедшая после 1917 года, и публикации на китайском, японском и западных языках, увидевшие свет после образования КНР [Янкивер 1991].

Исследования китайского языка в современной России

Теоретические монографии и статьи о китайском языке и письменности, словари и справочники, хрестоматии и учебники, изданные в нашей стране в советский и отчасти в постсоветский период, насчитывают сотни названий. Созданы научные школы, накоплены богатейшие библиотечные фонды. Это огромное наследие позволяет удовлетворять потребности дальнейшего практического изучения китайского языка, которое расширяется по мере быстро-

го развития делового сотрудничества России и Китая и российского туризма в китаеязычной зоне Азии. Объем сведений о Китае и китайском языке возрастает в российском Интернете. Знание китайского языка считается престижным и пользуется все большим спросом. В советский период можно было легко составить список привилегированных высших учебных заведений и специальных средних школ, где изучался китайский язык. Интерес к практическому изучению китайского языка в современной России растет вслед за наращиванием экономического и гуманитарного взаимодействия с крепнущим Китаем. Новые отделения, кафедры, курсы с преподаванием китайского языка открываются по всей России и пользуются ра-



Достижения отечественного китаеведения обобщены в многотомной энциклопедии «Духовная культура Китая», подготовленной в ИДВ РАН. Раздел о языке и письменности помещен в третьем томе этого издания

стущим спросом. Издаются многочисленные новые учебники, разговорники и словари, призванные облегчить изучение китайского языка россиянами.

Политические и экономические проблемы, связанные с распадом Советского Союза, свертывание поддержки фундаментальных научных исследований, другие неблагоприятные тенденции конца XX — начала XXI в. не могли тем не менее не отразиться на состоянии фундаментального китаеведения. Сократился приток в научные центры молодежи, которая вынуждена заниматься только практическим использова-

нием своего знания китайского языка. Остро ощущается нехватка докторов и кандидатов наук в вузах. Сужается тематика лингвистических исследований в научных центрах и университетах. Проведение китаеведческих научных мероприятий, издание специальной литературы сталкивается с немалыми трудностями. Тем не менее результаты исследований отечественных синологов-лингвистов не только по-прежнему используются в обучении китайскому языку и при создании соответствующих пособий, но также имеют более широкое значение. Как это бывает с достижениями любой теоретической науки, они могут найти совершенно неожиданное применение в самых разных областях современной человеческой деятельности — от перевода до создания систем компьютерных кодировок иероглифов. Именно по этой причине, несмотря на переориентацию современной китайской лингвистики на западную науку, теоретические работы советских синологов-лингвистов до сих пор читаются, изучаются и цитируются в самом Китае. Истории российского китаеведения в его разных аспектах, включая лингвистический, посвящаются новейшие работы китайских ученых.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Алексанян 2008 — *А. Г. Алексанян*. Манихейство в Китае (опыт историко-философского исследования). М., 2008.

Алексеев 1910 — *В. М. Алексеев*. Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906–1909) // Известия Академии наук. 1910. № VI/12.

Алпатов 1981 — *В. М. Алпатов, И. И. Басс, А. И. Фомин*. Японское языкознание VIII–XIX вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.

Антонян 2009 — *К. В. Антонян*. Китайский язык перед лицом глобализации // 60 лет КНР: Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009 годы). Тезисы докладов XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 21–23 октября 2009 г.). Ч. 1. М., 2009.

Астрахан 1980 — *Е. Б. Астрахан*. Метод семантического микрополя для описания лексики восточных диалектов *гуань-хуа* // Вестник МГУ (Востоковедение). 1980. Т. XIII/4.

Астрахан 1985 — *Е. Б. Астрахан, О. И. Завьялова, М. В. Софронов*. Диалекты и национальный язык в Китае. М., 1985.

Баженова 2010 — *Е. С. Баженова*. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М., 2010.

Березкин 2003 — *Р. В. Березкин*. Словарь ключей иероглифов древнего китайского почерка *сяо чжуань*. СПб., 2003.

Боревская 2005 — *Н. Е. Боревская*. Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005. № 10.

Бунаков 1935 — *Ю. Бунаков* Гадательные кости из Хэнани (Китай). Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП. Л. — М., 1935 (АН СССР. Труды Института языка и мышления имени Н. Я. Марра. Т. III).

Буров 2007 — *В. Г. Буров, А. Л. Семенов*. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. М., 2007.

Владимирцов 2005 — *Б. Я. Владимирцов*. Монгольский международный алфавит XIII в. // *Б. Я. Владимирцов*. Работы по монгольскому языкознанию. М., 2005.

Вопросы 1937 — Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937.

Воскресенский 2006 — *Д. Н. Воскресенский*. Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на *байхуа*. Собрание трудов. М., 2006.

Готлиб 2006 — *О. М. Готлиб*. Основы грамматики китайской письменности. М., 2006.

Гуревич 1974 — *И. С. Гуревич*. Очерк грамматики китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы) / Ред. С. Е. Яхонтов. М., 1974.

Гуревич 1986 — Бай юй цзин (Сутра ста притч) / Пер. с кит. и коммент. И. С. Гуревич; вступит. ст. Л. Н. Меньшикова; стихи в переводе Л. Н. Меньшикова; ред. Л. Н. Меньшиков. М., 1986.

Гуревич 2008 — *И. С. Гуревич*. Историческая грамматика китайского языка: язык прозы на *байхуа* периода Сун — Юань (*пинхуа*). СПб., 2008.

Гурьян 2009а — *Н. В. Гурьян*. Проблемы авторства и датировки древнейшего китайского словаря «Эр я» // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 2009. № 1.

Гурьян 2009б — *Н. В. Гурьян*. Строение первого китайского словаря «Эр я». Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Дацышен 2000 — *В. Г. Дацышен*. Епископ Иннокентий (Фигуровский): Начало нового этапа в истории Российской Духовной Миссии в Пекине // Китайский Благовестник. 2000. № 1.

Дацьшен 2002 — *В. Г. Дацьшен*. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск, 2002.

Дацьшен 2008 — *В. Г. Дацьшен*. Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // Россия и АТР. 2008. № 3 (61).

Доронин 2001 — *Б. Г. Доронин*. Столичные города Китая. СПб., 2001.

Драгунов 1932 — *А. А. Драгунов и Е. Н. Драгунова*. К латинизации диалектов центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян // Известия Академии наук СССР (Отделение общественных наук). 1932. Т. VII/3.

Драгунов 1937 — *А. А. Драгунов, Е. Н. Драгунова*. Дунганский язык // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. VI. М., 1937.

Драгунов 1940 — *А. А. Драгунов*. Исследования в области дунганской грамматики. Ч. 1: Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу) // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXVII. 1940.

Драгунов 1952 — *А. А. Драгунов*. Исследования по грамматике современного китайского языка. I: Части речи. М.–Л., 1952.

Драгунов 1955а — *А. А. Драгунов, Е. Н. Драгунова*. Структура слога в китайском национальном языке // Советское востоковедение. 1955. № 1.

Завьялова 1973 — *О. И. Завьялова*. Тоны в дунганском языке // Народы Азии и Африки. 1973. № 3.

Завьялова 1979 — *О. И. Завьялова*. Диалекты Ганьсу. М., 1979.

Завьялова 1982 — *О. И. Завьялова*. Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики *гуаньхуа* // Вопросы языкознания. 1982. № 3.

Завьялова 1990 — *О. И. Завьялова*. О суперсегментных морфонологических процессах в китайских диалектах // Вопросы языкознания. 1990. № 3.

Завьялова 1992 — *О. И. Завьялова*. Сино-мусульманские тексты: графика — фонология — морфонология // Вопросы языкознания. 1992. № 6.

Завьялова 1996 — *О. И. Завьялова*. Диалекты китайского языка. М., 1996.

Задоеико 1980 — *Т. П. Задоеико*. Ритимическая организация потока китайской речи. М., 1980.

Зограф 1972 — *И. Т. Зограф*. Грамматический очерк и словарь // Бяньвэнь о воздаянии за милости (рукопись из дуньхуанского фонда Института востоковедения). Ч. 2. М., 1972.

Зограф 1984 — *И. Т. Зограф*. Монгольско-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае). М., 1984.

Зограф 1990 — *И. Т. Зограф*. Официальный *вэньянь*. М., 1990.

Зограф 2004 — *И. Т. Зограф*. Межуровневые связи и языковая интерференция // Китайское языкознание. Изолирующие языки. XII Международная конференция. Материалы. М., 2004.

Зограф 2005а — *И. Т. Зограф*. Среднекитайский язык (опыт структурно-типологического описания). СПб., 2005.

Зограф 2005б — *И. Т. Зограф*. Хрестоматия по китайскому языку (ранний *байхуа* и поздний *вэньянь*). СПб., 2005.

Зограф 2008 — *И. Т. Зограф*. Методы изучения истории изолирующего языка с иероглифической письменностью. СПб., 2008.

Зограф 2009 — *И. Т. Зограф*. Китайский язык в контакте с языками иной структуры // 60 лет КНР: Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009 годы). Тезисы докладов XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 21–23 октября 2009 г.). Ч. 1. М., 2009.

Карапетьянц 1977 — *А. М. Карапетьянц*. Китайское письмо до унификации 213 г. // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.

Карапетьянц 1981а — *А. М. Карапетьянц*. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до середины I тысячелетия до н. э.) // Ранние формы искусства. М., 1972.

Карапетьянц 1981б — *А. М. Карапетьянц*. Формирование системы канонов в Китае // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981.

Касевич 1983 — *В. Б. Касевич*. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.

Касевич 1986 — *В. Б. Касевич*. Морфонология. М., 1986.

Кобзев 2002 — *А. И Кобзев*. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.

Колоколов 1977 — *В. С. Колоколов*. Предисловие Го Пу к книге «Эр-я» // Китай: история, культура и историография. М., 1977.

Кондратьева 2004 — *Е. Б. Кондратьева*. Некоторые грамматические особенности танских новелл // Востокведение. Т. 24. СПб., 2004.

Кондратьева 2006 — *Е. Б. Кондратьева*. Некоторые принципы сравнения текстов эпохи Тан с текстами классического древнекитайского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 4. СПб., 2006.

Кондратьева 2007 — *Е. Б. Кондратьева*. Грамматические особенности китайского языка эпохи Тан. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.

Кондратьева 2012 — *Е. Б. Кондратьева*. Судьба *вэньяня* после Синьхайской революции // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2.

Кондрашевский 2002 — *А. Ф. Кондрашевский*. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике. Ч. I–II. М., 2002.

Концевич 2002 — *Л. Р. Концевич*. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. Пособие по транскрипции. М., 2002.

Концевич 2006 — *Л. Р. Концевич*. Китайские иероглифы в корейском языке. Краткие сведения о грамматике и фонетике ханмунной лексики // Российское корееведение. Альманах. Вып. 5. М., 2006.

Крюков 1967 — *М. В. Крюков*. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.

Крюков 1971 — *М. В. Крюков*. Китайские фамилии: как и когда они возникли // Этнография имен. М., 1971.

Крюков 1973 — *М. В. Крюков*. Язык иньских надписей. М., 1973.

Крюков 1978 — *М. В. Крюков*. Китайцы // Системы личных имен народов мира. М., 1978.

Крюков 1980 — *М. В. Крюков*. Личное имя и термины родства // Ономастика Востока. М., 1980.

Крюков В. М. 2000 — *В. М. Крюков*. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000.

Лемешко 2007 — *Ю. Г. Лемешко* Язык китайского общественно-политического текста (синтаксические и стилистические особенности). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.

Маркина 2006 — *К. А. Маркина*. Особенности фонологической интерференции буквенных слов в китайском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 6. М., 2006.

Маркина 2008 — *К. А. Маркина*. Новые тенденции в развитии китайской лексики: буквенные слова китайского языка как проявление его интеграции с элементами иной типологии. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Меньшиков 2005 — *Л. Н. Меньшиков*. Из истории китайской книги. СПб., 2005.

Милибанд 2008 — *С. Д. Милибанд*. Востоковеды России: XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь. В двух книгах. М., 2008.

Монастырский 1988 — *А. А. Монастырский*. Лингвистическое районирование Китая (морфонология суффикса -эр). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.

Немтинова 2004 — *А. В. Немтинова*. Нестандартные формы иероглифической письменности: диалектные знаки // Китайское языкознание. Изолирующие языки: XII Международная конференция. Материалы (Москва, 22–23 июня 2004 г.). М., 2004.

Никитина 2007 — *Т. Н. Никитина*. Грамматика китайского публицистического текста. Учебное пособие. СПб., 2007.

Скачков 1960 — *П. Е. Скачков*. Библиография Китая. М., 1960.

Скачков 1977 — *П. Е. Скачков*. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Софронов 1979 — *М. В. Софронов*. Китайский язык и китайское общество. М., 1979.

Софронов 2007 — *М. В. Софронов*. Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций. М., 2007.

Станкевич 1981 — *Н. В. Станкевич*. Памятник древней вьетнамской лексикографии // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.

Старостин 1989 — С. А. Старостин. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.

Сторожук 2002 — А. Г. Сторожук. Введение в китайскую иероглифику. СПб., 2002.

Суханов 1980 — В. Ф. Суханов. Упрощенные начертания и разнописи китайских иероглифов. М., 1980.

Тавровский 1990 — Ф. Ю. Тавровский. Этимология китайских фамилий: соотношение онима и апеллиатива // XX научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1990.

Хохлов 1977 — Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: К 200-летию со дня рождения. Материалы конференции / Сост. А. Н. Хохлов. Ч. 1–2. М., 1977.

Чжоу Югуан 1989 — Чжоу Югуан. Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М., 1989.

Шапиро 2004 — Р. Г. Шапиро. Фонетическая эволюция сычуаньского диалекта китайского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Шапиро 2009 — Р. Г. Шапиро. Морфологические черты китайско-русского пиджина // 60 лет КНР: Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009 годы). Тезисы докладов XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 21–23 октября 2009 г.). Ч. 1. М., 2009.

Шер 1968 — А. Я. Шер. Что нужно знать о китайской письменности. М., 1968.

Шмидт 1902 — П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики с текстом для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия. Владивосток, 1902.

Шпринцин 1968 — А. Г. Шпринцин. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. Вып. VI. М., 1968.

Шпринцин 1972 — А. Г. Шпринцин. О заимствовании китайской речью русской лексики // Страны и народы Востока. Вып. XIII. Кн. 2. М., 1972.

Юсупов 2001 — Р. Юсупов. Численность и размещение дунган в Кыргызстане // Хуэйзǔ (Дунгане). Бишкек. 2001. № 1.

Янкивер 1991 — *С. Б. Янкивер и др.* Библиография по китайскому языкознанию. Москва. Т. 1, 1991; Т. 2, 1993.

Яхонтов 1957 — *С. Е. Яхонтов.* Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.

Яхонтов 1960 — *С. Е. Яхонтов.* Пекинское произношение XI в. // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1960.

Яхонтов 1965а — *С. Е. Яхонтов.* Древнекитайский язык. М., 1965.

Яхонтов 1965б — *С. Е. Яхонтов.* О морфологической классификации языков // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.

Яхонтов 1966а — *С. Е. Яхонтов.* Классификация диалектов китайского языка // Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л., 1966.

Яхонтов 1966б — *С. Е. Яхонтов.* Тайский субстрат диалектов Юэ // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета. 1965/66 учебный год. Л., 1966.

Яхонтов 1967 — *С. Е. Яхонтов.* Географическое распространение диалектов китайского языка // Вестник ЛГУ (История. Язык. Литература). 1967. № 2.

Яхонтов 1969 — *С. Е. Яхонтов.* Письменный и разговорный язык в VII–XIII вв. н. э. // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969.

Яхонтов 1976 — *С. Е. Яхонтов.* Начальные *l* и *g* в древнекитайском языке // Ученые записки ЛГУ. Востоковедение. Т. 2. Вып. 18. 1976. № 383.

Яхонтов 1980 — *С. Е. Яхонтов.* История языкознания в Китае (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

Яхонтов 1980а — *С. Е. Яхонтов.* Пекинское произношение XI в. // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980.

Яхонтов 1981 — *С. Е. Яхонтов.* История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.

Яхонтов 1983 — *С. Е. Яхонтов.* Современное состояние вопроса о генетических связях языков Юго-Восточной Азии //

Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983.

Яхонтов 2006 — *С. Е. Яхонтов*. Лексическое и грамматическое словообразование // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006.

На китайском и японском языках

Бай цзя син 1906 — Бай цзя син као люэ («Фамилии ста семей» с комментариями). Шанхай, 1906 (?).

Бай цзя син 1999 — Бай цзя син («Фамилии ста семей») // Чанша, 1999.

Ван Гошэн 2003 — *Ван Гошэн*. Цун юйфа яньцзю цзяоду кань «Сяньдай ханьюй фанъянь дацыдянь» цзунхэбэнь (Объединенный [шеститомный] вариант «Большого словаря диалектов современного китайского языка» как источник для исследований по грамматике) // Фанъянь. 2003. № 4.

Ван Дэнфэн 2008 — *Ван Дэнфэн*. Чунши чжунхуа цзиндянь, фусин чжунхуа вэньхуа (Приведем в порядок китайские классические памятники, возродим китайскую культуру) // Юйвэнь цзяньшэ. 2008. № 7–8.

Ван Ли 1985 — *Ван Ли*. Ханьюй юйинь ши (История китайской фонетики). Пекин, 1985.

Ван Пин 2006 — *Ван Пин*. Чжэнцзюэ чули фанъянь юй пунхуа гуаньси чу'и (Предложения по адекватному решению проблемы соотношения диалектов и пунхуа) // Чжунго фанъянь сюэбао. Т. 1. Пекин, 2006.

Ван Футан 2003 — *Ван Футан*. Фанъянь бэньцзы каочжэн шолуэ (Кратко о проблеме изучения местных иероглифов для записи диалектов) // Фанъянь. 2003. № 4.

Ван Цюаньчэнь 2000 — *Ван Цюаньчэнь*. Чжунго синши дэ вэньхуа цзеси (Культурологический анализ китайских фамилий). Пекин. 2000.

Го Силян 2006 — *Го Силян, Тан Цзофань, Хэ Цзюин и др.* Гудай ханьюй ([Хрестоматия] по древнекитайскому языку). Т. 1–2. Пекин, 2006.

Гоцзя юйянь 1996 — Гоцзя юйянь вэньцзы чжэнцэ фагуй хуэйбянь (1949–1995) [Сборник законодательных документов, определяющих политику в области языка и письменности (1949–1995 гг.)]. Пекин, 1996.

Гу Сяофэн 2002 — *Гу Сяофэн*. Ханьцзы юй цзисуаньцзи (Китайские иероглифы и компьютеры). Пекин, 2002.

Дин Бансинь 2000 — *Дин Бансинь*. Лунь ханьюй фаньянь чжун «чжунсиньюй — сюшиюй» дэ фаньян цысую вэньти (О проблеме нестандартного порядка «определяемое — определение» в китайских диалектах) // Фаньянь. 2000. № 3.

Ду Суншоу 1959 — *Ду Суншоу*. Дунганьюй пиньинь вэньцзы цзыляо (Материалы по алфавитной письменности дунганского языка) // Пиньинь вэньцзы яньцзю цанькао цзыляо цзикань (Исследования и справочные материалы по алфавитной письменности). Т. 1. Пекин, 1959.

Дун Кунь 2004 — *Дун Кунь*. Цун итицзы чжэнли люэтань ханьцзы гайгэ дэ «чжунъюн чжи дао» (Обсудим с точки зрения упорядочения разнописей «золотую середину» *чжунъюн* при проведении реформы письменности) // Ханьцзы гуйфань байцзятань (Дискуссия по проблеме стандартизации китайских иероглифов) / Ред. Ли Юймин, Фэй Цзиньчан. Пекин, 2004.

Дун Кунь 2007 — *Дун Кунь*. Цун цзягувэнь дао цзяньхуацзы (От надписей на гадательных костях до упрощенных иероглифов). Пекин, 2007.

Дунгань 2011 — *Дунгань* миньцзянь гуши чуаньшо цзи (Сборник народных дунганских сказок и преданий) / Сост., вступит. статья и послесловие Б. Л. Рифтина; запись иероглифами Хай Фэн; перевод с русского языка предисловия и послесловия: Лянь Шушэн. Шанхай, 2011.

Исияма 1925 — *Исияма Фукудзи*. Ко:тэй «Тю:гэн он ин» (Исследование словаря «Чжунъюань инь юнь»). Токио, 1925.

Итицзы 2004 — *Итицзы* яньцзю (Исследования по проблеме разнописей иероглифов) / Ред. Чжан Шуянь. Пекин, 2004.

Канси 1955 — *Канси* цзыдянь (Словарь, [изданный в годы правления под девизом] Канси). Пекин, 1955.

Ли Жулун 2003 — *Ли Жулун*. Ханьюй фаньянь дэ бицзю яньцзю (Сравнительное изучение диалектов китайского языка). Пекин, 2003.

Ли Жулун 2003 — *Ли Жулун*. Цзиньнань, Гуаньчжун дэ «цюаньчжо сунци» юй Тан — Сун сибэй фаньянь (Придыхательные инициалы, соответствующие среднекитайским звонким, и северо-западные диалекты эпох Тан и Сун) // *Ли Жулун*. Ханьюй фаньянь дэ бицзяо яньцзю (Сравнительные исследования в области китайской диалектологии). Пекин, 2003.

Ли Жулун 2009 — *Ли Жулун*. Ханьюй фаньянь дэ дили юйяньсюэ яньцзю да ю кэвэй — сиду «Ханьюй фаньянь дитуцзи» (Перспективы лингвогеографического изучения диалектов китайского языка — обзор «Атласа диалектов китайского языка») // *Фаньянь*. 2009. № 2.

Ли Жун 1993 — *Ли Жун*. Фэньди фаньянь цыдянь цзунсюй (Общее предисловие к региональным диалектным словарям) // *Фаньянь*. 1993. № 1.

Ли Жун 1997 — *Ли Жун*. Као бэньцзы ганьку (Радости и горести при поисках иероглифов для записи диалектных слов) // *Фаньянь*. 1997. № 1.

Ли Лань 2002 — *Ли Лань*. Фаньянь бицзяо, цюйюй фаньяньши юй фаньянь фэньцюй — и Цзиньюй фэньиньцы хэ Фучжоу цецзяоцы вэй ле (Сравнительное изучение диалектов, история их районирования и классификация в связи с *фэньиньцы* в диалектах Цзинь и *цечзяоцы* в диалектах Минь) // *Фаньянь*. 2002. № 1.

Ли Лэи 2000 — *Ли Лэи*. Ханьюй пиньинь юнчу до (Множество вариантов использования китайского алфавита). Пекин, 2000.

Ли Лэи 2006 — *Ли Лэи*. Ханьцзы яньбянь убай ли (Пятьсот примеров развития иероглифов). Пекин, 2006.

Ли Синькуй 1983 — *Ли Синькуй*. Ханьюй дэньюньсюэ (Китайская традиционная фонология). Пекин, 1983.

Ли Сяофань 2004 — *Ли Сяофань*. Ханьюй фаньянь ляньду бяньдяо дэ цэнци хэ лэйсин (Уровни и классы морфонологических чередований тонов в китайских диалектах). *Фаньянь*. 2004. № 1.

Ли Шуянь 1996 — *Ли Шуянь, Чжан Аньшэн*. Иньчуань фаньянь цыдянь (Словарь диалекта Иньчуаня) / Сяндай ханьюй фаньянь дацзидянь фэньцзюань (Отдельный выпуск «Большого словаря диалектов современного китайского языка»). Нанкин, 1966.

Ли Шуянь 1999 — *Ли Шуянь*. Мянсян эршии шицзи дэ ханьюй фаньянь яньцзю (В преддверии диалектологических исследований XXI в.) // *Фаньянь*. 1999. № 1.

Ли Юймин 2002 — *Ли Юймин*. Цинмо вэньцзы гайгэ цзя дэ фанъяньгуань (Представления о диалектах реформаторов письменности конца эпохи Цин) // Фанъянь. 2002. № 7.

Ли Юймин 2005 — *Ли Юймин*. Чжунго юйянь гуйхуа лунь (О языковом планировании в Китае). Чанчунь, 2005.

Линь Тао 2000 — *Линь Тао*. Путунхуа юй бэйцзинхуа (*Путунхуа* и пекинский диалект). Пекин, 2000.

Линь Тао 2003 — *Линь Тао*. Чжунъя дунганьюй яньцзю (Исследование языка дунган Средней Азии). Гонконг, 2003.

Линь Юйшань 1992 — *Линь Юйшань*. Чжунго цышу бяньцзуань шилуэ (Краткая история составления словарей в Китае). Чжэнчжоу, 1992.

Ло Чанпэй 1959 — *Ло Чанпэй, Цай Мэйбяо*. Басыба цзы юй Юаньдай ханьюй (Квадратная письменность и китайский язык эпохи Юань). Пекин, 1959.

Лю Даньцин 2006 — *Лю Даньцин*. Ханьюй фанъянь юйфа дяоча яньцзю дэ сань чжун моши (Три модели обследования и анализа грамматики диалектов китайского языка) // Чжунго фанъянь сюэбао. Т. 1. 2006.

Лю Лили 2006 — *Лю Лили*. Тунъюань ицзин сань фанъянь дэ юйхуэй бяньдяо хэ юйфа бяньдяо (Лексические и грамматические чередования тонов в трех диалектах, имеющих одно происхождение, но разное местоположение) // Чжунго фанъянь сюэбао. Т. 1. 2006.

Ма ши вэнь тун 2000 — «Ма ши вэнь тун» юй ханьюй юй-фасюэ («Ма ши вэнь тун» и изучение китайской грамматики) / Ред. Хоу Цзинь. Пекин, 2000.

Ми Шоуцзян 2004 — *Ми Шоуцзян, Ю Цзя*. Чжунго исыланьцзяо (Китайский ислам). Пекин, 2004.

Ни Дабай 1988 — *Ни Дабай*. Хайнаньдао Санья хуэйцзу юйянь дэ шишу (Идентификация языка *хуэйцзу*, живущих в Санья на острове Хайнань) // Миньцзу юйвэнь. 1988. № 2.

Путунхуа 2005 — Путунхуа шуйпин цэшиюань шиюн шоуцэ (Справочник для экзаменаторов, принимающих тест на уровень знания *путунхуа*) / Сост. Сун Синьцяо. Пекин, 2005.

Сань цзы цзин 2007 — Сань цзы цзин. Цянь цзы вэнь (Three-Character Canon. Essay of One Thousand Characters. Chinese-English ed.) / Ред. Гу Чжэнкунь. Пекин, 2007.

Се Цзыли 1989 — *Се Цзыли и др.* Сучжоу фанъянь ли дэ юйчжуй (Суффиксы в диалекте Сучжоу) // Фанъянь. 1989. № 2, 3.

Синьхуа 2004 — Синьхуа цзыдянь (Словарь иероглифов Нового Китая). Изд. 10-е. Пекин, 2004.

Синьцьюй 2009 — Синьцьюй суча шоуцэ (Справочник быстрого поиска неологизмов) / Ред. Лю Яньхуа, Чжоу И, Линь Цзин. Чанша, 2009.

Су Пэйчэн 2004 — *Су Пэйчэн.* Сяньдай ханьцзы дэ лайюань цзици яньбянь (Истоки и трансформации современных китайских иероглифов) // Ханьцзы гуйфань байцзятань (Дискуссия по проблеме стандартизации китайских иероглифов) / Ред. Ли Юймин, Фэй Цзиньчан. Пекин, 2004.

Сун Бояо 1995 — *Сун Бояо.* Цзяньго цян дэ юйвэнь гунцзо (Работа в области языка и письменности до образования КНР) // Дандай Чжунго дэ вэньцзы гайгэ (Реформа письменности в современном Китае). Пекин, 1995.

Сюй Баохуа 1998 — *Сюй Баохуа, Мията Итиро.* Ханьюй фанъянь дацыдянь (Большой словарь китайских диалектов). Т. 1–5. Пекин, 1998.

Сюй Вэнькань 2005 — *Сюй Вэнькань.* Вайлайной гуцзинь тань (О заимствованных словах в прошлом и настоящем). Пекин, 2005.

Сюй Гаоюй 2011 — *Сюй Гаоюй.* Элосы чжунгосюэ чжун дэ сяньдай ханьюй цыхуэй яньцзю (Исследования лексики современного китайского языка в российском китаеведении) // Элосы чжунгосюэ (Российское китаеведение). Чунцин, 2011.

Сюй Цзялу 1999 — *Сюй Цзялу.* Мяньюй синь шицзи дэ вого юйяньсюэ (Отечественное языкознание на пороге нового столетия) // Чжунго юйвэнь. 1999. № 5.

Сюй Шижун 1990 — *Сюй Шижун.* Бэйцзин туюй цыдянь (Словарь местной пекинской лексики). Пекин, 1990.

Сюй Шэнь 1989 — *Сюй Шэнь.* Шо вэнь цзе цзы (Объяснение простых и рассечение сложных знаков). Пекин, 1989.

Сюй Юэ 2010 — *Сюй Юэ.* Синьпай Ханчжоу фанъянь дуй чжоубянь уйй юйинь дэ си шоу (Поглощение ханчжоуским диалектом современного типа фонетических элементов из окружающих диалектов группы У) // Фанъянь. 2010. № 2.

Сюн Чжэнхуэй 2008 — *Сюн Чжэнхуэй, Чжан Чжэньсин*. Ханьюй фанъянь дэ фэньцзюй (Классификация диалектов китайского языка) // Фанъянь. 2008. № 2.

Сюн Чжэнхуэй 2008а — *Сюн Чжэнхуэй, Чжан Чжэньсин, Хуан Син*. Чжунго дэ юйянь (Языки Китая) // Фанъянь. 2008. № 3.

Сян Гуанчжун 2004 — *Сян Гуанчжун*. Ханьцзы гуйфань цзянь гу лунь цзинь (Стандартизация китайской письменности: изучая прошлое, обсуждаем настоящее) // Ханьцзы гуйфань байцзятань (Дискуссия по проблеме стандартизации китайских иероглифов) / Ред. Ли Юймин, Фэй Цзиньчан. Пекин, 2004.

Сяндай ханьюй 1996 — *Сяндай ханьюй цыдянь* (Словарь современного китайского языка). Изд. 5-е. Пекин, 2005.

Сяндай ханьюй фанъянь 2002 — *Сяндай ханьюй фанъянь дацыдянь* (Большой словарь диалектов современного китайского языка) / Ред. Ли Жун. Т. 1–6. Нанкин, 2002.

Сяндай ханьюй фанъянь 2006 — *Сяндай ханьюй фанъянь иньку* (Собрание аудиозаписей современных диалектов китайского языка) / Ред. Хоу Цзиньи. Шанхай, 2006.

Тао Лянь 2008 — *Тао Лянь и др.* Гайгэ кайфан чжун ханьюй цыхуэй дэ фачжань (Развитие лексики китайского языка в период «реформ и открытости») / Ред. Чэнь Гуанлэй. Шанхай, 2008.

Тун Лэцюань 2006 — *Тун Лэцюань*. Чжунго юйянь вэньцзы шиюн цинкуан дяоча цзыляо (Употребление языка и письменности в Китае: материалы обследования). Пекин, 2006.

Хай Фэн 2003 — *Хай Фэн*. Чжунъя дунгань юйянь яньцзю (Исследование языка среднеазиатских дунган). Урумчи, 2003.

Хай Фэн 2005 — *Хай Фэн*. «Дунгань» лай цзы «тунькэнь» (Термин *дунгань* «дунгане» происходит от термина *тунькэнь* «военные поселения пограничных земель») // Сибэй миньцзу яньцзю. 2005. № 1.

Хай Фэн 2007 — *Хай Фэн*. Дунганьхой юй хуэйцзу цзинтаньхой (Дунганский язык и литургический язык *цзинтаньхой*) // Синьцзян дасюэ сюэбао цзэнкань. 2007. № 33.

Хань Чжуньи 2005 — *Хань Чжуньи*. Сяоцзин пиньсе тиси цзи ци люпай чутань (Об алфавитной системе *сяоцзин* и ее разновидностях) // Сибэй диэр миньцзу сюэюань сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2005. № 3.

Ханьцзы бушоу 2009 — Ханьцзы бушоу бяо (Список иероглифических ключей). Пекин, 2009.

Ханьцзы гуйфань 2004 — Ханьцзы гуйфань байцзытань (Дискуссия по проблеме стандартизации китайских иероглифов) / Ред. Ли Юймин, Фэй Цзиньчан. Пекин, 2004.

Ханьцзы цзысин 2004 — Ханьцзы цзысин яньцзю (Исследования по проблеме унификации формы иероглифов) / Ред. Ли Бин. Пекин, 2004.

Ханьюй фанъянь 2008 — Ханьюй фанъянь дитуцзи (Атлас китайских диалектов) / Ред. Цао Чжиюнь. Т. 1–3. Пекин, 2008.

Хао Пин 2009 — *Хао Пин*. Дали туйгуан путунхуа, цзици гоуцзянь хэсе юйянь шэнхо (Активно распространять *путунхуа*, создавать гармоничную языковую среду). Речь на Конференции по работе в области языка и письменности 12 декабря 2009 г. // www.china-language.gov.cn/11/2009_12_21/1_11_4427_0_1261359154453.html.

Хирата 1981 — *Хирата Сё:дзи*. Хуэйчжоу фанъянь гу цюаньчжо шэнму дэ инбянь (Развитие исторических звонких инициалей в диалектах южной части провинции Аньхой) // Инся ронсо: . 1982. № 12.

Ху Лун 2007 — *Ху Лун*. Е тань «сяоцзин», «кайдани» (Поговорим также о словах «сяоцзин» и «Кайдани») // Хуэйцзю яньцзю. 2007. № 1.

Ху Пэйчжоу 1999 — *Ху Пэйчжоу*. Ибэнь хэ пууй, юэюй, бэйцинхуа югуань дэ цзышу (Иероглифический словарь, имеющий отношение к португальскому языку, кантонскому и пекинскому диалектам) // Фанъянь. 1999. № 4.

Ху Чжэньхуа 1989 — *Ху Чжэньхуа*. Хуэйцзю юй ханьюй (*Хуэйцзю* и китайский язык) // Миньцзю юйвэнь. 1989. № 5.

Ху Шуанбао 2008 — *Ху Шуанбао*. Ханьцзы ши хуа (Беседы по истории китайской письменности). Пекин, 2008.

Ху Юньшэн 2005 — *Ху Юньшэн*. Саньчжун гуаньси худун чжун дэ хуэйцзю жэньтун (Идентификация *хуэйцзю* в свете трех взаимосвязанных аспектов) // Миньцзю яньцзю. 2005. № 1.

Хуан Дэжуань 1994 — *Хуан Дэжуань, Чэнь Бинсинь*. Ханьюй вэньцзысюэ ши (История изучения китайской письменности). Хэфэй, 1994.

Хуан И 2007 — *Хуан И*. Аомэнь юйянь яньцзю (Исследования языка в Макао). Пекин, 2007.

Хэ Вэй 1992 — *Хэ Вэй*. Ханьюй фанъянь юйфа яньцзю дэ цзигэ вэньти (Несколько вопросов в связи с исследованиями в области грамматики китайских диалектов) // Фанъянь. 1992. № 3.

Цао Найму 2009 — *Цао Найму*. Ханьцзы дэ пайсюй юй цзяньсо (Расположение и поиск китайских иероглифов). Пекин, 2009.

Цао Чжиюнь 2008 — *Цао Чжиюнь*. Цяньянь (Предисловие) // Ханьюй фанъянь дитуцзи (Атлас диалектов китайского языка) / Ред. Цао Чжиюнь. Т. 1. Пекин, 2008.

Цзи Чанхун 2004 — *Цзи Чанхун*. Цзяньхуа ханьцзы дэ хуэйгу юй шэсян (Упрощение китайских иероглифов: прошлое и будущее) // Ханьцзы гуйфань байцзятань (Дискуссия по проблеме стандартизации китайских иероглифов) / Ред. Ли Юймин, Фэй Цзиньчан. Пекин, 2004.

Цзинь Сяоцзин 1989 — *Цзинь Сяоцзин*. Таньтань хуэйцзу шиюн дэ юйянь (О языке, употребляемом хуэйцзу) // Миньцзу гуаньцзе. 1989. № 2.

Цзинь Хуэй 1988 — *Цзинь Хуэй*. Люэ тань чжуншицзи исылань — алабо вэньсюэ цзай Чжунго дэ чуаньбо хэ инсян (О распространении и влиянии средневековой исламско-арабской литературы в Китае) // Чжунго исыланьцзяо яньцзю вэньцзи (Сборник работ по исламу в Китае). Иньчуань, 1988.

Цзэн Цзыфань 2000 — *Цзэн Цзыфань*. «Ганши путунхуа» поуси (Анализ «гонконгского путунхуа») // Фанъянь. 2000. № 3.

Цзяньхуацзы 2004 — *Цзяньхуацзы яньцзю* (Исследования по проблеме упрощения иероглифов) / Ред. Ши Динго. Пекин, 2004.

Цю Чжицюнь 1994 — *Цю Чжицюнь, V. E. van den Berg*. Тайвань юйянь сяньчжуан дэ чубу яньцзю (Предварительное исследование языковой ситуации на Тайване) // Чжунго юйвэнь. 1994. № 4.

Чжан Минхуа 2007 — *Чжан Минхуа*. Чжунго цзыдянь цыдянь ши хуа (Беседы по истории составления китайских словарей иероглифов и словарей слов). Пекин, 2007.

Чжан Чжумэй 2007 — *Чжан Чжумэй*. Шилунь Миндай цяньци Наньцзинхуа дэ юйянь дивэй (О языковом статусе нанкинского диалекта начального периода династии Мин) // Цзиньдай гуаньхуа юйинь яньцзю (Исследования фонетики гуаньхуа нового времени). Пекин, 2007.

Чжан Чжунсин 2007 — *Чжан Чжунсин*. Вэньянь хэ байхуа (*Вэньянь и байхуа*). Пекин, 2007.

Чжан Чжэньсин 2000 — *Чжан Чжэньсин*. «Сяньдай фанъянь дацядянь» бяньцзуань хоу цзи (Заметки после публикации «Большого словаря диалектов современного китайского языка») // *Фанъянь*. 2000. № 2.

Чжан Чжэньсин 2003 — *Чжан Чжэньсин*. Сяньдай ханьюй фанъянь юйсуй вэньти дэ каоча (Обзор работ, посвященных проблеме порядка слов в современных китайских диалектах) // *Фанъянь*. 2003. № 2.

Чжан Юйлай 2007 — *Чжан Юйлай*. Цзиньдай ханьюй гуаньхуа юйинь яньцзю цзяодянь вэньти (Основные проблемы исследования фонетики *гуаньхуа* новокитайского периода) // *Цзиньдай гуаньхуа юйинь яньцзю* (Исследования фонетики *гуаньхуа* нового времени). Пекин, 2007.

Чжоу Байшэн 1998 — *Чжоу Байшэн и Лю Чжэньфа*. Сянган кэцзяхуа сян юэюй чжуаньти дэ иньсу хэ цюйши (Составляющие и тенденции перехода носителей диалекта *хакка* в Гонконге на кантонский диалект) // *Фанъянь*. 1998. № 3.

Чжу Миньшэнь 1998 — *Чжу Миньшэнь*. «Шо вэнь цзе цзы» юй Чжунго гувэньцзысюэ (Словарь «Шо вэнь цзе цзы» и изучение древнекитайской письменности). Шанхай, 1998.

Чжунго юйянь 2006 — Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2005) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.). Пекин, 2006. Т. 1–2.

Чжунго юйянь 2007 — Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2006) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2006 г.). Пекин, 2007. Т. 1–2.

Чжунго юйянь 2008 — Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2007) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2007 г.). Пекин, 2008. Т. 1–2.

Чжунго юйянь 2010 — Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2009) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2009 г.). Пекин, 2010. Т. 1–2.

Чжунго юйянь 2009 — Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2008) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2008 г.). Пекин, 2009. Т. 1–2.

Чжунго юйянь 2010 — Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2009) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2009 г.). Пекин, 2010. Т. 1–2.

Чжунго юйянь 2011 — Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2011) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2011 г.). Пекин, 2011.

Чжунго юйянь дитуцзи 1987 — Language Atlas of China / Чжунго юйянь дитуцзи (Атлас языков Китая). Hong Kong. Vol. 1. 1987.

Чжунго юйянь дитуцзи 2010 — Чжунго юйянь дитуцзи (Атлас языков Китая). Т. 1–3. Пекин, 2010.

Чжунхуа синши 2000 — Чжунхуа синши дадянь (Большой словарь китайских фамилий). Пекин, 2000.

Чжэн Динъю 1999 — *Чжэн Динъю*. Аомэнь пууй чжун дэ юэюй чэнфэнь (Кантонские составляющие в португальском языке Макао) // Фанъянь. 1999. № 4.

Чэнь Ган 1985 — *Чэнь Ган*. Бэйцзин фанъянь цыдянь (Словарь пекинского диалекта). Пекин, 1985.

Чэнь Найсюн 1982 — *Чэнь Найсюн*. Утунь хуа чутань (Предварительное описание языка деревни Утунь) // Миньцзу юйвэнь. 1982. № 1.

Чэнь Найсюн 1989 — *Чэнь Найсюн*. Утунь хуа дэ дунцы синтай (Морфология глагола в языке деревни Утунь) // Миньцзу юйвэнь. 1989. № 6.

Чэнь Цзяньминь 2002 — *Чэнь Цзяньминь*. Ханьюй синьцьюй юй шэхуэй шэнхо (Новые слова в китайском языке и жизнь китайского общества). Пекин, 2002.

Чэнь Чжантай 1996 — *Чэнь Чжантай, Ли Синьцзянь*. Путунхуа цичу фанъянь цзибэнь цыхуэйцзи (Базовая лексика диалектов, лежащих в основе путунхуа). Т. 1–5. Пекин, 1996.

Чэнь Юань 2000 — *Чэнь Юань*. Синь юйцы (Неологизмы). Пекин, 2000.

Ши Жуцзе 2005 — *Ши Жуцзе*. Хуашо сучжоухуа (Поговорим о сучжоуском диалекте) // Гусу ваньбао. 29.10.2005.

Ши Жуцзе 2010 — *Ши Жуцзе*. Цянь лунь фанъянь хэ путунхуа дэ гуаньси (Замечания о связях между путунхуа и диалектами) // Ханьюй юй ханьюй цзяосюэ яньцзю (Обирин дайгаку кōси гакуин). Учредительный номер. 07.2010.

Ши Пинцин 1931 — *Sh Pingcing*. Latingxuadi zhungwen Gungghen duben (Латинизированная книга для чтения на китайском языке для рабочих). Владивосток, 1931.

Ши Ювэй 2003 — *Ши Ювэй*. Ханьюй вайлайцы (Заимствованные слова в китайском языке). Пекин, 2003.

Шэн Янь 1999 — *Шэн Янь*. Аомэнь юйянь сяньчжуан юй юйянь гуйхуа (Языковая ситуация и языковое планирование в Макао) // *Фанъянь*. 1999. № 4.

Шэн Янь 2001 — *Шэн Янь*. Тань Сян–Ао дицой чжунвэнь гунвэнь чжун дэ юйянь вэньти (Лингвистические аспекты китайского языка официальных документов Гонконга и Макао) // *Фанъянь*. 2001. № 2.

Эндо 2001а — *Эндо: Мицуаки*. Пэкинго ег-но райри (Происхождение -эр в пекинском диалекте) // *Эндо: Мицуаки*. Канго хо:гэн ронко: (Труды по китайской диалектологии). Токио, 2001.

Эндо 2001б — *Эндо: Мицуаки*. Сайон-но ондзэ-ни цуйтэ (О порядке рифм в словаре «Це юнь») // *Тю:гоку онъянгаку ронсю*: (Сборник трудов по китайской фонологии). Токио, 2001

Эндо 2001в — *Эндо: Мицуаки*. Цун бяньциши дэ цзяоду поуци Ян Сюн «Фан янь» (Анализ словаря «Фан янь» Ян Сюна с точки зрения истории его составления) // *Эндо: Мицуаки*. Тю:гоку онъянгаку ронсю: (Сборник трудов по китайской фонологии). Токио, 2001.

Эндо 2001г — *Эндо: Мицуаки*. «Эр я» дэ тили лэйсин (Типы словарных описаний в «Эр я») // *Эндо: Мицуаки*. Тю:гоку онъянгаку ронсю: (Сборник трудов по китайской фонологии). Токио, 2001.

Эршии 2004 — Эршии шицзи дэ чжунго юйяньсюэ (Китайское языкознание в XXI в.). Пекин, 2004.

Эр я 1996 — Эр я. Пекин, 1996.

Ю Жүцзе 2010 — *Ю Жүцзе*. Шанхай цзяоцой юйинь цзинь 30 нянь лай дэ бяньхуа (Изменения в фонетике диалектов пригородов Шанхая за последние 30 лет) // *Фанъянь*. 2010. № 3.

Юй Минь 1999 — *Юй Минь*. Хоу Хань Саньго фаньхань дуйинь пу (Санскритско-китайские фонетические соответствия периода поздней Хань и Троецарствия) // Юй Минь юйяньсюэ луньвэньци (Сборник работ по языкознанию Юй Миня). Пекин, 1999.

Янь Годун 2006 — Эго ханьсюэ ши (ци юй 1917 нянь) (История китаеведения в России до 1917 г.). Пекин, 2006.

На западных языках

Bauer 1988 — *Robert Bauer*. Written Cantonese of Hong Kong // *Cahier de Linguistique Asie Orientale*. 1988. Vol. 17. № 2.

Baxter 1992 — *William H. Baxter*. A Handbook of Old Chinese Phonology. Berlin; New York, 1992.

Berg 1985 — *Marinus E. van den Berg*. Language Planning and Language Use in Taiwan. A Study of Language Choice Behavior in Public Settings. Leiden, 1985.

Chao Yuen Ren 1928 — *Chao Yuen Ren*. Studies in the Modern Wu dialects. Peking, 1928.

Chao Yuen Ren 1930 — *Chao Yuen Ren*. A system of tone letters // Le Maître Phonétique. Sér. 3. 1930. № 30.

Chappell 2005 — *Hillary Chappell and Christine Lamarre*. A Grammar and Lexicon of Hakka. Historical Materials from the Basel Mission Library // Collection des Cahiers de Linguistique Asie Orientale. Vol. 8. Paris, 2005.

Cheung Kwan-hin 2002 — *Cheung Kwan-hin and Robert S. Bauer*. The Representation of Cantonese with Chinese Characters // Journal of Chinese Linguistics. Monograph Series No 18. Berkeley, 2002.

Dragunov 1930 — *A. Dragunov*. The *hPhags-pa* script and Ancient Mandarin // Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук. Сер. VII. 1930.

Dragunov 1931 — *A. Dragunov*. A Persian transcription of Ancient Mandarin // Известия АН СССР. Отдел общественных наук. Сер. IX. 1931.

Edkins 1864 — *Joseph Edkins*. A grammar of the Chinese colloquial language commonly called the Mandarin dialect. Shanghai, 1864.

Endo 2001 — *Mitsuaki Endō*. Formal Characteristics of the Different Versions of the Ch'ieh Yun // Канго: хо:гэн ронко: (Работы по китайской диалектологии). Токио, 2001.

Gibbons 1987 — *John Gibbons*. Code-mixing and code choice: a Hong Kong case study. Clevedon–Philadelphia, 1987.

Gorelova 2002 — *L. M. Gorelova*. Manchu Grammar. Leiden, 2002.

Karlgren 1915 — *Bernhard Karlgren*. Études sur la phonologie chinoise // Archives d'Études Orientales. Vol. 15/1. 1915.

Kurpaska 2010 — *Maria Kurpaska*. Chinese language(s): a look through the prism of *The Great Dictionary of Modern Chinese Dialects*. Berlin / New York, 2010.

Masini 1993 — *Federico Masini*. The Formation of Modern Chinese Lexicon and its Evolution toward a National Language: The

Period from 1840 to 1898 // Journal of Chinese Linguistics. Monograph Series, No 6. Berkeley, 1993.

Norman 1988 — *Jerry Norman*. Chinese. Cambridge, 1988.

Pulleyblank 1984 — *E. G. Pulleyblank*. Middle Chinese. A Study in Historical Phonology. Vancouver, 1984.

Serruys 1962 — *Paul L.-M. Serruys*. Chinese dialectology based on written documents // Monumenta Serica. Vol. 21. 1962.

Sherard 1980 — *Michael Sherard*. A synchronic phonology of modern colloquial Shanghai // Computational Analyses of Asian and African Languages Monograph Series. Vol. 15. Tokyo, 1980.

Starostin 1995a — *S. A. Starostin*. Old Chinese basic vocabulary: A historical perspective // The Ancestry of Chinese Language. Journal of Chinese Linguistics. Monograph Series, No 8. Berkeley, 1995.

Starostin 1995b — *S. A. Starostin*. The historical position of Bai // Московский лингвистический журнал. Т. 1. М., 1995.

Stimson 1966 — *H. M. Stimson*. The Jongyuan in yunn: a guide to Old Mandarin pronunciation. New Haven, 1966.

Taiwan 2003 — Taiwan Yearbook 2003. Taipei, 2003.

Wei 2006 — *Jennifer M. Wei*. Language Choice and Ideology in Multicultural Taiwan // Language and Linguistics. 2006. No 1.

Wexler 1976 — *Paul Wexler*. Research Frontiers in Sino-Islamic Linguistics // Journal of Chinese Linguistics. Vol. 4/1. 1976.

Yue-Hashimoto 1976 — *Oi-kan Y. Yue-Hashimoto*. Substratum in Southern Chinese — the Tai connection // Computational Analyses of Asian and African Languages. 1976. № 6.

Zavjalova 1978 — *Olga I. Zavjalova*. Some Phonological Aspects of the Dungan Dialects // Computational Analyses of Asian and African Languages. 1978. № 9.

Zavjalova 1983 — *Olga Zavjalova*. A linguistic boundary within the *guanhua* area // Computational Analyses of Asian and African Languages. 1983. № 21.

Zavjalova 1999 — *Olga I. Zavyalova*. Sino-Islamic language contacts along the Great Silk Road: Chinese texts written in Arabic script // Chinese Studies (Hànxiué Yánjiū), 1999. № 1.

SUMMARY

Chinese in and outside China

The book is designed to meet the need for the latest knowledge about the Chinese language and script, their history and the place they occupy in the global language space. The newest data highlighting the language situation and the language policies pursued in various parts of the wide-reaching Chinese world could not only be of interest to Chinese learners but to experts dealing with other countries as well. The publication is based on an analysis of studies by Russian, Chinese and Western linguists, on information drawn from Chinese print and electronic media as well as on personal impressions the author gained while traveling across many provinces of the PRC. The photos that accompany the text provide an added insight into the vital role the language and script are playing in the life of today's China. Many years of Olga Zavyalova's studies dealing with the Chinese language and dialects, language geography, Sino-Islamic linguistics and Dungan, as well as with the language policies in the PRC resulted in the publication of the book.

Учебное издание

Завьялова Ольга Исааковна

БОЛЬШОЙ МИР КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *О. Б. Русакова*
Обложка *И. И. Мамыкин*

ООО «Восточная книга»

127106, Москва, Гостиничный пр., д. 8, к. 1

www.east-book.ru

(495) 545-07-69

E-mail: muravei@muravei.ru

Адрес для корреспонденции:

127106, Москва, а/я 12

Подписано в печать 27.03.2014.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 14,28.

Тираж 500 экз. Заказ №